ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

РЕГИОНОЛОГИЯ
REGIONOLOGY

Том 28, № 1, 2020 (январь – март)
Сквозной номер выпуска – 110
Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1
Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 28, No. 1, 2020 (January – March)
Continuous issue 110
Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia

EDITORIAL OFFICE:
68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia
Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
http://regionsar.ru

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2020

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени:

ЭКОНОМИКА
СОЦИОЛОГИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Социально-экономические и общественные науки

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The names and content of the Journal's sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded:

ECONOMICS
SOCIOLOGY
POLITICAL SCIENCE

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the editorial office for the purpose of their expert evaluation.

Editorial staff's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legitimacy, plagiarism, ethical principles, kept in community of leading scientific issues publishers. Journal's editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics (Russia, Moscow) and it is formed in account of standards of ethics of editors' and publishers' work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics (COPE).

The Journal is indexed and archived in *Russian Index of Scientific Citation*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in Lan electronic library system, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals and in *German National Library of Economics* (ZBW).

The journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Assotiation of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and the international community of reviewers Publons.

The Journal is included in the List of the peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of Ph. D. and doctoral theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches of science should be published.

Socio-Economic and Social Sciences

Economics and national economy management
Social structure, social institutions and processes
Political institutions, processes and technology
Political issues of international relations, global and regional development

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вдовин Сергей Михайлович – **главный редактор,** ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», кандидат экономических наук, доцент, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7363-1389, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Полутин Сергей Викторович – **заместитель главного редактора,** директор НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор социологических наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0399-4154, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Россия)

Гордина Светлана Викторовна – **ответственный секретарь,** член Европейской ассоциации научных редакторов (EASE), кандидат педагогических наук, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2265-418X, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Саранск, Россия)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2057-2220, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор политических наук, доцент, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6886-5762, bahlov@mail.ru (Саранск, Россия)

Барыгин Игорь Николаевич – профессор кафедры европейских исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор политических наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8143-3136, ibarygin@gmail.com (Санкт-Петербург, Россия)

Большаков Андрей Георгиевич – заведующий кафедрой конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор политических наук, доцент, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5036-000X, bolshakov_andrei@mail.ru (Казань, Россия)

Гришин Виктор Иванович – ректор ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», доктор экономических наук, профессор, rector@rea.ru (Москва, Россия)

Дахин Андрей Васильевич – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5907-706X, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Россия)

Дружинин Павел Васильевич – заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики ФГБУН «Карельский научный центр Российской академии наук», доктор экономических наук, доцент, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5303-0455, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Россия)

Дулина Надежда Васильевна – профессор кафедры социологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6471-7073, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Россия)

Кизима Сергей Анатольевич – заведующий кафедрой международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0725-5391, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Ковалев Виктор Антонович – профессор кафедры политологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», доктор политических наук, доцент, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3691-4106, vant_2000@mail.ru (Сыктывкар, Россия)

Лапин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1467-0358, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Россия)

Макарова Марина Николаевна – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доктор социологических наук, доцент, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3176-6386, makmar11@mail.ru (Ижевск, Россия)

Немировский Валентин Геннадьевич – главный научный сотрудник учебно-научной лаборатории кафедры общей и экономической социологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4076-465X, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Россия)

Резник Галина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», доктор экономических наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4575-1812, reznikga@gmail.com (Пенза, Россия)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центрально-Азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3467-0833, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Симанавичене Жанета – заведующий лабораторией инноваций в предпринимательстве Университета Миколаса Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6008-2405, zasiman@mruni.eu (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7411-9958, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Туровский Ростислав Феликсович – вице-президент Центра политических технологий, доктор политических наук, доцент, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8496-3098, rft777@mail.ru (Москва, Россия)

Шалаев Владимир Павлович – декан факультета социальных технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», доктор философских наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9155-695X, shalaevvp@volgatech.net (Йошкар-Ола, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sergey M. Vdovin – **Editor-in-Chief,** Rector of National Research Mordovia State University, Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7363-1389, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Sergey V. Polutin – **Deputy Editor-in-Chief,** Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0399-4154, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russia)

Svetlana V. Gordina – **Executive Editor,** Member of European Association of Science Editors (EASE), Ph. D. (Pedagogy), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2265-418X, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Saransk, Russia)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2057-2220, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Ghrian, Libya)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6886-5762, bahlov@mail.ru (Saransk, Russia)

Igor N. Barygin – Professor, Department of European Studies, St. Petersburg State University, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8143-3136, ibarygin@gmail.com (St. Petersburg, Russia)

Andrey G. Bolshakov – Head of Department, Department of Conflict Resolution, Kazan (Volga) Federal University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5036-000X, bolshakov_andrei@mail.ru (Kazan, Russia)

Andrey V. Dakhin – Head of Department, Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5907-706X, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russia)

Pavel V. Druzhinin – Head of Department, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5303-0455, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russia)

Nadezhda V. Dulina – Professor, Department of Sociology, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6471-7073, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russia)

Viktor I. Grishin – Rector of Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, rector@rea.ru (Moscow, Russia)

Sergey A. Kizima – Head of Department, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0725-5391, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Viktor A. Kovalev – Professor, Department of Political Science and International Relations, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3691-4106, vant_2000@mail.ru (Syktyvkar, Russia)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1467-0358, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russia)

Marina N. Makarova – Professor, Department of Sociology, Udmurt State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3176-6386, makmar11@mail.ru (Izhevsk, Russia)

Valentin G. Nemirovskiy – Chief Researcher at the Training and Research Laboratory, Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4076-465X, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russia)

Galina A. Reznik – Head of Department, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4575-1812, reznikga@gmail.com (Penza, Russia)

Aigul K. Sadvokassova – Director of the Center for the Study of Interethnic and Interfaith Relations in the Central Asian Region, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3467-0833, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Shalaev – Dean, Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9155-695X, shalaevvp@volgatech.net (Yoshkar-Ola, Russia)

Žaneta Simanavičienė – Head of Business Innovation Laboratory, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6008-2405, zasiman@mruni.eu (Vilnius, Lithuania)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7411-9958, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Rostislav F. Turovsky – Vice-President, Center for Political Technologies, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8496-3098, rft777@mail.ru (Moscow, Russia)

http://regionsar.ru
DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001
ISSN 2587-8549 (Print)
ISSN 2413-1407 (Online)

СОДЕРЖАНИЕ

Мировая экономика

Г. В. Марков, Б. В. Салихов. «Европа многих скоростей»: проблемы эволюции геокультурной интеграции 10

Е. А. Демина. Кризис экономической и социальной модели стран Северной Европы: опыт Дании, Норвегии, Финляндии, Швеции 28

Экономика и управление народным хозяйством

Т. Ю. Кудрявцева, А. Е. Схведиани. Исследование региональных кластеров с использованием информационно-аналитических систем (на примере биофармацевтического кластера) 48

Д. А. Питиляк, И. Е. Карякина, Д. А. Захарченко. Основные тенденции развития производства и потребления рыбной продукции в Сахалинской области 80

Социальная структура, социальные институты и процессы

О. А. Балабейкина. Конфессиональное зарубежное регионоведение как направление исследований 111

Н. А. Пруель, Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы 133

А. А. Вяльшина, С. Т. Дакирова. Социологический анализ миграционных настроений выпускников сельских школ 159

С. В. Полутин, Е. А. Самойлова. Социологический портрет российского зоозащитного движения 184

Информация для авторов и читателей (на рус. яз.) 200

Информация для авторов и читателей (на англ. яз.) 202

http://regionsar.ru
DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001
ISSN 2587-8549 (Print)
ISSN 2413-1407 (Online)

CONTENTS

World Economy

G. V. Markov, B. V. Salikhov. "Multi-Speed Europe": Issues of the Evolution of Geocultural Integration 10

E. A. Demina. Crisis of the Economic and Social Model of the Nordic Countries: The Experience of Denmark, Norway, Finland and Sweden 28

Economics and Management of National Economy

T. Yu. Kudryavtseva, A. E. Skhvediani. Studying Regional Clusters with the Use of Data Processing Systems: The Case of the Biopharmaceutical Cluster 48

D. A. Pitilyak, I. E. Karyakina, D. A. Zakharchenko. The Main Trends in the Development of Production and Consumption of Fish Products in the Sakhalin Region 80

Social Structure, Social Institutions and Processes

O. A. Balabeykina. Confessional Foreign Regional Studies as a Field of Research 111

N. A. Pruel, L. N. Lipatova, V. N. Gradusova. Migration in Modern Russia: Scope, Main Directions and Problems 133

A. A. Vyalshina, S. T. Dakirova. Sociological Analysis of Migration Attitudes of Rural School Graduates 159

S. V. Polutin, E. A. Samoilova. A Sociological Portrait of the Animal Welfare Movement in Russia 184

Information for Authors and Readers of the Journal (in Russian) 200

Information for Authors and Readers of the Journal (in English) 202

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА / WORLD ECONOMY

УДК 378.1:008
http://regionsar.ru
ISSN 2587-8549 (Print)
DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.010-027
ISSN 2413-1407 (Online)

«Европа многих скоростей»: проблемы эволюции геокультурной интеграции

Г. В. Марков* **Б. В. Салихов**

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (г. Москва, Россия),
** 89854823628gr@gmail.com*

Введение. В риторике лидеров стран Европейского союза просматриваются масштабные противоречия по ключевым вопросам и «геокультурная» несовместимость взглядов. Цель статьи – обосновать необходимость дихотомического деления Европейского союза на Запад и Восток. Теоретическим основанием разделения является концептуальное применение идеи «Европа многих скоростей».
Материалы и методы. Для достаточной доказательной базы использовался метод единства качественных и количественных параметров стран бывшего социалистического лагеря и западноевропейских государств. Материалами для изучения послужили эмпирические и теоретические исследования, статистические материалы международных организаций.
Результаты исследования. В процессе комплексного исследования был проведен актуальный геокультурный анализ сравнительных характеристик стран Европейского союза. На этой основе доказана эффективность концепции «многоскоростной Европы» как способа оформления имеющихся различий в рамках Европейского союза. Была дана позитивная для России оценка последствий регионализации Европы. Фактическое применение данной концепции улучшит социально-экономические связи России с Западной Европой.
Обсуждение и заключение. Исследование показало противоречивый и низкоэффективный характер существования единой Европы. Многостороннее исследование концепции «Европа многих скоростей» позволит спрогнозировать

© Марков Г. В., Салихов Б. В., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

дальнейшее развитие Европейского союза и оценить роль России в современной Европе. Полученные результаты могут быть использованы учеными и политическими деятелями для анализа последствий расширения Европейского союза.

Ключевые слова: Европа многих скоростей, Европейский союз, дихотомия «Запад – Восток», углубление интеграции, периферийный регион

"Multi-Speed Europe": Issues of the Evolution of Geocultural Integration

G. V. Markov*, B. V. Salikhov
Moscow State Linguistic University (*Moscow, Russia*),
**89854823628gr@gmail.com*

Introduction. The rhetoric of the leaders of the countries of the European Union shows large-scale contradictions on key issues as well as the "geocultural" incompatibility of views. The objective of the study is to prove the need for a dichotomous division of the European Union into "West" and "East", the conceptual application of the idea of "multi-speed Europe" being the theoretical basis for such separation.
Materials and Methods. The method of unity of the qualitative and quantitative parameters of the countries of the former socialist bloc and Western European states was used to establish a sufficient evidence base. Empirical and theoretical studies as well as statistical data from international organizations were used as the materials for this study.
Results. In the process of a comprehensive study, an up-to-date geocultural analysis of the comparative characteristics of the countries of the European Union was carried out. On this basis, the effectiveness of the concept of "multi-speed Europe" as a way of formalizing the existing differences within the European Union has been proved. An assessment of the consequences of the regionalization of Europe, optimistic for Russia, has been given. The actual application of this concept will improve the socio-economic ties between Russia and Western Europe.
Discussion and Conclusion. The study has revealed the controversy and ineffectiveness of the existence of a united Europe. A comprehensive study of the concept of "multi-speed Europe" will make it possible to predict the further development of the European Union and evaluate the role of Russia in modern Europe. The results may be used by scientists and politicians to analyze the consequences of the enlargement of the European Union.

Keywords: multi-speed Europe, European Union, East–West dichotomy, deepening integration, peripheral region

Введение. К концу XX в. Европейский союз включал 15 государств; за 2004–2013 гг. к нему присоединились еще 13 стран. Европа вступила в новый, более сложный, интеграционный этап взаимодействия различных культурно-исторических обществ. Сегодня официальные представители Европейского союза, как и страны-члены, все чаще заявляют о необходимости и неизбежности реформ [1]. Громоздкий бюрократический

аппарат, разногласия стран-членов по основным вопросам осложняют эффективное принятие совместных решений. Учитывая разновекторность и сохраняющуюся разнородность социально-экономических параметров Запада и Востока Европы [2], оправданным и эффективным (в геоэкономическом смысле) решением станет применение концепции «многоскоростная Европа». С вхождением стран постсоциалистического лагеря Европейский союз расширился геополитически, но ослаб и разделился геокультурно[1]. Последствия его трансформации оказывают сильное влияние на кризисные явления единого Европейского союза.

Целью статьи является доказательство существования дихотомического раскола между Западом и Востоком Европы, а также верификация необходимости применения концепции «Европа многих скоростей» для разрешения обостряющихся системных противоречий. Высшими европейскими кругами предлагались и другие концептуальные теории, например, концепция «супергосударства» (Ж.-К. Юнкер), проект «Соединенных Штатов Европы» или идея «европейского федерального союза» (А. Бриан). Однако создание Европейской интервенционной инициативы, франко-германской парламентской ассамблеи, бюджета Еврозоны, а также значительное снижение субсидий указывают на разделение Европы на «ядро» и «периферию». В этой связи необходимо доказать разнохарактерность Европейского союза и обосновать значимость концепции «многоскоростная Европа».

Тенденции, наметившиеся в Центрально-Восточной Европе в последние несколько лет, свидетельствуют о популяризации запроса на перераспределение полномочий с Брюсселем в сторону большей независимости в принятии решений, касающихся политической сферы и определения угроз национальной безопасности [3]. Противоречия со странами Вышеградской группы и балтийскими странами показывают, что процесс «адаптации» к Европейскому союзу достиг определенной черты, за которой национальные элиты увидели угрозу государственным интересам [4].

Обзор литературы. За последние годы Европейский союз пережил немало потрясений: от внутриевропейских дестабилизирующих процессов до мировых перемен. Беспрецедентные вызовы осложняют позитивистский анализ будущего Европы. Однако пути выхода Европейского союза из кризиса активно изучаются в Европе. Подробный ретроспективный анализ представлен, в частности, в работах А. Обердорфа [5]. Ученый описывает исторические особенности Западной Европы, обращает внимание на проблемный подход к анализу европейской политики расширения. Д. Энгельс констатирует упадок Европы как цивилизации [1]. Он от-

[1] Европейский союз в XXI веке: время испытаний / под. ред. О. Ю. Потемкиной, Н. Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой. М.: Весь Мир, 2012. 656 с.

мечает не просто политический, экономический и общественный кризис модели Европы, но и геокультурную гибель Запада. К. Делом и Д. Кайла прогнозируют скорый конец Европейского союза, выделяют экономические проблемы Европейского валютного союза [6]. Французские ученые даже призывали искать будущее Европейского союза в демографическом развитии Африки [7]. Ж.-К. Пирис анализировал будущее Европейского союза в рамках концепции «Европа двух скоростей», придавая особое значение изменению институциональной системы принятия решений в Европейском союзе для повышения прозрачности общей европейской политики [8]. Глубокий многосторонний анализ проблематик с оценкой перспектив развития Европейского союза проводился многими учеными-теоретиками, однако актуальность исследований со временем значительно ослабла [9–11]. Также основательно были рассмотрены проблемы влияния интеграции на суверенную государственность; отмечена необходимость повышения эффективности институциональной системы Европейского союза. Нерешенность Лиссабонским договором проблем реформирования институциональной системы осложнила гомогенный характер деятельности Европейского союза [12].

В результате анализа зарубежной литературы можно сделать вывод о растущем недовольстве западного научного сообщества нынешним состоянием Европейского союза.

В России научные прогнозы европейского будущего делались в работах Д. О. Рябова [13], И. Крастева[2], Р. В. Тодоровой [14] и других исследователей. Кризис Европейского союза детально описан в исследованиях О. Ю. Потемкиной[3]. Учитывая тенденции мирового развития, Т. В. Воронина и М. Л. Грачева отстаивали и теоретически обосновывали модель интеграционного пространства «ядро – периферия» [15; 16]. Проекция этой модели теоретически и практически доказуема в Европейском союзе. Анализируя интеграционные процессы, ученые выявляли разнохарактерность развития и экономическую неоднородность внутри Европейского союза.

Глобальную роль Европейского союза в региональных структурах отмечали А. А. Громыко и М. Г. Носова в книге «Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность», где оцениваются интеграционные процессы на постсоветском пространстве и делается прогноз будущих отношений Европейского союза с Россией[4]. Как в России, так и за рубежом ученые отмечают кризисные явления

[2] Крастев И. После Европы. М.: Литагент РАНХиГС (Дело), 2018. 144 с.
[3] Европейский союз в XXI веке: время испытаний.
[4] Громыко А. А., Носова М. Г. Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. М.: Весь Мир, 2015. 592 с.

геокультурной парадигмы Запада. Дальнейшая способность Европы оставаться мировым геокультурным лидером ставится под сомнение.

Российская экономическая наука внесла свой вклад в разработку теории интеграционных процессов. Особую роль в социокультурном анализе европейской проблематики играет Институт Европы РАН и Московский центр Карнеги.

Несмотря на значительный тематический спектр и разнообразие научных подходов к исследуемой теме, хочется отметить перманентную актуальность тематики исследования. Дискуссионными остаются вопросы периферийности внутри Европейского союза, роль и влияние Западной Европы, ее зависимость от восточной части. Также можно констатировать фрагментарность изучения будущих социально-экономических связей России и Западной Европы.

Материалы и методы. Объектом исследования является феномен дихотомического разделения Европейского союза на Запад и Восток, предметом – прикладное значение концепции «многоскоростная Европа». Исследование проводилось в рамках комплексного регионоведческого анализа с опорой на зарубежные французские источники.

Информационной базой для оценки социоэкономических показателей стран стали официальные статистические данные, размещенные в открытом доступе. Для наглядного демонстрирования противоречий были исследованы разнообразные индексы стран с различной датировкой. В процессе изучения релевантной литературы было выявлено гетерогенное отношение стран Европейского союза к России и ее проектам. На начальном этапе исследования были определены диспропорциональные отличия между выгодоприобретателями и донорами европейского бюджета [2; 17].

Для решения поставленных задач были использованы: метод сравнительного анализ, системный и концептуальный подходы, контент-анализ. Методика изучения позволила раскрыть общую направленность, архитектонику и преемственность исследования.

Результаты исследования. Разногласия в миграционной, денежно-кредитной и военной политике разобщают единый Европейский союз, осложняя принятие релевантных решений[5]. Существование дихотомии «Запад – Восток» в геокультурном срезе Европейского союза доказывается многими показателями. Так, согласно данным таблицы 1, страны постсоциалистического блока по-прежнему значительно отстают по основным социально-экономическим параметрам от стран Западной Европы.

[5] Носович А. Преодоление периферийности [Электронный ресурс]. URL: https://globalaffairs.ru/global-processes/Preodolenie-periferiinosti-19824 (дата обращения: 03.10.2019).

Таблица 1. **Основные показатели социально-экономического развития западных и восточных стран Европейского союза**

Table 1. **Key indicators of socio-economic development of the Western and Eastern countries of the European Union**

Страна / Country	Индекс экологической эффективности (место), 2018 г.[6] / Environmental Performance Index (rank, 2018)	Индекс человеческого развития, 2018 г.[7] / Human Development Index (rank, 2018)	Глобальный инновационный индекс, 2019 г.[8] / Global Innovation Index (rank, 2019)	Индекс глобальной конкурентоспособности, 2019 г.[9] / Global Competitiveness Index (rank, 2019)
1	2	3	4	5
Германия / Germany	13	5	9	7
Франция / France	2	24	16	15
Бельгия / Belgium	15	17	23	22
Чехия[10] / Czech Republic	33	27	26	32
Польша / Poland	50	33	39	37
Венгрия / Hungary	43	45	33	47
Словакия / Slovakia	28	38	37	42
Болгария / Bulgaria	30	51	40	49
Румыния / Romania	45	52	50	51
Хорватия / Croatia	41	46	44	49
Латвия / Latvia	37	41	34	41
Литва / Lithuania	29	35	38	39
Эстония / Estonia	48	30	24	31

[6] The Environmental Performance Index 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://epi.envirocenter.yale.edu/ (дата обращения: 06.10.2019).

[7] Human Development Indices and Indicators: 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/en/2018-update (дата обращения: 06.10.2019).

[8] Global Innovation Index 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report (дата обращения: 6.10.2019)

[9] Global Competitiveness Report 2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 06.10.2019).

[10] Чехия, Польша, Венгрия, Болгария, Румыния, Хорватия не входят в еврозону / The Czech Republic, Poland, Hungary, Bulgaria, Romania, and Croatia are not part of the Eurozone.

Окончание табл. 1 / End of table 1

Страна / Country	Рейтинг стран мира по уровню социального развития[11] / Social Progress Index Rankings	Отношение к России[12] / Attitude towards Russia	Отношение к «Северному потоку 2» / Attitude towards the Nord Stream 2	Темпы роста ВВП, на июнь 2019 г.[13] / GDP growth rate, as of June 2019
Германия / Germany	9	+	+	0,4
Франция / France	16	+	+	1,4
Бельгия / Belgium	17	+	+	1,2
Чехия / Czech Republic	26	+ -	-	2,7
Польша / Poland	32	-	-	4,5
Венгрия / Hungary	36	-	-	4,9
Словакия / Slovakia	35	+ -	-	2,0
Болгария / Bulgaria	40	+ -	+	3,5
Румыния / Romania	44	-	-	4,4
Хорватия / Croatia	37	+ -	-	2,4
Латвия / Latvia	39	-	-	2,0
Литва / Lithuania	31	-	-	3,9
Эстония / Estonia	27	-	-	3,6

Они менее конкурентоспособны в глобальной рыночной экономике, значительно уступают Западной Европе по уровню социального и инновационного развития. «Младоевропейцы» негативно относятся к России, видят в ней врага[14]. Восточноевропейские страны, за исключением Венгрии и Болгарии, выступают против российского влияния в Европе.

[11] The Social Progress Index 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ua/Documents/research/social-progress-index/2018-Social-Progress-Index-brief.pdf (дата обращения: 06.10.2019).

[12] La carte du tendre russe [Электронный ресурс]. URL: https://www.bruxelles2.eu/2018/03/27/la-carte-du-tendre-russe/ (дата обращения: 06.10.2019).

[13] GDP | Europe [Электронный ресурс]. URL: https://tradingeconomics.com/european-union/gdp (дата обращения: 01.10.2019).

[14] Европейский союз в XXI веке: время испытаний.

Однако в Венгрии популистский пророссийский режим В. Орбана значительно ослабел: на выборах мэра г. Будапешта победил кандидат от оппозиции[15]. Это первое крупное поражение правящей партии за 10 лет. Болгария же, отказавшаяся несколько лет назад от «Южного потока», жалеет об утерянной выгоде.

Согласно данным таблицы 1, Западная Европа выступает за сближение и углубление отношений с Россией[16]; страны Восточной Европы, наоборот, препятствуют развитию отношений России и Западной Европы в рамках Европейского союза.

Высокие темпы роста восточных европейцев поддерживаются за счет выделяемых Западной Европой финансовых ресурсов (табл. 2).

Таблица 2. **Отчисления европейских стран в бюджет Европейского союза, 2018 г.,** %[17]

Table 2. **Contributions of European countries to the budget of the European Union, 2018,** %

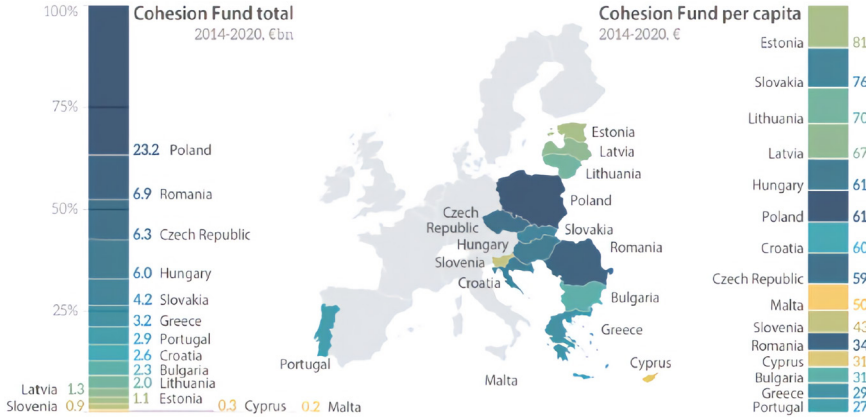
Страна / Country	Показатель / Indicator	Страна / Country	Показатель / Indicator
Германия / Germany	21,6	Греция / Greece	1,2
Великобритания / United Kingdom	15,6	Румыния / Romania	1,2
Франция / France	15,2	Чехия / Czech Republic	1,1
Италия / Italy	11,1	Венгрия / Hungary	0,8
Испания / Spain	7,6	Словакия / Slovakia	0,6
Нидерланды / Netherlands	4,7	Болгария / Bulgaria	0,3
Швеция / Sweden	3,2	Хорватия / Croatia	0,3
Польша / Poland	3,0	Люксембург / Luxembourg	0,3
Бельгия / Belgium	2,8	Словения / Slovenia	0,3
Австрия / Austria	2,4	Литва / Lithuania	0,3
Дания / Denmark	1,9	Латвия / Latvia	0,2
Ирландия / Ireland	1,5	Эстония / Estonia	0,2
Финляндия / Finland	1,4	Кипр / Cyprus	0,1
Португалия / Portugal	1,2	Мальта / Malta	0,1

[15] Зубарев Д. Кандидат от оппозиции победил на выборах мэра Будапешта [Электронный ресурс]. URL: https://vz.ru/news/2019/10/14/1002834.html (дата обращения: 03.10.2019).

[16] La carte du tendre russe [Электронный ресурс]. URL: https://www.bruxelles2.eu/2018/03/27/la-carte-du-tendre-russe/ (дата обращения: 06.10.2019).

[17] Budget d'Europe cotisations par pays 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://fr.statista.com/ (дата обращения: 02.08.2019).

В таблице 2 отчетливо прослеживаются страны-доноры европейского бюджета. Доля Западной Европы значительно выше отчислений стран Восточной Европы. Выплаты Германией, Францией и Великобританией составляют более 50 % всего бюджета Европейского союза. Европейские фонды в рамках концепции догоняющего развития выделяют значительные суммы для развития именно стран Восточной Европы. Примером может служить Фонд сплочения Европейского союза, финансирующий экономически отстающие страны в рамках стратегии пространственного выравнивания[18] (рис. 1).

Р и с. 1. Распределение средств Фондом сплочения Европейского союза в 2014–2020 гг.

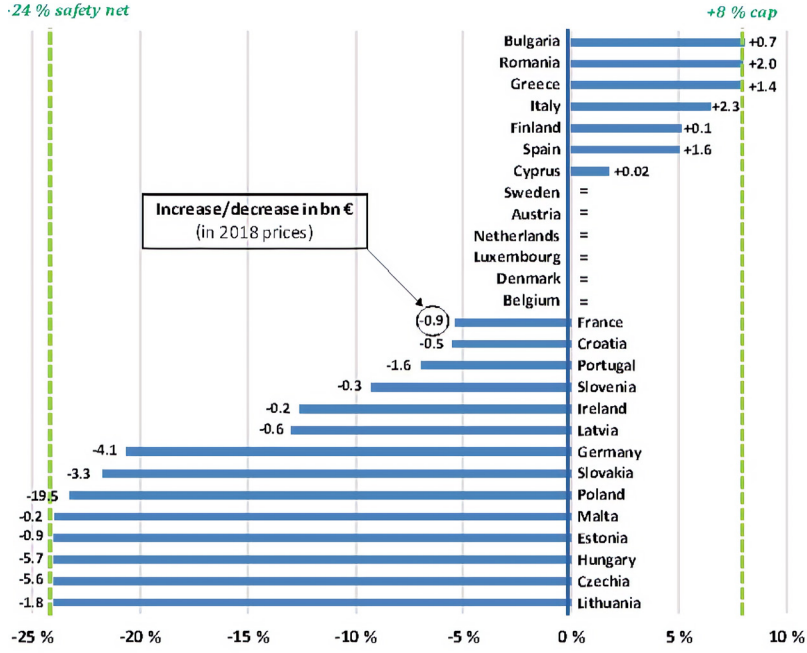
F i g. 1. Allocations of funds by the Cohesion Fund of the European Union, 2014–2020

Из рисунка 1 следует, что подавляющая часть средств западных стран идет на развитие восточных стран, например Польши, Словакии, Чехии, Венгрии. Более развитые регионы претендуют на меньший объем средств в рамках программы догоняющего развития. Однако Вышеградская четверка выражает нежелание углублять экономические связи с еврозоной, высказывает претензии к миграционной политике, негативно относится к российским проектам в Европе[19].

[18] Cohesion Fund [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/funding/cohesion-fund/; European Structural and Investment Funds [Электронный ресурс]. URL: https://cohesiondata.ec.europa.eu/ (дата обращения: 03.08.2019).

[19] Воскобойников И. Почему Восточная Европа беднее Западной? [Электронный ресурс]. URL: https://iq.hse.ru/news/306245968.html (дата обращения: 14.09.2019).

В результате вероятного выхода Великобритании из Европейского союза европейский бюджет значительно сократится[20]. В то же время планируется рост расходов, в частности на оборону и охрану границ. В этой связи субсидии странам Восточной Европы будут значительно снижены (рис. 2).

Р и с. 2. Сравнение субсидиального обеспечения в 2014–2020 и 2021–2027 гг.

F i g. 2. Comparison of allocations in 2014–2020 to those in 2021–2027

Всего с 2014 по 2020 г. Европейский союз через региональные и структурные фонды оказал значительную финансовую поддержку странам Восточной Европы[21] [18]. Однако в Брюсселе с 2020 г. утвердили новый бюджет с сокращением расходов на «младоевропейцев», например, Польше, Литве, Эстонии, Чехии (всем более 20 %). Экономические трудности, невы-

[20] Barker A. EU Plans €30bn Funding Shift from Central and Eastern Europe [Электронный ресурс]. URL: https://www.ft.com/content/c35f032a-628b-11e8-90c2-9563a0613e56 (дата обращения: 24.10.2019).

[21] European Structural and Investment Funds [Электронный ресурс]. URL: https://cohesiondata.ec.europa.eu/ (дата обращения: 04.09.2019).

полнение Восточной Европой интеграционных требований и обязательств, социально-экономические разногласия – все это повлияло на параметры социально-экономической помощи [5]. В свою очередь, средиземноморские страны получат больше выплат. Так, финансирование Греции увеличится на 8,0 %, Испании – на 5,0, Италии – на 6,4 %[22]. В общей сложности идет перераспределение средств с восточных на южноевропейские страны Европейского союза. Реализация подобных мер внесет еще больше разногласий в дихотомическое противостояние в рамках Европейского союза.

Теперь вполне очевиден разновекторный характер развития Европейского союза. Принимая во внимание создание единого франко-немецкого парламента, начавшиеся попытки введения единого бюджета еврозоны, а также завершающий этап постройки «Северного потока – 2», можно судить, что дихотомия «Запад – Восток» становится неизбежной.

Несмотря на экономический рост, страны Восточной Европы сталкиваются со множеством проблем [19; 20]. Десятилетия существования в Европейском союзе не искоренили в них проблему отсутствия национально ориентированного предпринимательского класса, заинтересованного в долгосрочных инвестициях в отечественную экономику[23]. В Восточной Европе фактически не осталось крупного бизнеса, контролирующегося национальным капиталом [6].

Восточная Европа, в отличие от Западной, испытывает демографические трудности. Согласно данным ООН, все десять стран, лидирующих в мире по темпам и масштабам «вымирания», находятся в Восточной Европе (табл. 3). Здесь же отметим тенденцию вымирания населения стран бывшего социалистического блока. Депопуляция негативно влияет на экономический потенциал развития региона [21].

В попытках преодоления геокультурных различий лидерами стран Западной Европы была выдвинута концепция «Европа многих скоростей» [8], которая не является новой формой организации европейского единства, а представляет способ оформления уже имеющихся различий. Европейский союз стоит на пороге формирования элитарного клуба лидеров интеграционного процесса [22]. Цель идеи заключается в укреплении альянса «старой Европы» под руководством франко-германского союза.

Страны устойчивого ядра объединены глубокими цивилизационными интенциями, социокультурными историческими особенностями, восходящими к империи Карла Великого. Получается, геокультурная интеграция является более сложным процессом, чем создание политического, правового или экономического единства. Идея «Европы многих скоростей» отражает факт кризиса реализации самой идеи единой Европы как жесткой системы.

---

[22] Barker A. EU Plans €30bn Funding Shift from Central and Eastern Europe.

[23] Фоминых Ф. И. Расширение Европейского Союза на восток: стратегия, проблемы, последствия для России: дис. … канд. полит. наук. 2008. 205 с.

Таблица 3. **Депопуляция Восточной Европы к 2050 г.**[24]
Table 3. **Depopulation of Eastern Europe by 2050**

Страна / Country	2017 г., млн чел. / 2017, million people	2050 г., млн чел. / 2050, million people	Процентное изменение / Percentage change
Болгария / Bulgaria	7,08	5,42	-23
Латвия / Latvia	1,95	1,52	-22
Молдавия / Moldova	4,05	3,29	-19
Украина / Ukraine	44,22	36,42	-18
Хорватия / Croatia	4,19	3,46	-17
Литва / Lithuania	2,89	2,41	-17
Румыния / Romania	19,68	16,40	-17
Сербия / Serbia	8,79	7,45	-15
Польша / Poland	38,17	32,39	-15
Венгрия / Hungary	9,72	8,28	-15

Страны за пределами романо-германского «лимеса», по замыслу Э. Макрона, войдут во второй внешний круг интеграции. Находясь между нынешним Европейским союзом и еврозоной, они будут постепенно интегрироваться в «твердое ядро» [14]. При этом план Э. Макрона включает в себя также «третью скорость». Самым широким кругом будет союз ценностей, демократических принципов и экономических свобод, находящийся между Европейским союзом и Советом Европы. Следует признать, что страны в Европейском союзе имеют разный уровень социально-экономического развития, различные модели политического и экономического устройства, традиции, историко-культурные особенности [4]. Идея «разных скоростей» означает неравномерность развития тех или иных государств уже в рамках Европейского союза, что позволяет предполагать отличающиеся модели и темпы развития и разные модели интеграции в целом. Государства будут стремиться к единой цели в зависимости от социально-экономических возможностей.

По мнению авторов Белой книги, интеграция многих скоростей не противоречит развитию интеграционного процесса и не угрожает единству Европейского союза[25]. Однако разрешая дифференциацию, Европейский союз отрекается от фундаментального принципа достижения равенства

[24] World Population Prospects 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://population.un.org/wpp/ (дата обращения: 25.10.2019).
[25] Белая книга. Будущее Европы. 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.spbstu.ru/upload/inter/white-paper-future-eu.pdf (дата обращения: 04.10.2019).

посредством глубокой интеграции [23]. Концепция догоняющего развития, стратегия пространственного выравнивания признаются неэффективными. В данных реалиях существует риск создания нескольких отдельных Европ в Европейском союзе. При этом концепция «многоскоростной Европы» рассматривается как инструмент повышения дисциплины и солидарности для одних стран и дискриминационный механизм для других.

Курс на осуществление проекта «Европа многих скоростей» препятствует балканской волне расширения. Э. Макрон полагает, что увеличение членов европейской семьи замедлит интеграцию внутри союза, без чего невозможен дальнейший экономический рост. Франция выступает за приостановление процесса расширения до реформ Европейского союза, его руководящих органов и банковской системы[26]. В этой связи проект «Восточное партнерство» в среднесрочной перспективе не приведет к вступлению новых стран в Европейский союз.

США поддерживают очередное расширение Европейского союза и вступление в него балканских стран. Сегодня вопросы лидерства США в трансатлантическом союзе и разделения ответственности между трансатлантическими партнерами остаются актуальными. Д. Трамп с антиевропейской риторикой, переходящей от угроз к высокопарным заверениям о дружбе, не способен разрушить Атлантический союз, являющийся краеугольным камнем безопасности Запада [24].

Несмотря на экономическую слабость России, российскую поддержку антисистемных противников интеграции Европейскиого союза, ценностные разрывы и территориальные противоречия, Россия и Западная Европа способны улучшить отношения. «Многоскоростная Европа» открывает новые возможности для России[27]. Исключение «новых европейцев» из числа принимающих решения в Европейском союзе позволит нашей стране улучшить социально-экономические связи и возобновить долгосрочное партнерство с Западной Европой.

Обсуждение и заключение. Вот уже почти 30 лет Европа не разделена на восточную половину с плановой экономикой и западную с рыночной экономикой. Однако множество геокультурных разногласий не позволяет им бесконфликтно существовать в Европейском союзе. Дихотомическое разделение набирает силу на фоне роста экономического веса стран Восточной Европы. Однако уход Великобритании, валютные и миграционные противоречия усилят диктат Брюсселя и Европейского центрального банка. Ослабление финансирования фондами Европейского союза, антироссийская риторика, ощутимая разница социально-эконо-

[26] Le président Macron a-t-il une stratégie pour l'Europe orientale? [Электронный ресурс]. URL: https://www.telos-eu.com/fr/politique-francaise-et-internationale/le-president-macron-a-t-il-une-strategie-pour-leur.html (дата обращения: 27.11.2019).

[27] Фоминых Ф. И. Расширение Европейского Союза на восток: стратегия, проблемы, последствия для России.

мических показателей Запада и Востока Европы делают последующее единое эффективное сосуществование стран в Европейском союзе проблематичным и маловероятным.

Европейский союз столкнулся с многочисленными трудностями, напрямую связанными с осложнением способности координировать усилия возрастающего числа стран-членов. Практическое применение стратегии «Европа многих скоростей» способно привнести позитивные изменения лидирующим странам Европейского союза, закрепить социально-экономические различия, ослабить инертность Европейского союза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Engels, D. Le declin: La crise de l'Union européenne et la chute de la République romaine, Analogies historiques / D. Engels. – L'artilleur, 2019. – 378 p. – URL: https://www.amazon.fr/D%C3%A9clin-europ%C3%A9enne-r%C3%A9publique-analogies-historiques/dp/2810005249 (дата обращения: 12.10.2019).

2. Richard, Y. Europe orientale. Voisinage partagé ou arc de crise? / Y. Richard. – DOI 10.3406/bagf.2012.8250 // Bulletin de l'Association de Géographes Français. – 2012. – Vol. 89, no. 1. – Pp. 155–170. – URL: https://www.persee.fr/doc/bagf_0004-5322_2012_num_89_1_8250 (дата обращения: 12.10.2019).

3. Солиев, Р. А. История формирования Европейского Союза / Р. А. Солиев // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1 (54). – С. 65–73. – URL: http://www.uchzap.tj/index.php?naw=15&id=0&id_majalla=3669 (дата обращения: 12.10.2019).

4. Рыжов, В. Б. Европейский союз: динамика развития и накопившиеся проблемы / В. Б. Рыжов. – DOI 10.7256/2454-0633.2018.2.25693 // Международное право и международные организации. – 2018. – № 2. – С. 42–50. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25693 (дата обращения: 17.10.2019).

5. Oberdorff, H. L'Union européenne / H. Oberdorff. – Presses Universitaires de Grenoble, 2010. – 332 p. – URL: https://www.amazon.fr/LUnion-europ%C3%A9enne-Henri-Oberdorff/dp/2706116110 (дата обращения: 12.10.2019).

6. Delaume, C. La fin de l'Union européenne / C. Delaume, D. Cayla. – Michalon, 2017. – 254 p. – URL: https://www.amazon.fr/fin-lUnion-europ%C3%A9enne-Coralie-Delaume/dp/2841868451 (дата обращения: 17.10.2019).

7. Prat, C. Le futur de l'Europe se joue en Afrique / C. Prat, J.-L. Buchalet. – Eyrolles, 2019. – 280 p. – URL: https://www.editions-eyrolles.com/Livre/9782212570816/le-futur-de-l-europe-se-joue-en-afrique (дата обращения: 17.10.2019).

8. Piris, J.-C. The Future of Europe: Towards a Two-Speed EU? / J.-C. Piris. – DOI 10.1017/CBO9781139108836. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 178 p. – URL: https://www.cambridge.org/core/books/future-of-europe/C86F188F86AEDB201A4E9FC94A3DF258 (дата обращения: 17.10.2019).

9. Стародубцева, Е. Б. Современные проблемы Евросоюза / Е. Б. Стародубцева // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2013. – Т. 9, № 4. – С. 12–15. – URL: https://www.fin-izdat.ru/journal/fa/detail.php?ID=54777 (дата обращения: 17.10.2019).

10. Archick, K. The European Union: Current Challenges and Future Prospects / K. Archick ; Congressional Research Service. – 2016. – URL: https://fas.org/sgp/crs/row/R44249.pdf (дата обращения: 12.10.2019).

11. Vieilledent, C. Deux voix pour l'Europe pour une relance de l'Union européenne. / C. Vieilledent. – DOI 10.3917/futur.423.0005 // Futuribles. – 2018/2. – No. 423. – Pp. 5–15. – URL: https://www.cairn.info/revue-futuribles-2018-2-page-5.htm?ref=doi (дата обращения: 17.10.2019).

12. Fromage, D. Les parlements des États membres dans une Union européenne en constante mutation / D. Fromage, K. Raube. – DOI 10.3917/poeu.059.0009 // Politique européenne. – 2018/1. – No. 59. – Pp. 9–22. – URL: https://www.cairn.info/revue-politique-europeenne-2018-1-page-9.htm (дата обращения: 17.10.2019).

13. Рябов, Д. О. Политика памяти в формировании европейской идентичности ЕС / Д. О. Рябов // PolitBook. – 2016. – № 4. – С. 65–83. – URL: http://politbook.online/index.php/archiv/68-pb-2016-4 (дата обращения: 15.10.2019).

14. Тодорова, Р. В. Кризисы ЕС и проект «Европа двух скоростей» / Р. В. Тодорова // PolitBook. – 2017. – № 3. – С. 138–158. – URL: politbook.online/images/pdf/PolitBook2017_Issue_3.pdf (дата обращения: 15.10.2019).

15. Воронина, Т. В. Эволюция теоретических подходов к анализу развития международной экономической интеграции / Т. В. Воронина // Terra Economicus. – 2010. – Т. 8, № 3-3. – С. 208–215. – URL: https://te.sfedu.ru/arkhivnomerov/2010/250-te-evrgu-n3-ch-3.html (дата обращения: 17.09.2019).

16. Грачева, М. Л. Актуальные вопросы Европейского союза / М. Л. Грачева // Европейский союз: факты и комментарии. – 2019. – № 96. – С. 119–125. – URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive (дата обращения: 17.09.2019).

17. Richard, D. Pologne/Allemagne: quelle coopération dans une Europe «à deux vitesses»? / D. Richard. – DOI 10.3917/pe.181.0157 // Politique étrangère. – 2018/1 (Printemps). – Pp. 157–168. – URL: https://www.cairn.info/revue-politique-etrangere-2018-1-page-157.htm (дата обращения: 17.09.2019).

18. Delaume, C. Europe. Les Etats désunis / C. Delaume. – Paris : Michalon, 2014. – 224 p. – URL: https://popups.uliege.be/1784-6390/index.php?id=835 (дата обращения: 17.10.2019).

19. Califano, A. Multi-Speed Europe is Already There: Catching Up and Falling Behind / A. Califano, S. Gasperinb. – DOI 10.1016/j.strueco.2019.08.009 // Structural Change and Economic Dynamics. – 2019. – Vol. 51. – Pp. 152–167. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0954349X19301560?via%3Dihub (дата обращения: 17.10.2019).

20. Cohen, A. Le régime politique de l'Union européenne / A. Cohen. – Paris : La Découverte, 2014. – 128 p. – URL: https://www.cairn.info/le-regime-politique-de-l-union-europeenne--9782707160232.htm (дата обращения: 17.10.2019).

21. Ahrens, J. Deepening Integration in an Enlarged EU: A Club–Theoretical Perspective / J. Ahrens, H. W. Hoen, O. G. Renate. – DOI 10.1080/07036330500367366 // Journal of European Integration. – 2005. – Vol. 27, issue 4. – Pp. 417–439. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07036330500367366 (дата обращения: 17.10.2019).

22. Рудницкая, А. П. Процессы регионализации в странах Европейского Союза / А. П. Рудницкая, Ю. А. Глинник // PolitBook. – 2016. – № 1. – С. 92–107. – URL: http://politbook.online/index.php/archiv/57-pb-2016-1 (дата обращения: 12.10.2019).

23. Никитенко, А. И. Европейский Союз: проблемы внутренней интеграции / А. И. Никитенко // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 2. – С. 180–184. – URL: http://www.orel.ranepa.ru/nauka/srednerusskiy-vestnik-obshchestvennykh-nauk/arkhiv-nomerov.php (дата обращения: 15.10.2019).

24. Журкин, В. В. Дональд Трамп и Европа / В. В. Журкин, М. Г. Носов. – DOI 10.15211/soveurope420181733 // Современная Европа. – 2018. – № 4. – С. 17–33. – URL: http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420181733 (дата обращения: 15.10.2019).

Поступила 25.10.2019; принята к публикации 28.11.2019; опубликована онлайн 31.03.2020.

Об авторах:

Марков Григорий Васильевич, магистрант направления «Зарубежное регионоведение» ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, с. 1), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4849-2756, 89854823628gr@gmail.com

Салихов Борис Варисович, профессор кафедры теории регионоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, с. 1), доктор экономических наук, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6123-9603, mgsusalikhov@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Марков Григорий Васильевич – сбор данных и доказательств; формализованный анализ данных; подготовка текста статьи.

Салихов Борис Варисович – научное руководство; критический анализ текста.

Для цитирования:

Марков, Г. В. «Европа многих скоростей»: проблемы эволюции геокультурной интеграции / Г. В. Марков, Б. В. Салихов. – DOI 10.15507/2413-1407.110.028.202001.010-027 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 10–27.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Engels D. The Decline: The Crisis of the European Union and the Fall of the Roman Republic, Historical Analogies. L'artilleur; 2019. Available at: https://www.amazon.co.uk/European-European-Republic-Analogies-historic/dp/2810005249 (accessed: 12.10.2019). (In French)

2. Richard Y. Eastern Europe. Shared Neighborhood or Crisis Arc? *Bulletin de l'Association de Géographes Français* = Bulletin of the Association of French Geographers. 2012; 89(1):155-170. (In French) DOI: https://doi.org/10.3406/bagf.2012.8250

3. Soliev R.A. The History of the European Union Formation. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki* = Khujand State University Named After Academician

B. Gafurov. Scientific Notes. 2018; (1):65-73. Available at: http://www.uchzap.tj/index.php?naw=15&id=0&id_majalla=3669 (accessed 12.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

4. Ryzhov V.B. European Union: Dynamics of Development and Accumulated Problems. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii* = International Law and International Organizations. 2018; (2):42-50. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0633.2018.2.25693

5. Oberdorff H. The European Union. Presses Universitaires de Grenoble; 2010. Available at: https://www.amazon.fr/LUnion-europ%C3%A9enne-Henri-Oberdorff/dp/2706116110 (accessed 12.10.2019). (In French)

6. Delaume C., Cayla D. The End of the European Union. Michalon; 2017. Available at: https://www.amazon.co.uk/en/the-European-Union-Coralie-Delaume/dp/2841868451 (accessed 17.10.2019). (In French)

7. Prat C., Buchalet J.-L. The Future of Europe is Played out in Africa. Eyrolles; 2019. Available at: https://www.editions-eyrolles.com/Book/9782212570816/the-future-of-the-europe-se-game-in-africa (accessed 17.10.2019). (In French)

8. Piris J.-C. The Future of Europe: Towards a Two-Speed EU? Cambridge: Cambridge University Press; 2012. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9781139108836

9. Starodubtseva E.B. Modern Problems of the European Union. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* = Financial Analytics: Science and Experience. 2013; 9(4):12-15. Available at: https://www.fin-izdat.ru/journal/fa/detail.php?ID=54777 (accessed 17.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

10. Archick K. The European Union: Current Challenges and Future Prospects. Congressional Research Service. 2016. Available at: https://fas.org/sgp/crs/row/R44249.pdf (accessed 12.10.2019). (In Eng.)

11. Vieilledent C. Two Votes for Europe for a Revival of the European Union. *Futuribles*. 2018/2; (423):5-15. (In French) DOI: https://doi.org/10.3917/futur.423.0005

12. Fromage D., Raube K. The Parliaments of the Member States in a Constantly Changing European Union. *Politique européenne* = European Politics. 2018/1; (59):9-22. (In French) DOI: https://doi.org/10.3917/poeu.059.0009

13. Ryabov D.O. The Politics of Memory in the Formation of European Identity EU. *PolitBook*. 2016; (4):65-83. Available at: http://politbook.online/index.php/archiv/68-pb-2016-4 (accessed 15.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Todorova R.V. Crises of the EU and the Project "Europe of Two Speeds". *PolitBook*. 2017; (3):138-158. Available at: http://politbook.online/images/pdf/PolitBook2017_Issue_3.pdf (accessed 15.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Voronina T.V. The Evolution of Theoretical Approach in International Economic Integration Analysis. *Terra Economicus*. 2010; 8(3-3):208-215. Available at: https://te.sfedu.ru/arkhiv-nomerov/2010/250-te-evrgu-n3-ch-3.html (accessed 17.09.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

16. Gracheva M.L. [Topical Issues of the European Union]. *Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii* = European Union: Facts and Comments. 2019; (96):119-125. Available at: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive (accessed 17.09.2019). (In Russ.)

17. Richard D. Poland / Germany: What Cooperation in a "Two-Speed" Europe? *Politique étrangère* = Foreign Policy. 2018/1 (Printemps). p. 157-168. (In French) DOI: https://doi.org/10.3917/pe.181.0157

18. Delaume C. Europe. States Disunited. Paris: Michalon; 2014. Available at: https://popups.uliege.be/1784-6390/index.php?id=835 (accessed 17.10.2019). (In French)

19. Califano A., Gasperinb S. Multi-Speed Europe is Already there: Catching Up and Falling Behind. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2019; 51:152-167. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1016/j.strueco.2019.08.009

20. Cohen A. The Political Regime of the European Union. Paris: The Discovery; 2014. Available at: https://www.cairn.info/the-political-region-of-the-european-union--9782707160232.htm (accessed 17.10.2019). (In French)

21. Ahrens J., Hoen H.W., Renate O.G. Deepening Integration in an Enlarged EU: A Club-Theoretical Perspective. *Journal of European Integration*. 2005; 27(4): 417-439. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080/07036330500367366

22. Rudnitskaya A.P. Glinnik Yu.A. Regionalization Processes in the European Union: Challenges and Trends. *PolitBook*. 2016; (1):92-107. Available at: http://politbook.online/index.php/archiv/57-pb-2016-1 (accessed 12.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Nikitenko A.I. European Union: Problems of Internal Integration. *Srednerusskij vestnik obshhestvennykh nauk* = Central Russian Journal of Social Sciences. 2009; (2):180-184. Available at: http://www.orel.ranepa.ru/nauka/srednerusskiy-vestnik-obshchestvennykh-nauk/arkhiv-nomerov.php (accessed: 15.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

24. Zhurkin V.V., Nosov M.G. Donald Trump and Europe. *Sovremennaya Evropa* = Contemporary Europe. 2018; (4):17-33. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420181733

Submitted 25.10.2019; accepted for publication 28.11.2019; published online 31.03.2020.

About the authors:

Grigory V. Markov, Postgraduate Student (Foreign Regional Studies), Moscow State Linguistic University (38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4849-2756, 89854823628gr@gmail.com

Boris V. Salikhov, Professor, Department of the Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University (38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia), Dr. Sci. (Economics), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6123-9603, mgsusalikhov@yandex.ru

Contribution of the authors:

Grigory V. Markov – collection of data and evidence; formalized data analysis; writing the initial text of the article.

Boris V. Salikhov – academic supervision; critical analysis of the text.

For citation:

Markov G.V., Salikhov B.V. "Multi-Speed Europe": Issues of the Evolution of Geocultural Integration. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(1):010-027. DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.010-027

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 338.124.4(4-17)
DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.028-047
http://regionsar.ru
ISSN 2587-8549 (Print)
ISSN 2413-1407 (Online)

Кризис экономической и социальной модели стран Северной Европы: опыт Дании, Норвегии, Финляндии, Швеции

Е. А. Демина
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
(*г. Москва, Россия*),
dyomona-kat.demina@yandex.ru

Введение. Страны Северной Европы являются наиболее экономически развитыми и устойчивыми в политической и социальной областях. Однако процессы глобализации, социальные и демографические изменения, развитие бизнеса, рост конкуренции и коммерческих интересов вносят определенные изменения в функционирование данной модели, которая на разных стадиях своего становления испытывала ряд кризисных явлений. Цель статьи – проанализировать перспективы развития североевропейской модели социального государства на основе изучения ее структуры и истории.
Материалы и методы. Объектом исследования данной работы является экономическая обстановка стран Северной Европы. Для достижения поставленных целей и задач были использованы конкретно-структурный анализ – для описания теоретического аспекта модели, и конкретно-исторический анализ – для изучения процессов становления и развития модели.
Результаты исследования. Проведен анализ скандинавской экономической и социальной модели, изучены теоретический аспект социальной и экономической модели, исторический контекст и процесс ее развития. Проанализированы кризисные явления и методы, применяемые для преодоления кризиса социальной и экономической модели. Выявлен круг потенциальных вызовов, на основе чего были представлены перспективы развития региона.
Обсуждение и заключение. Исследованная модель способна к структурным изменениям, спровоцированным внешними факторами и вызовами. Экономический опыт стран Северной Европы представляет для нас интерес не только с точки зрения успехов данной модели, но и с точки зрения преодоления кризисных явлений, с которыми сталкивается данная модель. Результаты исследования могут быть использованы при выработке новых моделей, которые могут быть применены и в других странах с учетом их экономических особенностей.

Ключевые слова: скандинавский регион, социал-демократия, социально-экономическая модель, универсализм, государство всеобщего благоденствия, глобализация

© Демина Е. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Crisis of the Economic and Social Model of the Nordic Countries: The Experience of Denmark, Norway, Finland and Sweden

E. A. Demina
RUDN University (*Moscow, Russia*),
dyomona-kat.demina@yandex.ru

Introduction. The Nordic countries are the most economically developed and stable ones in terms of the political and social context. However, the processes of globalization, social and demographic change, business development, increased competition and commercial interests modify the functioning of the economic and social model of the Nordic countries, which experienced a number of crisis phenomena at various stages of its development. The objective of this piece of research is to analyze the prospects for the development of the Nordic model of the social state based on the study of its structure and historical development.
Materials and Methods. The economic situation in the Nordic countries is the object of this study. To achieve the goals and objectives set, the research employed concrete structural analysis (to describe the theoretical aspect of the model) as well as concrete historical analysis (to study the processes of formation and development of the model).
Results. The analysis of the Nordic economic and social model has been carried out; the theoretical aspect of the social and economic model as well as the historical context and the process of its development have been studied. The crisis phenomena and methods used to overcome the crisis of the social and economic model have been analyzed. A range of potential challenges have been identified and the prospects for the development of the region have been presented.
Discussion and Conclusion. The model studied is capable of structural changes provoked by external factors and challenges. The economic experience of the Nordic countries is of interest to us not only in terms of the success of this model, but also in terms of overcoming the crisis. The results of the study can be used when developing new models that can be applied in other countries, taking into account their economic characteristics.

Keywords: Nordic region, social democracy, socio-economic model, universalism, welfare state, globalization

Введение. Страны скандинавского региона, а также Финляндия, которая по социально-экономической структуре во многом схожа со странами Скандинавии, являются наиболее экономически развитыми и устойчивыми как в политическом, так и в социальном плане. Во многих рейтингах (RobecoSAM, Human Development Index) эти страны являются лидерами в области устойчивого развития. Определяющим фактором в развитии стран северного региона Европы стала сложившаяся здесь социально-экономическая модель, которая предопределяет рост экономики ряда стран северной Европы.

Понятие «скандинавская модель» (а также «шведская модель», «североевропейская модель», «североевропейская социал-демократия») про-

исходит от английского словосочетания «the Nordic model», однако при дальнейшем изучении может возникнуть недопонимание относительно значения. В политическом контексте «скандинавская модель» может трактоваться как модель всеобщего благоденствия (the Nordic model of welfare state), т. е. концепция общественно-политического порядка, при которой правительство представляет важнейшую значимость в защите и развитии экономического и общественного благополучия людей. «Скандинавская модель» в экономическом контексте – это социальная и экономическая система, отличительной чертой которой является сочетание капиталистических черт (рыночная экономика и экономическая эффективность) с социальными преимуществами (пенсии и распределение доходов). Совокупность экономического и политического видения данной модели можно определить как «скандинавская модель социал-демократии» (the Nordic model of social democracy), которая предполагает сочетание концепции скандинавской экономической модели с руководящей ролью социал-демократической идеологии ради развития и поддержания высокого уровня качества жизни граждан[1].

Процессы глобализации, социальные и демографические перемены, развитие бизнеса, рост конкуренции и коммерческих интересов вносят изменения в функционирование данной модели, и на разных стадиях своего развития она переживает кризисные явления. Экономический опыт стран Северной Европы, в частности Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии, представляет для нас интерес с точки зрения не только успехов данной модели, но и преодоления кризисных явлений. В данной статье мы рассматриваем эти страны в контексте их общности в вопросе социально-экономического уровня развития и роли сложившейся социально-экономической модели.

Цель статьи – изучить процессы, связанные с развитием скандинавской модели, определить дальнейшие вызовы для модели и перспективы ее развития.

Обзор литературы. Структуре, проблемам и перспективам развития скандинавской модели посвящен ряд работ зарубежных и российских исследователей. Историю формирования модели в рамках скандинавского региона, ее структурные особенности рассматривают С. Кунле и М. Алестало. Ученые в своих работах изучают основные исторические факторы формирования модели, принцип универсализма и его роль в структуре модели, экономические факторы и их влияние на социальную обстановку, а также роль концепции государства всеобщего благосостоя-

[1] McWhinney J. E. The Nordic Model: Pros and Cons [Электронный ресурс]. URL: https://www.investopedia.com/articles/investing/100714/nordic-model-pros-and-cons.asp (дата обращения: 06.02.2019).

ния (the welfare state) и социально-правовую систему, лежащую в основе модели [1; 2]. Исследования этой же тематики проводят и российские ученые, в частности, руководитель Центра Северной Европы института Европы РАН Н. С. Плевако. Она также рассматривает вышеупомянутые аспекты и дает анализ современного состояния модели в странах скандинавского региона [3]; изучает проблемы развития модели с точки зрения политической обстановки в скандинавских странах и будущего социал-демократических партий [4]. Роль социал-демократических партий Швеции изучает А. В. Рябиченко [5]. Если последние публикации Н. С. Плевако посвящены преимущественно положению партий на выборах на фоне социальной, экономической и политической обстановки в странах региона, то А. В. Рябиченко анализирует историю партии в период после 1988 г., т. е. после начала процесса трансформации партийно-политической системы. Л. В. Церкасевич описывает структуру скандинавской модели, ее функционирование и произошедшие за последние 20 лет изменения внутри нее [6]. Экономическим перспективам, развитию бизнеса и стартап-сектора скандинавских стран посвящена публикация И. В. Такмашевой и С. Г. Тяглова [7].

Наше исследование предполагает изучение кризисных явлений в рамках скандинавской модели. Эта тематика также освещается в научной среде, но достаточно слабо. Так, зарубежные ученые провели тематические исследования 11 западноевропейских стран (в том числе скандинавских), различающихся по своим социальным моделям, экономическим структурам и размерам. Авторами рассматриваются изменения, происходившие в свете бурных событий, формирующих среду спроса, в которой социальные модели развивались на протяжении последней четверти века [8]. С точки зрения преодоления кризисных явлений интересна публикация Л. Педерсен, в рамках которой автор изучает, как внешние и внутренние политические, экономические и структурные изменения повлияли на модель и изменили ее, и как структура модели смогла остаться стабильной в результате этих изменений [9].

Североевропейская экономическая и социальная модель активно изучается и раскрыта во многих аспектах, так как ее достижения экономического, политического и социального характера показательны для многих стран мира. Однако модель продолжает меняться и реформироваться, поэтому ее изучение остается актуальным для специалистов из разных стран и областей знаний.

Материалы и методы. В основу данной работы легли современные публикации зарубежных и отечественных ученых, которые исследуют как скандинавский регион в целом, так и его социально-экономические модели. Нами также использовались материалы и отчеты рейтингов, индексов и докладов, которые фиксируют и отражают изменения эко-

номического или социального характера: индекс Джини, индекс экономической свободы, Всемирная книга фактов ЦРУ, доклады Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Методологическую базу составляют общие и специальные научные методы, которые обусловлены особенностью выбранного объекта и предмета исследования. С помощью системно-структурного анализа были изучены составные структурные элементы, части и особенности социальной и экономической модели; конкретно-исторический анализ позволил исследовать исторические аспекты и процессы формирования и развития модели, в том числе кризисные явления и способы их преодоления. На основе полученных данных применение гипотетико-дедуктивного метода позволило определить перспективы развития для изучаемого региона.

Результаты исследования. Процесс становления скандинавской модели занимает значительный период времени: начался с конца XIX в. и продолжается до сих пор. Важным историческим событием в становлении модели стало формирование социал-демократической партии в скандинавских странах. Страны Северной Европы мировой экономический кризис охватил с некоторым опозданием – с конца 1930 по начало 1931 г., и достиг наивысшей точки в 1932 г. В этот период буржуазные партии имели большинство в парламенте и формировали правительства в Швеции и Норвегии. Подобное положение дел привело к тому, что на выборах 1932–1933 гг. во всех трех странах произошел серьезный сдвиг влево, который принес партиям буржуазии, правящим в Швеции и Норвегии, серьезные поражения, а оппозиционным в Дании – новые неудачи. Социал-демократы пришли на выборы с развернутой антикризисной программой, в основе которой лежала новая и весьма популярная для того времени идея государственного вмешательства в частнокапиталистическую экономику. Впервые социал-демократы получили около 40 % поданных голосов во всех трех странах и большее, чем когда-либо, число мандатов, но не большинство. Имея прочное парламентское большинство, кабинеты социал-демократов смогли отчасти выполнить свои антикризисные программы. Важной предпосылкой этого успеха было общее улучшение хозяйственной конъюнктуры [10, с. 129]. Подобные политические изменения касались и такого аспекта, как форма управления. Модель стран Северной Европы обычно определяется на основе характеристик государства всеобщего благосостояния и политики социального обеспечения: государственность, универсализм, равенство. Однако важно добавить и третий компонент, а именно *формы демократического управления*, которые соотносятся с процессом принятия политических решений. В этом отношении именно десятилетие 1930-х гг. стало политическим водоразделом во всех северных странах,

где были достигнуты национальные классовые компромиссы между промышленными и сельскохозяйственными интересами и интересами первичного сектора, а также между трудом и капиталом посредством участия крупных профсоюзных федераций и ассоциаций работодателей.

Сложившаяся традиция отсутствия большинства в парламенте стала основой для своеобразной системы принятия политических компромиссов. Подобная система управления может быть названа «консенсуальным управлением», а соответственно система принятия политических решений – «консенсуальная демократия»[2]. Именно консенсуальная форма управления позволила добиться улучшений и в социальной сфере.

В период 1920–1950-х гг. в скандинавских странах наблюдалось формирование профсоюзов, кооперативных обществ и распространение социальных прав на более широкие группы населения. За этим последовал так называемый золотой период благосостояния. В это время шел процесс наверстывания упущенного, когда Финляндия, Исландия и Норвегия, которые в 1950-х гг. тратили меньшую долю своего ВВП на социальное обеспечение, чем Дания и Швеция, преодолели этот разрыв. Реальный рост социальных расходов был очень быстрым, особенно в Исландии. Занятость в государственном секторе расширялась, а государство всеобщего благосостояния охватывало все население и могло предоставлять услуги и денежные пособия людям, сталкивающимся с серьезными социальными рисками. Авторы книги «Скандинавская модель» писали: «Скандинавские страны – по крайней мере, на бумаге – намереваются создать государство всеобщего благосостояния. Предпочтение отдается не выборочным программам по обеспечению и повышению уровня благосостояния населения, а программам более глобального характера: качественное, бесплатное или дешевое образование для всех в государственных учебных заведениях; качественное, бесплатное или дешевое медицинское обслуживание; пособие на ребенка для всех семей с детьми; универсальные пенсии по старости, включая право на пенсию для домохозяек и других лиц, которые не имели стажа работы; общая жилищная политика» [1]. В этом стремлении государства во многом и отображался дух универсализма.

Начиная с 1980-х гг., на основе результатов ряда сравнительных исследований государств всеобщего благосостояния, концепция скандинавской, или северной, модели вошла в словарь.

В скандинавских странах действует смешанная экономика. В ее основе лежат рыночные отношения на конкурентных началах с актив-

[2] Carlgren F. From War to the Swedish Model [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekonomifakta.se/en/Swedish-economic-history/swedish-economic-history2/From-War-to-the-Swedish-Model/ (дата обращения: 05.10.2019).

ным использованием государственного регулирования. Под смешанной экономикой понимается сочетание, соотношение и взаимодействие основных форм собственности в капиталистическом рыночном хозяйстве: частной, государственной и кооперативной. Каждая из этих форм заняла свое место и выполняет свою функцию в общей системе экономических и социальных взаимосвязей. Однако подробнее стоит рассмотреть и другие особенности, присущие экономике стран Северной Европы.

1. *Свободный рынок и глобализация*. Под свободным рынком подразумевается рыночная система, в рамках которой цены на товары и услуги устанавливаются по согласованию между продавцами и потребителями. Государственное регулирование в таких секторах, как жилищное строительство, банковское дело, страхование и розничная торговля, наряду с субсидированием отдельных фирм с высокими налогами для других, не является редкостью. О том, как свободная торговля просочилась в страны Северной Европы, можно судить по индексу экономической свободы, который ежегодно составляет Фонд наследия (Heritage Foundation). Индекс охватывает 12 свобод в 186 странах (от прав собственности до финансовой свободы), каждая из которых оценивается по шкале от 0 до 100. Все пять стран Северной Европы входят в топ-30 и по индексу характеризуются как «в основном свободные» (табл. 1).

Таблица 1. **Рейтинг стран Скандинавии в рамках индекса экономической свободы за 2019 г.**[3]

Table 1. **Ranking of the Nordic countries in the 2019 Index of Economic Freedom**

Страна / Country	Рейтинг страны по шкале от 0 до 100 / Score of the country on a scale from 0 to 100 and its rank
Дания / Denmark	77,1 (11 место / rank 11)
Финляндия / Finland	74,9 (20 место / rank 20)
Швеция / Sweden	75,2 (19 место / rank 19)
Норвегия / Norway	73,0 (26 место / rank 26)

Открытость и конкурентоспособность торговли в сочетании с высокой степенью специализации – важная часть экономики стран северного региона. Особенности свободной торговли и глобализации становятся частью капиталистической структуры экономики, в то время как государственный контроль является социалистической тенденцией.

2. *Государство всеобщего благосостояния*. Социальное государство – это концепция управления, при которой государство играет ключевую

[3] 2019 Index of Economic Freedom [Электронный ресурс]. URL: https://www.heritage.org/index/about (дата обращения: 06.09.2019).

роль в защите экономического и социального благополучия граждан. Государство всеобщего благосостояния подразумевает передачу средств государства на предоставляемые услуги (здравоохранение, образование и т. д.), а также непосредственно физическим лицам посредством перераспределения средств налогообложения. Кратко охарактеризуем сферу услуг.

Здравоохранение. В докладе Организации по управлению здравоохранением в 2010 г. говорится, что во всех северных странах в среднем 80 % расходов на здравоохранение поступает из государственных источников. Система здравоохранения северных стран основана на налогообложении и управляется на местном уровне, при этом каждый гражданин имеет равный доступ к услугам.

Образование. Образовательные программы занимают ключевое место в функционировании любого государства социального обеспечения [11]. Согласно показателям ОЭСР за 2018 г., страны Северной Европы опережают средний показатель ОЭСР по государственным расходам на образование в процентах от ВВП, который составляет 4,225 %[4] (табл. 2).

Таблица 2. **Государственные расходы на образование в процентах от ВВП по данным Организации экономического сотрудничества и развития**

Table 2. **Public spending on education as a percentage of GDP according to The Organisation for Economic Co-operation and Development**

Страна / Country	Государственные расходы в процентах от ВВП / Public spending as a percentage of GDP
Дания / Denmark	4,7
Норвегия / Norway	4,6
Швеция / Sweden	3,6
Финляндия / Finland	4,0

Экономическое равенство. Центральное место в системах социального обеспечения Скандинавского региона занимает идея равенства между людьми. Политика перераспределения налогообложения способствует развитию равенства в обществе. Такая политика позволяет не допустить экономического контроля со стороны определенной, более богатой, группы граждан. Согласно коэффициенту Джини, страны Северной Европы имеют наименьший разрыв в доходах с коэффициентом (табл. 3). Коэффициент Джини рассчитывает уровень экономического неравенства

[4] OECD Data: Public Spending on Education [Электронный ресурс]. URL: https://data.oecd.org/eduresource/public-spending-on-education.htm (дата обращения: 01.11.2019).

и фиксирует свои показатели от 0 до 1. Чем больше значение отклоняется от нуля, тем выше уровень экономического неравенства в стране.

Таблица 3. **Показатели экономического неравенства в странах Северной Европы за 2015 г. по данным индекса Джини**[5]

Table 3. **Indicators of economic inequality in the Nordic countries in 2015 according to the Gini Index**

Страна / Country	Показатель / Gini coefficient
Дания / Denmark	0,28
Норвегия / Norway	0,27
Швеция / Sweden	0,29
Финляндия / Finland	0,27

Налогообложение. Поскольку правительство зависит от государственных средств для осуществления схем социального обеспечения, ставки налогов, особенно личных, сравнительно выше, чем в других странах Европы и ОЭСР: Дания – 55,56 %, Финляндия – 51,25, Исландия – 46,22, Норвегия – 47,20, Швеция – 57,60 %.

Программы выхода на пенсию и пособия по безработице. Каждый человек, который ищет работу в странах Северной Европы, имеет право на ежедневное пособие.

Перечисленные выше подпункты демонстрируют позитивный наклон в сторону социалистической модели экономики и общества. Именно государство всеобщего благосостояния является основой социалистической структуры, и страны Северной Европы обладают элементами, которые квалифицируют страны региона как государства всеобщего благосостояния [12, с. 337–338].

3. *Доля государственных расходов*. Социалистические экономики демонстрируют тенденцию к увеличению доли государственных расходов в их ВВП. Кроме того, северные страны имеют очень высокий уровень плотности профсоюзов, процент которых в Швеции составляет 85 %, в Дании – 72, в Финляндии – 70, в Норвегии – 53 %. Еще в конце XIX – начале XX в. сложилась тенденция к высокой плотности профсоюзов и к проявлению ими активной гражданской и политической позиции. Во многом благодаря этому страны скандинавского региона имеют высокий уровень социального обеспечения.

4. *Политическая система*. Между экономической и политической системой страны всегда существует связь. Во всем мире мы наблюдаем

[5] GINI Index: World Bank Estimate [Электронный ресурс]. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI (дата обращения: 19.10.2019).

сильную и позитивную корреляцию между демократией и капитализмом и их тенденцией сосуществовать. Страны Северной Европы не являются исключением.

Способом, которым правительство может привлекать частный сектор, является аутсорсинг, т. е. передача организацией (в нашем случае государством) определенных функций другой компании, действующей в нужной области, в рамках государственно-частного партнерства. Аутсорсинг как вид деятельности зависит от рыночных механизмов, поскольку эти частные игроки конкурируют с другими частными и государственными игроками на рынке для достижения рыночного равновесия. Отсюда видно, что эта характеристика северных стран носит капиталистический характер [12, с. 341].

Далее рассмотрим особенности изучаемой нами модели, которые в некотором смысле уникальны для скандинавской экономики.

Северная идентичность. Сначала отметим такой важный элемент сложившейся социально-экономической системы, как «северная идентичность», которую называют краеугольным камнем социально-экономической и общественно-политической системы северных стран. Обратимся к исследованию компании RobecoSAM – международной инвестиционной компании, специализирующейся на инвестициях в устойчивое развитие. Два раза в год она публикует рейтинг наиболее устойчивых по своему развитию стран, лидерами которого практически ежегодно становятся страны Северной Европы. В одном из своих исследований специалисты компании изучают характеристики, которыми обладают эти страны, и критерии, формирующие идентичность этих стран. Во-первых, скандинавские страны сочетают индивидуализм и коллективизм, которые определяют особенную модель скандинавского капитализма. Несмотря на принятую в обществе тенденцию заботы только о себе, люди могут сочетать ее с позитивным взглядом на развитие государства и высоким уровнем социального доверия. Во-вторых, в скандинавских странах сложилась модель горизонтальной (плоской) иерархии, в которой управляющие выступают больше в роли наставника, чем человека принимающего решения, а служащие являются теми, кто ожидает консультации в вопросах принятия решений[6].

Универсализм. Отличительной особенностью данной модели является универсализм, что означает обеспечение социальных прав для всех. К услугам системы социального обеспечения относятся: здравоохранение, образование, пособия по безработице и пенсии. Ко всем этим услугам должен быть равный доступ у всех граждан.

---

[6] Karlsson I., Alers K. M. Do Sustainable Countries Foster Sustainable Companies? A Nordic Case Study // RobecoSAM Insight. 2013. Pg. 4.

Индивидуальная автономия, социальное доверие и сплоченность. Благодаря существованию универсальных социальных законов, индивидуальному налогообложению супругов и семейному законодательству общество стран Северной Европы обладает высоким уровнем индивидуалистического самосознания. В исследовании, проведенном ОЭСР в 2011 г., говорится, что страны Северной Европы характеризуются высоким уровнем доверия. Более половины населения могут доверять незнакомцу, и страны демонстрируют это через некоторые законы. Экономическое преимущество социального доверия и сплоченности заключается в снижении транзакционных издержек. Когда люди доверяют друг другу и закону, сделки материализуются быстрее, конфликты улаживаются без значительных затрат на судебные разбирательства и другие юридические процедуры.

Содействие развитию и внедрение инноваций. Что касается инноваций, ведущих к повышению уровня жизни, то страны Северной Европы также занимают лидирующие места. Например, все четыре скандинавские страны входят в двадцатку Глобального инновационного индекса (The Global Innovation Index). Данный индекс содержит подробные показатели инновационной деятельности 126 стран, которые составляют 90,8 % мирового населения и 96,3 % мирового ВВП. Его 80 показателей отражают широкое видение инноваций, включая политическую среду, образование, инфраструктуру и уровень развития бизнеса. На основе рейтинга инновационных возможностей и результатов мировой экономики составляется ежегодный доклад (табл. 4).

Таблица 4. **Показатели стран Северной Европы в рамках Глобального инновационного индекса**[7]

Table 4. **Ranking of the Nordic countries according to the Global Innovation Index**

Страна / Country	Оценка и место / Score and rank
Дания / Denmark	58,40 (8 место / rank 8)
Норвегия / Norway	52,60 (19 место / rank 19)
Швеция / Sweden	63,10 (3 место / rank 3)
Финляндия / Finland	59,60 (7 место / rank 7)

Благодаря прогрессивному налогообложению и инвестициям в образование, инфраструктуру и технологии правительство стран Северной Европы стремится к тому, чтобы все большее количество людей за-

[7] Global Innovation Index 2018 Energizing the World with Innovation [Электронный ресурс]. URL: https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator (дата обращения: 17.09.2019).

нималось научными исследованиями. Тем самым увеличивается число людей, работающих в интересах развития региона[8].

Некоторые особенности экономики северных стран, такие как свободный рынок, глобализация, аутсорсинг и демократическая форма правления, очень напоминают капиталистическую систему, в то время как другие особенности (высокая ставка налога, социальное обеспечение и высокая плотность профсоюзов) обычно присутствуют в социалистических экономиках. Мы не можем с уверенностью сказать, принадлежат ли страны Северной Европы к одной из этих категорий. Здесь мы привносим в сложившуюся картину мира существование третьей модели и можем охарактеризовать ее в качестве североевропейской. Она включает в себя:

– политическую систему в виде социал-демократии;

– экономическую структуру в виде концепции государства всеобщего благосостояния, действующего в рамках свободного рынка.

Условия вокруг скандинавских стран в период с 1990-х по начало 2000-х гг., безусловно, изменились. Распад СССР изменил карту Европы, появились новые страны, которые хотели не только улучшить свое экономическое положение, но и активно выступали за европейскую интеграцию. Грядущий экономический спад в начале 1990-х гг. серьезно изменил политику распределения государственных финансов, хотя Дании удалось сохранить свои расходы ниже запланированного бюджета. Концепция государства всеобщего благосостояния в странах Скандинавии оказалась под угрозой. Первая половина 1990-х гг. была, в частности для Финляндии и Швеции, периодом острого кризиса, Дания и Норвегия были менее затронуты общим спадом. Темпы роста снизились по всем направлениям.

Финансовый кризис 1990-х гг. в странах Северной Европы был связан с тем, что почти все крупные банки в скандинавских странах столкнулись с трудностями и понесли огромные убытки, при этом резервы на средние потери (выраженные в процентах от кредитования) в период 1982–1993 гг. варьировались от 2,1 (в Дании) до 1,5 % (в Финляндии и Норвегии) банковского кредитования. В периоде 1990–1993 гг. потери составляли: 2,9 % – для Дании, 3,4 – для Финляндии, 2,7 – для Норвегии, 4,8 % – для Швеции (по данным финского банка)[9].

---

[8] Semuels A. Why Does Sweden Have So Many Start-Ups? How a Tiny Country with High Government Spending Bred a Large Number of Vibrant Young Businesses [Электронный ресурс]. URL: https://www.theatlantic.com/business/archive/2017/09/sweden-startups/541413/ (дата обращения: 27.09.2019).

[9] Honkapohja S. The 1990's Financial Crises in Nordic Countries: Bank of Finland [Электронный ресурс]. URL: https://www.suomenpankki.fi/globalassets/en/media-and-publications/speeches-and-interviews/documents/080928_sh_financial_crises.pdf (дата обращения: 24.09.2019).

Финансовые кризисы в Северной Европе требовали серьезного политического вмешательства со стороны правительств и парламентов стран. Действия со стороны правительства по преодолению банковского кризиса в Финляндии начались в сентябре 1991 г., когда Банку Финляндии пришлось взять под контроль Skopbank. Это был необходимый шаг, так как не было никакого другого государственного институционального механизма для спасения банка при серьезных трудностях. Государственная поддержка банковской отрасли продолжалась до 1994 г. Убытки банков прекратились только в 1996 г., а с 1997 г. банки уже начали получать прибыль. В итоге большая часть государственной поддержки банков досталась сберегательным банкам. Повышение эффективности финских банков было также достигнуто за счет сокращения количества филиалов и персонала[10]. Банковский кризис в Швеции разразился осенью 1991 г., начав с крупнейшего сберегательного банка Första Sparbanken. Правительство Швеции предоставило кредитную гарантию владельцам банка, которая позднее была преобразована в кредит, и в итоге банк был объединен со Сберегательным банком Швеции вместе с несколькими другими сберегательными банками. Экономический кризис в Норвегии начался осенью 1988 г., когда крупный коммерческий банк Sunnmørsbanken пострадал от больших потерь по кредитам. Правительству также пришлось принять меры. Стоит отметить, что общая гарантия банковской системы не была осуществлена, хотя были сделаны конкретные заявления о доверии к норвежской банковской системе и об обеспечении вкладчиков и кредиторов Christiania Bank. Положение норвежских банков начало улучшаться в 1993 г. В меньшей степени кризис отразился на датской экономике. Одна из причин этого заключается в своевременном проведении реформ. Дания начала дерегулировать финансовую систему раньше, чем три другие страны Северной Европы, а именно еще до начала бума во второй половине 1980-х гг. Так, в налоговой реформе были уменьшены резервы на вычет процентов, что снизило привлекательность долгового финансирования.

Таким образом, в момент кризиса можно наблюдать ряд важных явлений, свойственных модели всеобщего благосостояния. Во-первых, это усиление политического диалога как внутри страны, так и между странами Северной Европы с целью решения проблем. Во-вторых, незамедлительным ответом на кризисное явление стали реформы, которые были и, вероятно, будут продолжаться в течение длительного времени и адаптироваться как к долгосрочным структурным изменениям, так

[10] Pankki S. The 1990's Financial Crises in Nordic Countries [Электронный ресурс]. URL: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.838.6596&rep=rep1&type=pdf (дата обращения: 24.09.2019).

и к краткосрочным циклическим колебаниям. Хотя скандинавская модель хорошо зарекомендовала себя в Дании и других странах Северной Европы, она все еще нуждается в регулярной корректировке.

Экономический кризис конца 1980-х – начала 1990-х гг. вызвал серьезную реформистскую политику в скандинавских государствах всеобщего благосостояния, которая имела немалый успех. Эти страны относительно благополучно пережили кризис конца 1980-х – начала 1990-х гг., но влияние кризиса 2008 г. продолжает ощущаться. Однако если страны Северной Европы преуспеют в мире, который становится все более глобализированным, то модель также будет продолжать развиваться и адаптироваться к новым вызовам.

После того как мы рассмотрели кризисные явления, а также теоретический и исторический аспекты, мы можем описать потенциальные для северной модели вызовы и, соответственно, перспективы развития.

Среди основных вызовов мы рассмотрим следующие:

– экономическая область: система налогообложения, финансовая стабильность;

– социальная область: демографические изменения, занятость населения, миграция.

В скандинавской модели государства всеобщего благосостояния основные услуги, такие как здравоохранение, образование, система страхования и пенсия, предоставляются государством. Поскольку большинство этих услуг трудоемкие, производительность может увеличиваться до точки, после которой она стагнирует. Нормальный уровень производительности в экономике продолжает расти, что приводит к повышению реальной заработной платы. Поскольку сотрудники, занимающиеся оказанием услуг, должны получать такой же рост заработной платы, как и другие, и поскольку производительность труда этой группы в целом остается неизменной, то относительная цена производства этих услуг со временем возрастает. Следовательно, трудоемкие услуги со временем имеют тенденцию к росту. Рост производительности и реальной заработной платы повышает материальный уровень жизни в обществе. Качество и масштабы государственных услуг не являются стационарными и, как ожидается, будут расширяться по мере повышения уровня жизни. Это порождает спрос на услуги в экономике, даже при стагнации населения. Рост расходов будет отражаться в более высоких ценах, уплачиваемых клиентом, или более высоких налогах, уплачиваемых гражданином. Еще одной задачей экономической политики является обеспечение сохранения финансовой ответственности и стабильности. Для этого может потребоваться более мощная правовая поддержка в отношении бюджетных целевых показателей и ограничений расходов, разработка руководящих принципов для устранения отклонений от целевых показателей и расши-

рение пределов расходов для охвата большего числа категорий расходов и введения большего числа ограничений для местных органов власти (в Дании, Норвегии и Финляндии).

Одним из важных факторов, влияющих на жизнеспособность скандинавской модели и государства всеобщего благосостояния, являются изменения демографического характера в скандинавском регионе. Речь идет главным образом об изменении состава населения и его влиянии на северную модель. Как и во многих странах Европы, в странах Скандинавского региона одной из ключевых проблем является старение населения и снижение рождаемости. Это можно увидеть на примере изменения среднего возраста населения. За последние 50 лет средний возраст населения мира увеличился всего на три года (с 23,6 лет в 1950 г. до 26,4 лет в 2000 г.). Очевидна тенденция увеличения доли населения старше 65 лет и уменьшения работающего населения. Поскольку большинство социальных услуг в скандинавских странах финансируется за счет налогов, система придерживается политики «плати по мере поступления», при которой сегодняшнее работающее население оплачивает программы социального обеспечения. Одной из основных проблем стареющей экономики является финансирование и обеспечение качественных социальных услуг. Так, например, в 1990-х гг. благосостояние датчан оказалось под угрозой. Государство на тот момент поддерживало 25 % трудоспособного населения. Большая часть людей столкнулась с трудностями в поддержании стабильных связей с рынком труда, а те группы граждан, которые не могли соответствовать нормальным стандартам рабочей силы (инвалиды, пожилые люди, этнические меньшинства) оказались в социальной изоляции. Такое положение дел означало значительное увеличение государственных расходов и создание неустойчивого давления на систему социального обеспечения. В 1995 г. датский министр по социальным вопросам К. Йесперсен первой обратилась с призывом о разработке датской повестки дня в области корпоративной социальной ответственности, которую она назвала «инклюзивной стратегией рынка труда». До этого, в 1994 г., министр по социальным вопросам инициировала всеобъемлющую кампанию под названием «Это касается всех нас», которая решала вопросы рынка труда, социальные вопросы и поощряла партнерство в частном и в государственном секторе к объединению усилий [13].

Другой вызов для северной модели – это процессы глобализации и иммиграция. Одной из регулярно приводимых причин успеха стран Северной Европы является однородность населения, основными качествами которого были доверие и социальная сплоченность. Однако глобализация и рост иммиграции ставят под угрозу экономическую и социальную устойчивость модели всеобщего благосостояния. В скандинавском обществе растет обеспокоенность в связи с притоком

иностранных мигрантов в регион. Основы социального доверия исчезнут, если состав населения изменится в значительной степени и будет менее однородным. Это во многом связано с давлением на занятость в экономике, которую приносят иммигранты. Тот факт, что в Швеции государство всеобщего благосостояния также должно обслуживать иммигрантов, создает дополнительную нагрузку на уже напряженную систему социального обеспечения [14, с. 158–162].

Все вышеперечисленные вызовы и некоторые перспективы развития сложившейся ситуации могут привести к политическому кризису в скандинавских странах. Подобный вывод позволяют сделать результаты последних выборов в Швеции, которые показали ослабление позиций партий социал-демократического блока. На выборах 2018 г. «Шведские демократы» выиграли 17,5 % голосов, что является их самым высоким показателем за всю историю. Социал-демократы набрали чуть более 28 % голосов – худший результат за более чем 100 лет [3]. Фактически социал-демократы теряют позиции с 1968 г., когда они получили более 50 % голосов, а поддержка «Шведских демократов», которые вошли в парламент в 2010 г., значительно выросла с выборами 2014 г. «Шведские демократы» активно использовали обстоятельства миграционного кризиса, пик которого пришелся на 2015 г.

Обсуждение и заключение. В рамках данной работы был проведен анализ скандинавской экономической и социальной модели. В процессе развития модель менялась под влиянием как внешних, так и внутренних факторов: глобализации, развития бизнеса, роста конкуренции и коммерческих интересов. На разных стадиях своего развития данная модель переживала кризисные явления. Несомненно, нынешняя форма государства всеобщего благосостояния может существенно измениться со временем, например, в результате смены политического режима. Однако политика, проводимая десятилетиями, пользуется широкой поддержкой среди населения во всех северных странах. Любой партии, находящейся у власти, будет очень трудно отказаться от социального государства и при этом оставаться у власти.

Скандинавская модель показала, что она способна меняться в результате действия внешних и внутренних факторов. Во время рецессии 2008 г. ожидалось, что концепция государства всеобщего благосостояния и, как ее основа, политика расходов государственных средств на социальные нужды пострадают, но произошло обратное. Это показывает способность модели быть гибкой. Модель в ее нынешнем виде, возможно, не будет устойчивой через несколько лет, однако базовая структура модели и некоторые ее компоненты (государство всеобщего благосостояния, универсализм и социальная сплоченность, свободный рынок и т. д.) останутся прежними.

Изучение кризисных явлений позволяет сделать вывод относительно процесса внесения изменений в функционирование модели. Безусловно, в случае экономического кризиса ряд акторов (например, государство или банки) являются важными субъектами в процессе принятия решений. Они способны оценить ситуацию и принять ряд изменений или реформ, которые внесут коррективы в функционирование модели и позволят выйти из кризиса. Однако выше мы обозначили не только экономические, но и социальные вызовы данной модели. Следовательно, уже сейчас следует проводить реформы, которые смогут сгладить последствия спада или кризисного явления. Все страны Скандинавии стремятся к этому. Смягчение бюрократических рамок и процесса принятия решений позволит не только делать прогнозы, но и принимать своевременные решения. Историческая и долгосрочная перспектива северных государств всеобщего благосостояния может служить основой как для нашего эмпирического, так и для теоретического понимания роли международных моделей в создании национальных систем социального обеспечения.

Подобное исследование предполагает большую практическую и социальную значимость. Масштабное изучение скандинавской модели, ее теоретической составляющей, особенностей практического применения и влияния на устойчивое развитие стран поможет вывести ряд закономерностей и свою теоретическую базу, применение которой будет возможным и в ряде других стран для повышения уровня качества жизни людей и развития страны в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Alestalo, M. The Scandinavian Route: Economic, Social, and Political Developments in Denmark, Finland, Norway, and Sweden / M. Alestalo, S. Kuhnle // The Scandinavian Model. Welfare States and Welfare Research / R. Erikson [et al]. – New York ; London : M. E. Sharpe, 1987. – Pp. 3–38. – URL: https://www.amazon.co.uk/Scandinavian-Model-Research-Comparative-Analysis/dp/0873323483 (дата обращения: 24.09.2019).

2. Alestalo, M. The Nordic Model: Conditions, Origins, Outcomes, Lessons / M. Alestalo, S. Hort, S. Kuhnle // Hertie School of Governance. Working Papers. – 2009. – No. 41. – URL: https://www.researchgate.net/publication/242492153_The_Nordic_Model_Conditions_Origins_Outcomes_Lessons (дата обращения: 24.09.2019).

3. Плевако, Н. С. Выборы в Швеции: Шведские демократы смешали карты / Н. С. Плевако. – DOI 10.15211/vestnikieran520187175 // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 5. – С. 71–75. – URL: http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D0%BE.pdf (дата обращения: 24.09.2019).

4. Плевако, Н. С. Парламентский кризис в Швеции 2018 г. и «третья сила» / Н. С. Плевако. – DOI 10.15211/soveurope2201995105 // Современная Европа. – 2019. – № 2. – С. 95–105. – URL: http://www.sov-europe.ru/2019/2-2019/9.pdf (дата обращения: 24.09.2019).

5. Рябиченко, А. В. Успех партии «Шведские демократы» как элемент трансформации шведской партийно-политической системы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 28–31. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21475051 (дата обращения: 24.09.2019).

6. Церкасевич, Л. В. Мифы и реальность шведского «дома для народа» / Л. В. Церкасевич. – DOI 10.15211/soveurope22019163174 // Современная Европа. – 2019. – № 2. – С. 163–174. – URL: http://www.sov-europe.ru/2019/2-2019/15.pdf (дата обращения: 24.09.2019).

7. Такмашева, И. В. Инновационное развитие предпринимательского сектора: опыт Скандинавских стран / И. В. Такмашева, С. Г. Тяглов. – DOI 10.15211/soveurope420196072 // Современная Европа. – 2019. – № 4. – С. 60–73. – URL: http://www.sov-europe.ru/2019/4-2019/6.pdf (дата обращения: 24.09.2019).

8. Dølvik, J. E. European Social Models from Crisis to Crisis: Employment and Inequality in the Era of Monetary Integration / J. E. Dølvik, A. Martin. – DOI 10.1093/acprof:oso/9780198717966.001.0001. – Oxford University Press, 2015. – 442 p. – URL: https://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780198717966.001.0001/acprof-9780198717966 (дата обращения: 24.09.2019).

9. Pedersen, L. How the Nordic Model Weathered the Crisis / L. Pedersen ; Danish National Centre for Social Research. – 2015. – URL: https://www.fes-london.org/fileadmin/user_upload/publications/files/Paper-Lisbeth-Pedersen.pdf (дата обращения: 24.09.2019).

10. Sejersted, F. The Age of Social Democracy. Norway and Sweden in the Twentieth Century / F. Sejersted. – New York : Princeton University Press, 2011. – 552 p. – URL: https://www.amazon.com/Age-Social-Democracy-Twentieth-Century/dp/0691147744 (дата обращения: 24.09.2019).

11. Deregulation, Privatisation and Marketisation of Nordic Comprehensive Education: Social Changes Reflected in Schooling / M. Dovemark, S. Kosunen, J. Kauko [et al.]. – DOI 10.1080/20004508.2018.1429768 // Education Inquiry. – 2018. – Vol. 9, issue 1. – Pp. 122–141. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20004508.2018.1429768 (дата обращения: 24.09.2019).

12. Iqbal, R. The Nordic Model: Existence, Emergence and Sustainability / R. Iqbal, P. Todi. – DOI 10.1016/S2212-5671(15)01301-5 // Procedia Economics and Finance. – 2015. – Vol. 30. – Pp. 336–351. – URL: https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S2212567115013015 (дата обращения: 24.09.2019).

13. Thyssen, C. Social Partnerships – The Role of Government in Denmark, based on an Interview with Karen Jespersen / C. Thyssen // Corporate Social Responsibility Across Europe / A. Habisch, J. Jonker, M. Wegner, R. Schmidpeter (eds.). – DOI 10.1007/b138371. – Berlin : Springer, 2005. – Pp. 23–35. – URL: https://www.springer.com/gp/book/9783540232513 (дата обращения: 24.09.2019).

14. The Nordic Model Embracing Globalization and Sharing Risks / T. M. Andersen, B. Holmström, S. Honkapohja [et al.]. – Helsinki : Yliopistopaino, 2007. – 167 p. – URL: https://www.etla.fi/en/publications/b232-en/ (дата обращения: 24.09.2019).

Поступила 19.11.2019; принята к публикации 25.12.2019; опубликована онлайн 31.03.2020.

Об авторе:
Демина Екатерина Алексеевна, магистрант направления «Зарубежное регионоведение» ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4203-9256, dyomona-kat.demina@yandex.ru

Для цитирования:
Демина, Е. А. Кризис экономической и социальной модели стран Северной Европы: опыт Дании, Норвегии, Финляндии, Швеции / Е. А. Демина. – DOI 10.15507/2413-1407.110.028.202001.028-047 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 28–47.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Alestalo M., Kuhnle S. The Scandinavian Route: Economic, Social, and Political Developments in Denmark, Finland, Norway, and Sweden. In: The Scandinavian Model. Welfare States and Welfare Research / R. Erikson [et al]. New York, London: M.E. Sharpe; 1987. p. 3-38. Available at: https://www.amazon.co.uk/Scandinavian-Model-Research-Comparative-Analysis/dp/0873323483 (accessed 24.09.2019). (In Eng.)

2. Alestalo M., Hort S., Kuhnle S. The Nordic Model: Conditions, Origins, Outcomes, Lessons. *Hertie School of Governance. Working Papers*. 2009; (41):1-60. Available at: https://www.researchgate.net/publication/242492153_The_Nordic_Model_Conditions_Origins_Outcomes_Lessons (accessed 24.09.2019). (In Eng.)

3. Plevako N.S. Elections in Sweden: Swedish Democrats Mixed Cards. *Nauchno-analiticheskij Vestnik Instituta Evropy RAN* = Scientific and Analytical Herald of Institute of Europe Russian Academy of Sciences. 2018; (5):71-75. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520187175

4. Plevako N.S. The Parliamentary Crisis in Sweden in 2018 and the “Third Force”. *Sovremennaya Evropa* = Contemporary Europe. 2019; (2):95-105. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.15211/soveurope2201995105

5. Ryabichenko A.V. Success of the Swedish Democrats as an Element of the Swedish Party Political System Transformation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* = Vestnik of Pomor University. Series “Humanitarian and Social Sciences”. 2014; (1):28-31. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=21475051 (accessed 24.09.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

6. Tserkasevich L.V. Myths and Reality of the Swedish “People’s Home”. *Sovremennaya Evropa* = Contemporary Europe. 2019; (2):163-174. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.15211/soveurope22019163174

7. Takmasheva I.V, Tyaglov S.G. Innovative Development of the Entrepreneurial Sector: Scandinavian Experience. *Sovremennaya Evropa* = Contemporary Europe. 2019; (4):60-73. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.15211/soveurope420196072

8. Dølvik J.E., Martin A. European Social Models from Crisis to Crisis: Employment and Inequality in the Era of Monetary Integration. Oxford University Press; 2015. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198717966.001.0001

9. Pedersen L. How the Nordic Model Weathered the Crisis. 2015. Available at: https://www.fes-london.org/fileadmin/user_upload/publications/files/Paper-Lisbeth-Pedersen.pdf (accessed 24.09.2019). (In Eng.)

10. Sejersted F. The Age of Social Democracy. Norway and Sweden in the Twentieth Century. New York: Princeton University Press; 2011. Available at: https://www.amazon.com/Age-Social-Democracy-Twentieth-Century/dp/0691147744 (accessed 24.09.2019). (In Eng.)

11. Dovemark M., Kosunen S., Kauko J., Magnúsdóttir B., Hansen P., Rasmussen P. Deregulation, Privatisation and Marketisation of Nordic Comprehensive Education: Social Changes Reflected in Schooling. *Education Inquiry*. 2018; 9(1):122-141 (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080/20004508.2018.1429768

12. Iqbal R., Todi P. The Nordic Model: Existence, Emergence and Sustainability. *Procedia Economics and Finance*. 2015; 30:336-351. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)01301-5

13. Thyssen C. Social Partnerships – The Role of Government in Denmark, Based on an Interview with Karen Jespersen. In: Corporate Social Responsibility Across Europe / A. Habisch, J. Jonker, M. Wegner, R. Schmidpeter (eds.). Berlin: Springer; 2005. p. 23-35. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/b138371

14. Andersen T.M., Holmström B., Honkapohja S., et al. The Nordic Model Embracing Globalization and Sharing Risks. Helsinki: Yliopistopaino; 2007. Available at: https://www.etla.fi/en/publications/b232-en/ (accessed 24.09.2019). (In Eng.)

Submitted 19.11.2019; accepted for publication 25.12.2019; published online 31.03.2020.

About the author:

Ekaterina A. Demina, Master’s Degree Student (Foreign Regional Studies), RUDN University (6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4203-9256, dyomona-kat.demina@yandex.ru

For citation:

Demina E.A. Crisis of the Economic and Social Model of the Nordic Countries: The Experience of Denmark, Norway, Finland and Sweden. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(1):028-047. DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.028-047

The author has read and approved the final version of the manuscript.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 338.2:332.14
http://regionsar.ru
ISSN 2587-8549 (Print)
DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.048-079
ISSN 2413-1407 (Online)

Исследование региональных кластеров с использованием информационно-аналитических систем (на примере биофармацевтического кластера)

Т. Ю. Кудрявцева* **А. Е. Схведиани**

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» (г. Санкт-Петербург, Россия),
** kudryavtseva_tyu@spbstu.ru*

Введение. Динамика развития цифровой экономики приводит к необходимости внедрения интегрированных информационно-аналитических систем. Это позволяет обеспечивать интеграцию с существующими статистическими данными для принятия управленческих решений в области государственного управления развитием кластеров на территории России. Цель статьи – разработка информационно-аналитической системы – базы данных – и ее апробация на примере биофармацевтического кластера.
Материалы и методы. Использованы материалы базы данных «Кластеры регионов России». Применялся статистический инструментарий в соответствии с методологией, предложенной Европейской кластерной обсерваторией. С помощью инструментария были рассчитаны факторы «коэффициент локализации», «размер», «фокус» и выделены группы регионов России в зависимости от состояния исследуемого кластера: стабильные, возрастающие и убывающие.
Результаты исследования. Сформированы базы статистических данных за 2009–2018 гг. по численности занятых по субъектам Российской Федерации, сгруппированные в соответствии со структурой ядра биофармацевтического кластера. В ядро биофармацевтического кластера включены два кода Общерос-

© Кудрявцева Т. Ю., Схведиани А. Е., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

сийского классификатора видов экономической деятельности: 24.4 «Производство фармацевтической продукции» и 24.5 «Производство мыла; моющих, чистящих и полирующих средств; парфюмерных и косметических средств». Построены картограммы и определены регионы локализации биофармацевтических кластеров на территории России в 2009–2018 гг.
Обсуждение и заключение. Разработанная методика позволяет оперативно отслеживать концентрацию занятости в регионах и может применяться для оценки результативности управления кластерным развитием территории. Результаты исследования могут быть использованы органами власти для обоснования кластерной промышленной политики регионов, исследователями для проведения анализа состояния кластерной структуры регионов, преподавателями для реализации программ высшего образования в области экономической географии и государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: кластерная специализация регионов, биофармацевтический кластер, коэффициент локализации, фокус кластера, размер кластера, государственная кластерная политика

Финансирование. Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации (проект НШ – 3792.2018.6).

Studying Regional Clusters with the Use of Data Processing Systems: The Case of the Biopharmaceutical Cluster

T. Yu. Kudryavtseva*, A. E. Skhvediani
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (*St. Petersburg, Russia*),
* *kudryavtseva_tyu@spbstu.ru*

Introduction. The dynamics of the development of the digital economy necessitates introduction of integrated information and analytical systems. This provides integration with the existing statistics for making managerial decisions in the field of public administration of cluster development in Russia. The objective of this study is to develop an information and analytical system, a database, and test it taking the case the biopharmaceutical cluster as an example.
Materials and Methods. The study employed materials from the Clusters of Russia's Regions database as well as statistical tools in accordance with the methodology proposed by the European Cluster Observatory. The tools used made it possible to calculate such factors as 'coefficient of localization', 'size' and 'focus'; groups of Russian regions (stable, increasing, and decreasing ones) were identified depending on the state of the cluster under study.
Results. Statistical databases containing the number of employees in the constituent entities of the Russian Federation for 2009–2018 have been formed and grouped in accordance with the structure of the core of the biopharmaceutical cluster. The core of the biopharmaceutical cluster includes two codes of the Russian National Classifier of Economic Activities: 24.4 – Manufacture of pharmaceutical products and 24.5 – Manufacture of soap; detergents, cleaning and polishing preparations; perfumes and cosmetic products. Regions of localization of biopharmaceutical clusters in Russia in 2009–2018 have been identified; corresponding cartograms have been developed.

Discussion and Conclusion. The developed methodology enables quick monitoring of the concentration of employment in the regions and can be used to assess the effectiveness of managing the cluster development of the territory. The results of the study can be used by the authorities to substantiate the cluster industrial policy of the regions, as well as by researchers analyzing the state of the cluster structure of the regions, and by teachers implementing higher education programs in the field of Economic Geography and State and Municipal Administration.

Keywords: cluster specialization of regions, biopharmaceutical cluster, coefficient of localization, cluster focus, cluster size, state cluster policy

Funding. The study has been conducted under a grant from the President of the Russian Federation (project NSh – 3792.2018.6).

Введение. Развитие, распространение и прикладное использование цифровых технологий для обеспечения поддержки процессов принятия решений являются одними из направлений, развивающихся в контексте перехода к цифровой экономике [1; 2]. Технические решения направлены на реализацию информационно-аналитических систем поддержки управленческих решений на всех уровнях социально-экономической системы: отдельных индивидов [3], предприятий [4], кластеров [5] или отраслей [6], регионов [7], стран [8]. Таким образом, актуальной становится разработка специализированных систем поддержки принятия решений и управления для каждого уровня социально-экономической системы. Цель статьи состоит в разработке информационно-аналитической системы для расчета параметров локализации кластеров и ее апробации на примере кластеров биофармацевтики регионов Российской Федерации в период с 2009 по 2018 г.

В рамках данной работы представлены результаты апробации системы для идентификации и анализа состояния региональных кластеров в России. Актуальность разработки системы обусловлена необходимостью осуществления мониторинга и анализа развития региональных кластеров с целью оценки влияния отдельных отраслевых и национальных программ на их развитие. При этом данная система должна позволять в автоматическом режиме проводить идентификацию латентных кластеров, расположенных на территории региона. Поддержка этих кластеров должна осуществляться наряду с поддержкой формальных кластеров, созданных государством. На сегодняшний день подобная система существует в США[1] и Европейском союзе[2], однако в России она не реа-

[1] Harvard Business School, U.S. Economic Development Administration. U.S. Cluster Mapping Project [Электронный ресурс]. 2018. URL: https://clustermapping.us (дата обращения: 20.09.2019).

[2] Protsiv S. European Cluster Panorama 2016 // Center of Strategy and Competitiveness Stockholm School of Economics. 2016. URL: https://www.iapmei.pt/getattachment/PRODUTOS-E-SERVICOS/Empreendedorismo-Inovacao/Eficiencia-Coletiva-e-Clusters/EuropeanClusterPanorama2016.pdf.aspx?lang=pt-PT (дата обращения: 20.09.2019).

лизована. Кроме того, большинство исследований сфокусировано на рассмотрении отдельных кластеров в отдельных регионах (например, работы таких авторов, как М. М. Манукян [9], Г. И. Немченко и Т. В. Лузина[3], Ф. Д. Ларичкин [10] и др.), а не на комплексном анализе состояния региональной кластерной структуры в России как в работах Т. Ю. Кудрявцевой[4] [11], Е. А. Исланкиной[5], С. П. Земцова [12].

Таким образом, наряду с технической задачей – созданием информационно-аналитической системы – мы решаем и методологическую задачу идентификации и анализа состояния кластеров в регионах России.

Обзор литературы. Изучение региональных кластерных систем является популярным направлением исследований в региональной экономике [13]. В их основе лежат три взаимосвязанные идеи. Первая идея была заложена Р. М. Хейгом, анализировавшем структуру городской экономики. На основании анализа значений «коэффициента локализации» (относительной концентрации) отдельных видов деятельности он выделял базовую часть, осуществляющую вклад в экономику региона за счет экспорта, и небазовую часть экономики региона, поддерживающую базовую[6]. В дальнейшем данная идея была развита в работах М. Портера, который использовал таблицы затрат – выпуск для определения связанных между собой видов деятельности, идентификации экономических кластеров[7] [14; 15], а также их картографирования. Таким образом, сочетание трех идей, а именно: определение статистических параметров, отражающих концентрации видов деятельности на заданной территории, определение связей между видами деятельности и их объединение в кластеры, а также автоматизация их расчетов и картографирование их на региональном уровне – определило современное положение кластерной теории.

Первым двум идеям уделяется достаточное внимание в научной отечественной и зарубежной литературе. Так, в зарубежных исследованиях широко представлены результаты идентификации и анализа состояния кластерных систем отдельных стран и регионов. Например, А. Лоиэн

---

[3] Немченко Г. И., Лузина Т. В. Нефтегазовый кластер Тюменского региона – инструмент модернизации экономики // Управление инновационными и инвестиционными процессами формирования и развития промышленных предприятий в условиях цифровой экономики. 2018. С. 173–180.

[4] Кудрявцева Т. Ю. Теория, методология и инструментарий формирования кластерной промышленной политики. СПб.: С.-Петербург. политех. ун-т Петра Великого, 2018. 497 с.

[5] Инновационные кластеры – лидеры инвестиционной привлекательности мирового уровня / Е. А. Исланкина [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2017.

[6] Haig R. M. Major Economic Factors in Metropolitan Growth and Arrangement: A Study of Trends and Tendencies in the Economic Activities Within the Region of New York and Its Environs; Regional Survey. Arno Press, 1974.

[7] Porter M. E. Clusters and Competition: New Agendas for Companies, Governments, and Institutions // Governments and Institutions, in: Ibid., On Competition / ed. M. E. Porter. Boston, MA: Harward Business School Press, 1998. Pp. 197–299.

и В. Хейман проводят идентификацию и анализ сельскохозяйственных кластеров на территории Европейского союза [16]. Й. Линдквист осуществил анализ концентрации и урбанизации отраслей Швеции, построил кластерные картограммы для Швеции [17]. М. Дельгато, М. Портер и С. Штерн разработали алгоритм идентификации кластеров [14] и исследовали агломерационные эффекты региональных кластеров США [18].

В отечественной литературе также представлены работы, посвященные анализу состояния кластерной системы России в целом и развитию кластеров в отдельных регионах. Так, М. М. Манукян проводил анализ потенциала нефтегазового кластера Самарской области [9], С. Земцов и соавторы – анализ состояния и развития потенциальных высокотехнологичных кластеров [12], Г. И. Немченко и Т. В. Лузина рассматривали нефтегазовый кластер Тюменской области в качестве инструмента модернизации экономики региона[8], Ф. Д. Ларичкин и соавторы анализировали кейс развития морского нефтегазового кластера на территории Мурманской области [10], Е. А. Исланкина и соавторы составили методические рекомендации по формированию и развитию инновационных кластеров на государственном уровне[9], А. С. Хухрин представил анализ Концепции кластерной политики в сельском хозяйстве России с позиций системно-синергетического подхода [19], Ю. В. Вертакова и соавторы привели пример схемы формирования кластера пищевой промышленности и пример организационно-экономической структуры взаимодействия в промышленном кластере [20], Л. С. Марков и соавторы провели детальный анализ федеральной и региональной кластерной политики [21].

Третьей идее – автоматизированному расчету и последующему картографированию результатов анализа динамики развития кластеров для целей мониторинга и разработки кластерной политики – посвящено только два крупных международных проекта: US Cluster mapping[10] и European cluster initiative[11]. В России также есть проект «Российская кластерная инициатива»[12], однако в отличие от аналогичных проектов США и Европейского союза он предоставляет информацию только о расположении и основных результатах деятельности формальных кла-

---

[8] Немченко Г. И., Лузина Т. В. Нефтегазовый кластер Тюменского региона – инструмент модернизации экономики…

[9] Инновационные кластеры – лидеры инвестиционной привлекательности мирового уровня…

[10] Harvard Business School, U.S. Economic Development Administration…

[11] Ketels C., Protsiv S. European Cluster Panorama 2014 // Center of Strategy and Competitiveness Stockholm School of Economics. 2014. URL: https://eco2.inno-projects.net/2014-10-15-cluster-panorama-d1.4a.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

[12] НИУ ВШЭ. Российская кластерная обсерватория [Электронный ресурс]. 2019. URL: https://cluster.hse.ru/ (дата обращения: 24.11.2019).

стеров, поддерживаемых государством. Таким образом, в отечественном проекте не уделяется достаточное внимание анализу и идентификации латентных кластеров, т. е. общей структуре экономики регионов.

Материалы и методы. Проблема идентификации и анализа состояния кластеров в отдельных регионах является одной из ключевых в рамках теории отраслевых кластеров [11; 12; 22]. Существует несколько схожих подходов к выявлению кластеров на определенной территории. Ключевое различие между ними состоит в качестве и объеме доступной для анализа информации [23–25].

В данном исследовании используется методология, предложенная Европейской кластерной обсерваторией [17; 26]. Согласно данной методологии, критическая масса кластера определяет объем и качественный уровень знаний, циркулирующих между предприятиями и организациями кластера. Уровень достаточности критической массы рассчитывается на основании трех статистических параметров: «коэффициента локализации», «размера», «фокуса» [17]. Все три показателя рассчитываются с использованием данных о занятости в стране, регионе и кластере. Если исследуемый кластер имеет достаточную критическую массу, т. е. значения рассчитываемых статистических параметров выше пороговых значений или попадают в определенную группу значений, то считается, что кластер обладает достаточной «критической массой» для генерации положительных внешних эффектов и связей [17; 26].

В методологии, разработанной Г. Линдквистом из Европейской кластерной обсерватории [17], в качестве порогового значения для коэффициента локализации используется значение выше 2, а значения по показателям «размер» и «фокус» должны быть выше девяностого персентиля. Таким образом, если «показатели региона соответствуют предельным (превышают их), то регион может получить звезду. Максимально каждый регион может получить 3 звезды для каждого кластера. Чем больше звезд, тем больше сила этого кластера в регионе»[13]. При этом значения выше девяностого персентиля должны быть присвоены кластеру в регионе, «если занятость в этом кластере не превышает 1 000 чел. Таким образом, применение данной методологии позволит определить количество и относительную силу кластеров в каждом исследуемом регионе»[14].

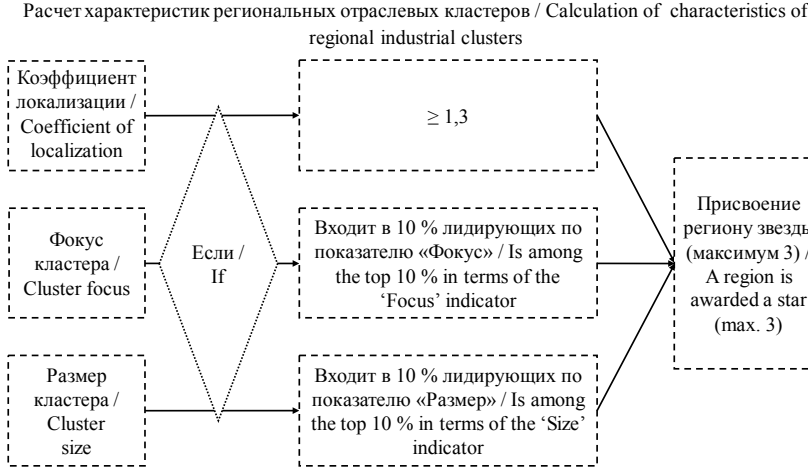
В научной литературе идет дискуссия о том, при каком размере относительной концентрации кластера в регионе – значении коэффициента локализации – можно говорить о том, что его критическая масса достаточна для генерирования положительных эффектов и связей.

[13] Кудрявцева Т. Ю. Теория, методология и инструментарий формирования кластерной промышленной политики. С. 134.

[14] Там же.

Так, в качестве пограничных значений LQ выделяют 1 [27], 1,25 [28], 1,3[15], 2 [17] и 3[16].

В рамках проводимого исследования мы придерживаемся позиции, что пороговое значение для коэффициента локализации должно быть установлено на отметке 1,3 (см. рис. 1). По нашему мнению, использование более низкого порогового значения относительной концентрации позволит учесть специфические условия географического расположения экономической деятельности в России, а также уровень детализации и агрегирования доступной информации.

Р и с. 1. Методика идентификации территории локализации кластеров[17]

F i g. 1. Methodology for identifying the territory of cluster localization

Для формирования и определения структуры биофармацевтического кластера России применялись результаты исследований М. Портера[18] [14; 15; 18]. Подход, использованный М. Портером для идентификации

[15] Braunerhjelm P., Carlsson B. Industry Clusters in Ohio and Sweden, 1975–1995 // Small Business Economics. 1999. Vol. 12, issue 4. Pp. 279–293. DOI: https://doi.org/10.1023/A:1008079014165

[16] Isaksen A. Towards Increased Regional Specialization? The Quantitative Importance of New Industrial Spaces in Norway, 1970–1990 // Norwegian Journal of Geography. 1996. Vol. 50, issue 2. Pp. 113–123. DOI: https://doi.org/10.1080/00291959608542834

[17] Кудрявцева Т. Ю. Теория, методология и инструментарий формирования кластерной промышленной политики…

[18] Porter M. E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. 1998. Vol. 76, issue 6. URL: http://marasbiber.com/wp-content/uploads/2018/05/Michael-E.-Porter-Cluster-Reading.pdf (дата обращения: 24.11.2019).

кластерных образований, заключался в том, что на основании результатов анализа таблиц «затрат – выпуск» можно определить связанные друг с другом виды деятельности и объединить их в группы. Таким образом, предприятия, объединенные в эти группы и расположенные на заданной территории, назывались кластерами. Результаты данного исследования используются для мониторинга и анализа развития кластерных объединений Министерством экономического развития США. Проект носит название “US Cluster Mapping”[19]. Также данные результаты и идеи легли в основу Проекта Европейской кластерной обсерватории, в рамках которого предложенная М. Портером и его исследовательской группой кластерная структура экономики была адаптирована с учетом специфики экономики Европейского союза на основании данных европейского классификатора NACE (Nomenclature des Activités Économiques dans la Communauté Européenne). В таблице 1 представлена структура кластера биофармацевтики по версии Европейской кластерной обсерватории и ее аналог, построенный в результате сопоставления кодов общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) и NACE. В связи с переходом Федеральной налоговой службы (ФНС) со старой редакции классификатора ОКВЭД на новую – ОКВЭД–2 в 2016 г., мы использовали таблицу соответствия[20] для определения структуры кластера биофармацевтики. Перечисленные в таблице 1 кода видов деятельности использовались для сбора данных о занятости в кластере «Биофармацевтика» регионов России в период с 2009 по 2016 г. по классификатору ОКВЭД[21] и за период 2017–2018 г. по классификатору ОКВЭД–2[22].

С целью идентификации кластеров в регионах России была разработана база данных «Кластеры регионов России» (свидетельство государственной регистрации РИД № 2017620569 от 29 мая 2017 г.). Данная система, используя данные о занятости по видам деятельности и регионам, может применяться для расчета параметров локализации кластеров в соответствии с методикой, описанной на рисунке 1. Таким образом, могут быть выявлены субъекты Российской Федерации, в которых критическая масса кластеров высокая.

---

[19] Harvard Business School, U.S. Economic Development Administration…

[20] Бухпрофи. Таблица соответствия ОКВЭД и ОКВЭД–2 [Электронный ресурс]. 2017. URL: https://www.buxprofi.ru/spravochnik/tablica-sootvetstvija-okved-i-okved-2 (дата обращения: 24.11.2019).

[21] ФССП. Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций по 2016 г. [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). 2017. URL: https://fedstat.ru/indicator/43007 (дата обращения: 24.11.2019).

[22] ФССП. Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций с 2017 г. [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). 2019. URL: https://fedstat.ru/indicator/58699 (дата обращения: 24.11.2019).

Таблица 1. **Структура биофармацевтического кластера по видам деятельности**
Table 1. **Structure of the biopharmaceutical cluster by types of activities**

NACE (код) / NACE code	NACE (виды деятельности) / Types of activities (NACE)	ОКВЭД (код) / OKVED* code	ОКВЭД (наименование видов деятельности) / Types of activities (OKVED)	ОКВЭД–2 (код) / OKVED–2 code	ОКВЭД–2 (наименование видов деятельности) / Types of activities (OKVED–2)
21.10	Производство базовых фармацевтических продуктов / Manufacture of basic pharmaceutical products	24.4	Производство фармацевтической продукции / Manufacture of pharmaceutical products	21.10	Производство фармацевтических субстанций / Manufacture of pharmaceutical preparations
21.20	Производство фармацевтических субстанций / Manufacture of pharmaceutical preparations			21.20	Производство лекарственных препаратов и материалов, применяемых в медицинских целях / Manufacture of medications and materials used for medical purposes
20.42	Производство парфюмов и туалетной продукции / Manufacture of perfumes and toilet preparations	24.5	Производство мыла; моющих, чистящих и полирующих средств; парфюмерных и косметических средств / Manufacture of soap; detergents, cleaning and polishing preparations; perfumes and cosmetic products	20.4	Производство мыла и моющих, чистящих и полирующих средств; парфюмерных и косметических средств / Manufacture of soap and detergents, cleaning and polishing preparations, perfumes and cosmetic products

* OKVED – Russian National Classifier of Economic Activities.

В соответствии с данной методикой, коэффициент локализации показывает, во сколько раз доля занятых в кластере региона превышает среднюю по стране занятость в кластере и рассчитывается по формуле

$$LQ = \frac{E_{ig}}{E_g} / \frac{E_i}{E},$$

где E_{ig} – численность занятых в биофармацевтическом кластере в регионе, E_g – численность занятых всего в регионе, E_i – численность занятых в биофармацевтическом кластере в Российской Федерации, E – численность занятых всего в Российской Федерации.

Размер кластера отражает долю занятых в кластере региона по сравнению с занятыми в кластере по стране и рассчитывается по формуле

$$Size = \frac{E_{ig}}{E_i} \cdot 100\ \%.$$

Фокус кластера отражает долю занятых в кластере по сравнению со всеми занятыми в регионе и рассчитывается по формуле

$$Focus = \frac{E_{ig}}{E_g} \cdot 100\ \%.$$

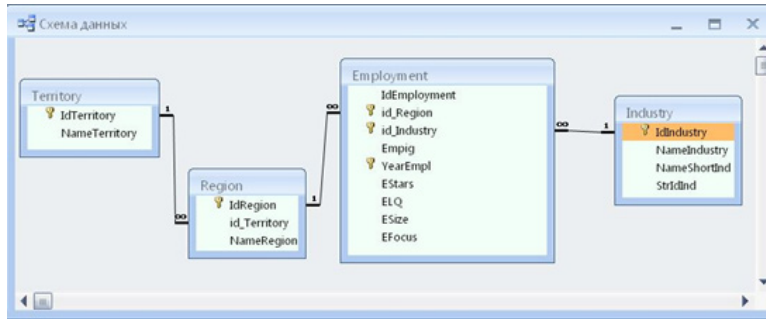
Если значения параметров локализации кластеров превышают критические, то можно утверждать, что «критическая масса» кластера достаточна для генерации положительных агломерационных экстерналий.

Применение базы данных позволяет решить четыре основные задачи: «минимизировать объем хранимой информации о занятости населения регионов по годам и областям деятельности; обеспечить удобный ввод и редактирование информации о занятости населения регионов; создать вычислительный аппарат для оценки динамики занятости в кластерах на территории России по годам; проводить аналитическую обработку полученной в результате расчета информации и отбор значимых кластеров в соответствии с заданными критериями в каждом регионе России»[23].

Физическая модель базы данных является реляционной и реализована в СУБД MS Access 2007 (рис. 2). Поля физической модели базы данных представлены в таблице 2. Назначение полей таблицы и имена имеют соответствующий смысл. Имена числовых данных совпадают по написанию с членами математических формул.

Ограничением используемой для целей оценки и анализа динамики изменения критической массы кластеров в регионе методологии является ее чувствительность к административным границам территорий. Так,

[23] Кудрявцева Т. Ю. Теория, методология и инструментарий формирования кластерной промышленной политики. С. 154.

Р и с. 2. Физическая модель базы данных «Кластеры регионов России»

F i g. 2. Physical model of the Clusters of Russia's Regions database

отдельные кластеры могут являться межрегиональными, а не субнациональными образованиями, что нельзя определить с использованием коэффициентов локализации [29]. Как следствие, необходимо учитывать не только функциональные связи между видами деятельности, но и пространственные связи между объектами исследования.

В качестве объекта исследования мы выбрали биофармацевтический кластер России, развитие которого закрепрелено в стратегии ФАРМА – 2030. Для проведения анализа были взяты данные о состоянии занятости в данном кластере за период с 2009 по 2018 г. по 83 регионам России. В результате апробации системы были выделены три группы регионов России в зависимости от состояния исследуемого кластера: стабильные, возрастающие и убывающие.

Результаты исследования. Для реализации предложенного подхода были сформированы базы статистических данных за 2008–2018 гг. по численности занятых и количеству предприятий по субъектам Российской Федерации, сгруппированные в соответствии с ядрами кластеров, спроектированными М. Портером. В ядро биофармацевтического кластера входят такие виды деятельности, как производство фармацевтической продукции; мыла, моющих, чистящих и полирующих средств; парфюмерных и косметических средств.

Согласно методике идентификации территории локализации кластеров (рис. 1), были сформированы блоки таблиц по трем категориям: стабильные, возрастающие и убывающие.

Таблица 2. **Поля физической модели базы данных «Кластеры регионов России»**

Table 2. **Fields of the physical model of the Clusters of Russia's Regions database**

Имя / Name	Тип / Type	Размер / Size
	Таблица: Территория / Table: Territory	
IdTerritory	Длинное целое / Long integer	4
NameTerritory	Текстовый /Text	100
	Таблица: Регион / Table: Region	
IdRegion	Длинное целое / Long integer	4
id_Territory	Длинное целое / Long integer	4
NameRegion	Текстовый / Text	100
	Таблица: Отрасль / Table: Industry	
IdIndustry	Длинное целое / Long integer	4
NameIndustry	Текстовый / Text	100
NameShortInd	Текстовый / Text	7
StrIdInd	Текстовый / Text	4
	Таблица: Занятость / Table: Employment	
IdEmployment	Длинное целое / Long integer	4
id_Region	Длинное целое / Long integer	4
id_Industry	Длинное целое / Long integer	4
Empig	Длинное целое / Long integer	4
YearEmpl	Целое / Integer	2
EStars	Длинное целое / Long integer	4
ELQ	Двойное с плавающей / Double, floating-point	8
ESize	Двойное с плавающей / Double, floating-point	8
EFocus	Двойное с плавающей / Double, floating-point	8

Категория «стабильные» включает в себя регионы, которые за период с 2009 по 2018 г. имеют одинаковое количество звезд в каждом году или те, которые на начальный и конечный отчетный периоды имели одно и то же количество звезд, т. е. в этих регионах стабильно наблюдается локализация предприятий биофармацевтического кластера (табл. 3). К этой категории относятся: Московская, Курская и Томская области, города Санкт-Петербург и Москва. В данных регионах биофармацевтический кластер выражен наиболее сильно.

Особый акцент стоит сделать на Московской области, которая за период с 2009 по 2018 г. имеет стабильное максимальное количество звезд, равное 3, т. е. все три фактора («коэффициент локализации» (LQ), «размер» (Size), «фокус» (Focus)), по которым оценивался биофармацевтический кластер в регионе, имеют максимальные значения. Это означает, что кластер в данном регионе достиг достаточной «критической массы» для генерации положительных внешних эффектов и связей.

Курская область и г. Санкт-Петербург также показывали стабильный уровень, хотя количество звезд в данных регионах соответствовало только значению 2. Несмотря на то, что г. Москва имеет самые высокие показатели по количеству всех занятых и занятых в биофармацевтическом кластере в период с 2012 по 2015 г., коэффициент локализации в регионе был ниже значения 1,3, что было связано со снижением числа занятых в биофармацевтическом кластере на 13–17 % по отношению к 2011 г. Однако к 2016 г. коэффициент принял значение 1,45, что позволило говорить о стабилизации кластера в данном регионе. В то же время, несмотря на падение показателя общей занятости в регионе на 5,3 %, число занятых в биофармацевтическом кластере увеличилось на 17 %.

Томская область тоже имела неоднородную динамику. В период с 2011 по 2015 г. доля занятых в кластере по отношению ко всем занятым в регионе была выше, чем в другие года периода наблюдений. Численность занятых в кластере в это время возросла до 133,7 % от значений показателя 2009 г., однако с 2015 г. численность занятых в биофармацевтическом кластере этого региона стала опять снижаться и достигла уровня 77,7 % от значения показателя 2009 г.

Интересно отметить, что в г. Санкт-Петербурге численность занятых в кластере возросла почти в два раза в период с 2009 по 2018 г. (178 % по отношению к показателю 2009 г.). Это говорит о развитии и укреплении данного кластера в регионе. Также увеличение численности занятых в биофармацевтическом кластере произошло в таких регионах, как г. Москва (117,2 % по отношению к 2009 г.), Московская область (130,7 %), Курская область (114,5 %).

Таблица 3. **«Стабильные» регионы локализации биофармацевтических кластеров, 2009–2018 гг.**
Table 3. **Russia's regions with stable localization of biopharmaceutical clusters, 2009–2018**

Параметр / Parameter	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Курская область / Kursk Region										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	352,5	339,8	336,6	330,2	329,8	327,8	326,2	321,0	318,4	323,3
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	1,87	1,80	2,06	1,60	1,70	1,77	1,86	2,03	2,29	2,14
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Коэффициент локализации / LQ	2,47	2,34	2,66	2,20	2,32	2,41	2,48	2,51	2,58	2,49
Размер, % / Size, %	1,83	1,70	1,95	1,59	1,67	1,74	1,79	1,81	1,85	1,83
Фокус, % / Focus,%	0,53	0,53	0,61	0,48	0,51	0,54	0,57	0,63	0,72	0,66
Московская область / Moscow Region										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	2155,9	2170,3	2066,4	2016,2	2067,0	2084,2	2062,9	2057,1	2127,6	2189,8
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	13,82	14,06	13,86	14,55	14,63	15,36	15,89	16,28	17,53	18,07
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Коэффициент локализации / LQ	2,99	2,86	2,92	3,29	3,20	3,28	3,36	3,14	2,95	3,11
Размер, % / Size, %	13,57	13,27	13,15	14,45	14,43	15,05	15,35	14,52	14,17	15,44
г. Москва / city of Moscow										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	5110,3	5030,0	4459,3	4802,7	4700,4	4755,9	4662,1	4738,8	4805,0	4840,5
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	15,47	15,23	15,35	12,59	13,11	13,34	12,67	17,45	25,36	18,12
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	2	2	2	1	1	1	1	2	2	2

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Коэффициент локализации / LQ	1,41	1,33	1,50	1,19	1,26	1,25	1,18	1,46	1,89	1,41
Размер, % / Size, %	15,18	14,37	14,56	12,50	12,93	13,08	12,24	15,57	20,49	15,49
Фокус, % / Focus,%	0,30	0,30	0,34	0,26	0,28	0,28	0,27	0,37	0,53	0,37
г. Санкт-Петербург / city of Saint Petersburg										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	2015,5	2008,6	2024,7	2031,6	2042,9	2057,6	2055,3	2058,7	2055,9	2082,7
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	5,99	9,28	7,60	8,04	8,16	8,36	9,36	9,48	10,84	10,66
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Коэффициент локализации / LQ	1,38	2,04	1,63	1,80	1,80	1,81	1,98	1,83	1,89	1,93
Размер, % / Size, %	5,88	8,76	7,21	7,98	8,05	8,19	9,04	8,46	8,76	9,11
Фокус, % / Focus,%	0,30	0,46	0,38	0,40	0,40	0,41	0,46	0,46	0,53	0,51
Томская область / Tomsk Region										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	348,2	339,7	332,3	327,5	327,8	325,0	319,9	312,9	315,2	314,3
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	1,58	1,67	2,11	1,67	1,76	1,80	1,70	1,40	1,29	1,23
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	1	1	2	2	2	2	2	1	1	1
Коэффициент локализации / LQ	2,11	2,17	2,77	2,32	2,42	2,47	2,31	1,77	1,47	1,48
Размер, % / Size, %	1,55	1,58	2,01	1,66	1,73	1,77	1,64	1,25	1,05	1,05
Фокус, % / Focus,%	0,45	0,49	0,64	0,51	0,54	0,56	0,53	0,45	0,41	0,39

Категория «убывающие» содержит в себе те регионы, у которых в период с 2009 по 2018 г. количество звезд уменьшалось, т. е. в этих регионах происходит постепенное сокращение локализации предприятий исследуемого кластера (табл. 4). К этой категории относятся Ставропольский край, республики Марий Эл, Татарстан и Мордовия, Пензенская, Курганская и Свердловская области. Данная категория характеризуется уменьшением количества звезд на конечную отчетную дату по отношению к начальной. Так, в Ставропольском крае, обладающем стабильной динамикой занятости в кластере за рассматриваемый период, в 2018 г. снижается локализованность кластера (LQ < 1,3), тем самым регион теряет звезду и становится «нулевым». Это связано как с постепенным снижением занятых в регионе (83,5 % от уровня 2009 г.), так и с резким падением численности занятых в кластере (на 27,5 % по отношению к 2017 г.). Динамика плавного снижения характерна и Республике Марий Эл. Показатель доли занятых кластера в данном регионе по сравнению с занятыми в кластере по стране (Size) снизился на 30 %. Свердловская область, Республика Татарстан и Республика Мордовия за 2017–2018 гг. потеряли по одной звезде. Во всех регионах данной категории наблюдается снижение численности занятых как в регионе в целом, так и в биофармацевтическом кластере в частности. К стабильным регионам, но с убывающей тенденцией относятся Курганская область, имеющая самый высокий коэффициент по группе (LQ = 6,24 в 2009 г., 4,67 – в 2018 г.), и Пензенская область. Таким образом, одна из самых крупных локализаций биофармацевтического кластера приходится на Центральный федеральный округ.

Категория «возрастающие» представляет собой совокупность регионов, где в период с 2009 по 2018 г. увеличивалось количество звезд от начального отчетного периода к конечному, т. е. в данной группе регионов происходит увеличение локализации предприятий исследуемого кластера, следовательно, усиление положительных агломерационных эффектов. К этой категории относятся Владимирская, Калужская, Тульская, Кировская, Нижегородская и Новосибирская области. Данная категория характеризует регионы, которые показывают положительную динамику в приросте численности занятых в регионе или в биофармацевтическом кластере данного региона. Таким образом, прирост числа занятых в кластере в Калужской области был максимальным и составил 341 % по отношению к 2009 г., в абсолютном выражении 2 220 чел., во Владимирской области – 185 %, 2 650 чел., в Новосибирской области – 153 %, 5 190 чел., в Кировской области – 143 %, 1 540 чел., в Тульской области – 120 %, 3 590 чел., в Нижегородской области – 110 % (2017 г.), 3 770 чел. Самая высокая доля занятых в кластере региона, по сравнению с занятыми в кластере по стране, в Новосибирской области – 4,43 % (прирост 133 % по отношению к 2009 г.). Выше всего доля занятых в биофармацевтическом кластере по сравнению со всеми занятыми в регионе в Нижегородской области – 2,88 %, однако это значение ниже уровня 2009 г. на 13,5 %.

Таблица 4. **«Убывающие» регионы локализации биофармацевтических кластеров, 2009–2018 гг.**
Table 4. **Russia's regions with decreasing localization of biopharmaceutical clusters, 2009–2018**

Параметр / Parameter	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Ставропольский край / Stavropol Territory										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	732,9	734,8	731,3	726,7	720,9	709,7	702,1	671,0	635,8	611,7
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	2,53	2,92	3,81	3,32	3,14	3,00	2,78	2,78	2,81	2,04
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	1	1	2	1	1	1	1	1	1	0
Коэффициент локализации / LQ	1,61	1,75	2,27	2,08	1,97	1,88	1,73	1,64	1,58	1,26
Размер, % / Size, %	2,49	2,76	3,61	3,29	3,10	2,94	2,69	2,48	2,27	1,74
Фокус, % / Focus, %	0,35	0,40	0,52	0,46	0,44	0,42	0,40	0,41	0,44	0,33
Республика Марий Эл / Republic of Mari El										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	212,9	204,6	207,0	204,3	202,9	201,6	196,6	188,3	181,7	179,5
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	1,02	1,07	1,08	0,97	0,98	0,99	1,02	1,04	1,03	0,82
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	2	2	1	1	1	1	1	1	2	1
Коэффициент локализации / LQ	2,22	2,31	2,26	2,16	2,17	2,18	2,26	2,19	2,03	1,72
Размер, % / Size, %	1,00	1,01	1,02	0,96	0,96	0,97	0,98	0,93	0,83	0,70
Фокус, % / Focus, %	0,48	0,52	0,52	0,47	0,48	0,49	0,52	0,55	0,57	0,46

Продолжение табл. 4 / Continuation of table 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	1346,5	1359,4	1362,8	1367,7	1352,9	1348,7	1334,8	1321,9	1299,8	1288,3
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	4,60	4,54	4,56	4,57	4,50	4,31	4,79	4,73	4,63	4,24
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	2	2	2	2	2	2	2	2	1	1
Коэффициент локализации / LQ	1,59	1,47	1,46	1,52	1,50	1,42	1,56	1,42	1,27	1,24
Размер, % / Size, %	4,52	4,29	4,33	4,54	4,44	4,23	4,62	4,22	3,74	3,63
Фокус, % / Focus, %	0,34	0,33	0,33	0,33	0,33	0,32	0,36	0,36	0,36	0,33
Пензенская область / Penza Region										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	402,7	401,2	400,6	400,6	399,6	398,6	397,1	396,0	394,2	385,3
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	2,91	2,85	2,77	2,55	2,32	2,27	2,05	1,82	1,65	1,42
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1
Коэффициент локализации / LQ	3,36	3,13	3,01	2,90	2,62	2,53	2,25	1,82	1,50	1,39
Размер, % / Size, %	2,86	2,69	2,63	2,53	2,29	2,22	1,98	1,62	1,34	1,21
Фокус, % / Focus, %	0,72	0,71	0,69	0,64	0,58	0,57	0,52	0,46	0,42	0,37
Курганская область / Kurgan Region										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	271,1	267,9	255,5	254,6	253,3	247,5	238,9	231,2	221,7	219,9
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	3,63	3,63	3,40	3,09	2,85	2,77	2,88	2,94	2,92	2,72

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2
Коэффициент локализации / LQ	6,24	5,96	5,79	5,52	5,09	4,99	5,24	5,04	4,71	4,67
Размер, % / Size, %	3,57	3,42	3,23	3,06	2,81	2,72	2,78	2,62	2,36	2,32
Фокус, % / Focus, %	1,34	1,35	1,33	1,21	1,13	1,12	1,20	1,27	1,32	1,24
Свердловская область / Sverdlovsk Region										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	1622,2	1579,4	1575,3	1586,4	1581,1	1544,3	1525,8	1483,2	1532,2	1513,9
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	3,83	3,96	3,99	4,11	4,30	4,38	3,72	3,40	3,30	2,99
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0
Коэффициент локализации / LQ	1,10	1,11	1,10	1,18	1,23	1,26	1,06	0,91	0,77	0,74
Размер, % / Size, %	3,76	3,74	3,78	4,08	4,24	4,29	3,59	3,04	2,66	2,55
Фокус, % / Focus, %	0,24	0,25	0,25	0,26	0,27	0,28	0,24	0,23	0,22	0,20
Республика Мордовия / Republic of Mordovia										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	268,4	261,2	251,4	249,2	244,2	236,7	225,7	227,6	226,0	224,1
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	1,97	1,93	1,92	1,73	1,46	1,26	1,27	1,37	1,30	1,09
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	2	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Коэффициент локализации / LQ	3,41	3,25	3,33	3,17	2,71	2,37	2,44	2,39	2,05	1,84
Размер, % / Size, %	1,93	1,82	1,82	1,72	1,44	1,23	1,22	1,23	1,05	0,93
Фокус, % / Focus, %	0,73	0,74	0,76	0,70	0,60	0,53	0,56	0,60	0,57	0,49

Таблица 5. **«Возрастающие» регионы локализации биофармацевтических кластеров, 2009–2018 гг.**

Table 5. **Russia's regions with increasing localization of biopharmaceutical clusters, 2009–2018**

Параметр / Parameter	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Владимирская область / Vladimir Region										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	500,3	501,2	483,3	463,6	455,7	442,6	433,4	433,1	420,3	415,9
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	1,43	1,69	1,89	2,03	2,05	2,30	2,34	2,57	2,67	2,65
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	0	1	0	0	0	0	1	1	1	1
Коэффициент локализации / LQ	0,93	1,37	0,85	0,92	0,84	0,92	0,98	1,00	1,05	1,16
Размер, % / Size, %	1,40	1,59	1,80	2,02	2,02	2,25	2,26	2,29	2,16	2,26
Фокус, % / Focus, %	0,29	0,34	0,39	0,44	0,45	0,52	0,54	0,59	0,64	0,64
Калужская область / Kaluga Region										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	337,9	333,1	333,6	342,8	345,4	347,0	337,4	321,8	318,4	321,5
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	0,65	0,55	0,79	0,74	0,78	1,07	1,07	1,78	1,52	2,22
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	0	0	0	0	0	1	1	2	1	2
Коэффициент локализации / LQ	0,90	0,72	1,02	0,98	1,02	1,38	1,38	2,20	1,71	2,61
Размер, % / Size, %	0,64	0,52	0,74	0,73	0,77	1,05	1,04	1,59	1,23	1,90
Фокус, % / Focus, %	0,19	0,16	0,24	0,21	0,22	0,31	0,32	0,55	0,48	0,69

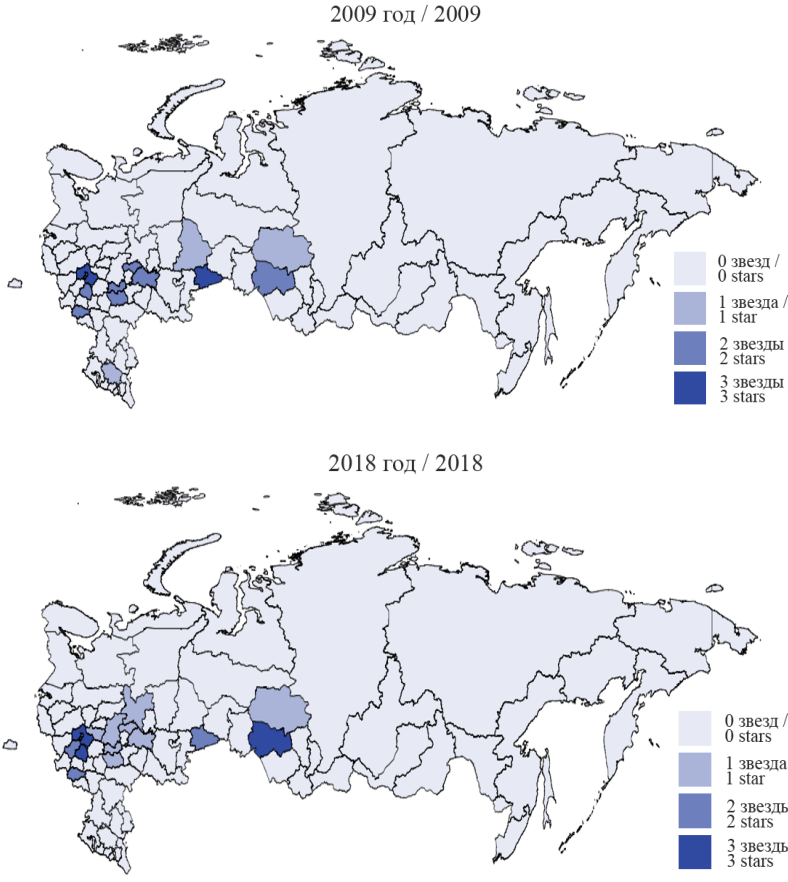
Продолжение табл. 5 / Continuation of table 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Тульская область / Tula Region										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	492,1	485,2	482,4	464,9	459,3	451,6	445,9	442,9	440,5	442,6
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	3,01	3,33	3,39	3,52	3,29	3,23	3,31	3,55	2,75	3,59
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	2	2	2	3	2	2	3	3	2	3
Коэффициент локализации / LQ	2,85	3,02	3,06	3,45	3,23	3,19	3,23	3,17	2,24	3,06
Размер, % / Size, %	2,96	3,14	3,22	3,50	3,24	3,16	3,20	3,16	2,22	3,07
Фокус, % / Focus, %	0,61	0,69	0,70	0,76	0,72	0,71	0,74	0,80	0,62	0,81
Кировская область / Kirov Region										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	456,0	439,9	453,9	452,1	440,9	437,3	428,3	410,7	390,3	382,1
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	1,08	1,19	1,20	1,13	1,09	0,98	1,10	1,32	1,56	1,54
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Коэффициент локализации / LQ	1,10	1,19	1,15	1,14	1,12	1,00	1,12	1,27	1,43	1,53
Размер, % / Size, %	1,06	1,12	1,14	1,12	1,08	0,96	1,06	1,18	1,26	1,32
Фокус, % / Focus, %	0,24	0,27	0,26	0,25	0,25	0,22	0,26	0,32	0,40	0,40

Окончание табл. 5 / End of table 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	1243,9	1225,1	1217,6	1206,3	1215,4	1210,3	1170,3	1151,5	1162,6	1153,3
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	3,40	3,51	2,93	2,88	2,86	2,80	3,04	3,07	3,77	3,36
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Коэффициент локализации / LQ	1,27	1,26	1,05	1,09	1,07	1,03	1,13	1,06	1,16	1,10
Размер, % / Size, %	3,33	3,31	2,78	2,86	2,83	2,74	2,93	2,74	3,05	2,88
Фокус, % / Focus, %	0,27	0,29	0,24	0,24	0,24	0,23	0,26	0,27	0,32	0,29
Новосибирская область / Novosibirsk Region										
E_g, тыс. чел. / E_g, thousand people	844,2	885,8	907,0	927,9	929,0	950,6	927,4	902,8	927,3	939,0
E_{ig}, тыс. чел. / E_{ig}, thousand people	3,40	3,55	3,78	3,88	4,06	4,14	4,26	4,58	4,94	5,19
Количество звезд, шт. / Number of stars, pieces	2	2	2	2	2	2	2	2	2	3
Коэффициент локализации / LQ	1,88	1,76	1,81	1,90	1,98	1,94	2,00	2,01	1,91	2,08
Размер, % / Size, %	3,34	3,35	3,58	3,85	4,01	4,06	4,11	4,09	3,99	4,43
Фокус, % / Focus, %	0,40	0,40	0,42	0,42	0,44	0,44	0,46	0,51	0,53	0,55

В результате использования базы данных построены картограммы (рис. 3) и определены регионы локализации биофармацевтического кластера на территории России.

Р и с. 3. Картограммы специализации регионов России в 2009 и 2018 гг. (биофармацевтический кластер)

F i g. 3. Cartograms of specialization of Russia's regions in 2009 and 2018 (the biopharmaceutical cluster)

Так, кластер «Биофармацевтика» в 2018 г. локализируется в следующих субъектах Федерации: городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, Владимирской, Московской, Нижегородской, Туль-

ской, Курской, Пензенской, Курганской, Томской, Кировской, Новосибирской и Калужской областях, республиках Татарстан, Мордовия, Марий Эл. Таким образом, в основном кластер локализуется в Центральном федеральном округе.

В Москве размер кластера биофармацевтики достиг 15,49 % при численности занятых в 18 120 чел., а в Московской области – при численности занятых в 18 070 чел. На территории данных субъектов Федерации расположены такие крупные предприятия по производству лекарственных препаратов, как ООО «КРКА-РУС», АО «Акрихин», ЗАО «Биокад», АО «Валента Фарм» и др. В Северо-Западном федеральном округе наибольший размер кластера приходится на Санкт-Петербург – 9,11 % при занятости в 10 660 чел. На территории города располагаются следующие предприятия: АО «Фармасинтез», ООО «Новартис Нева», ООО «Иммуно-Гем», ООО «Герофарм». С 2010 г. на территории Санкт-Петербурга функционирует кластер медицинской и фармацевтической промышленности, который специализируется в том числе и на проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в фармацевтике и медицине и производстве фармацевтических субстанций и лекарственных средств. Кроме того, в Санкт-Петербурге функционирует особая экономическая зона технико-внедренческого типа, одним из основных направлений развития которой являются фармацевтика и медицинские технологии.

Кроме вышеназванных организаций крупнейшими промышленными предприятиями по производству фармацевтических средств на территории Российской Федерации являются также ОАО «Синтез» (Курганская область), Тульская фармацевтическая фабрика (Тульская область), Нижегородский химико-фармацевтический завод (Нижегородская область), Новосибирская фармацевтическая фабрика (Новосибирская область) и др.

Обсуждение и заключение. В рамках данного исследования рассмотрены основные аспекты использования статистического инструментария в соответствии с методологией, предложенной Европейской кластерной обсерваторией. Применение инструментария позволяет определить, достиг ли изучаемый кластер достаточной «критической массы» для генерации положительных внешних эффектов и связей. В результате исследования рассчитаны показатели «коэффициент локализации», «размер», «фокус» для биофармацевтического кластера в 83 субъектах Российской Федерации в период с 2009 по 2018 г. На основании этих расчетов определены уровень кластерной специализации каждого региона, а также динамика за период с 2009 по 2018 годы. На основании анализа динамики изменения критической массы кластера были выделены три группы регионов: «стабильные», «возрастающие» и «убывающие». Таким образом, применение информационно-аналитических систем является эффективным

инструментом проектирования и анализа статистических данных в целях обоснования управленческих решений региональной кластерной политики, так как позволяет оперативно отслеживать концентрацию занятости в регионах, что в свою очередь может быть применено для оценки результативности реализованных мероприятий в области управления кластерным развитием территории.

Практическая значимость статьи состоит в предложении архитектуры базы данных, которую можно использовать для построения автоматизированной системы идентификации и анализа состояния кластеров в регионах России. Результаты анализа биофармацевтического кластера, представленные в статье, показывают регионы, в которых локализация кластера сокращается, растет и остается стабильной. Эти результаты могут стать основой для разработки региональной кластерной политики. В целом результаты исследования могут быть интересны специалистам в области экономической географии и государственного и муниципального управления.

Планируется в дальнейшем дополнить методику, предложенную Европейской кластерной обсерваторией, и трансформировать ее с целью использования для оценки других показателей развития кластеров. Также планируется дальнейшее расширение функционала разработанной базы данных с целью обеспечения удобного ввода и редактирования информации о занятости населения регионов, выведения автоматизированных отчетов, отражающих динамику развития кластеров в регионах России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Применение суперкомпьютерных технологий для моделирования социально-экономических систем / В. В. Окрепилов, В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин, С. Н. Кузьмина. – DOI 10.17059/2015-2-24 // Экономика региона. – 2015. – № 2. – С. 301–313. – URL: http://www.uiec.ru/zhurnal_yekonomika_regiona/arhiv_nomerov/201/nomer_2_-_2019/ (дата обращения: 25.11.2019).

2. Королев, О. Л. «Большие данные» как фактор изменения процессов принятия решений в экономике / О. Л. Королев, Н. В. Апатова, А. П. Круликовский. – DOI 10.18721/JE.10403 // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2017. – Т. 10, № 4. – С. 31–37. – URL: https://economy.spbstu.ru/article/2017.66.3/ (дата обращения: 25.11.2019).

3. Мангушева, Л. С. Роль информационно-коммуникационных технологий в процессах группового принятия управленческих решений / Л. С. Мангушева, И. Г. Хайрулин // Транспортное дело России. – 2017. – № 1. – С. 42–44. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-v-protsessah-gruppovogo-prinyatiya-upravlencheskih-resheniy (дата обращения: 25.11.2019).

4. Будина, В. И. Ключевое место информационно-коммуникационных технологий в реализации проектов нефтяной компании / В. И. Будина,

О. В. Кежапкина // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 45 (279). – С. 26–36. – URL: https://www.fin-izdat.ru/journal/fa/detail.php?ID=67608 (дата обращения: 25.11.2019).

5. Чертина, Е. В. Информационно-аналитическая система управления региональным кластером аквакультуры и рыбного хозяйства / Е. В. Чертина, И. Ю. Квятковская, Т. В. Хоменко. – DOI 10.24143/2072-9502-2017-2-117-124 // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. – 2017. – № 2. – С. 117–124. – URL: http://www.mathnet.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jrnid=vagtu&paperid=485&option_lang=rus (дата обращения: 25.11.2019).

6. Агафонов, Е. Д. Современные тенденции информатизации и автоматизации нефтегазовой отрасли / Е. Д. Агафонов, Г. В. Ващенко. – DOI: 10.17516/1999-494X-2016-9-8-1340-1348 // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Техника и технологии. – 2016. – № 9 (8). – С. 1340–1348. – URL: http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/30357 (дата обращения: 25.11.2019).

7. Разработка математической модели оценки эффективности инвестиционной стратегии региона / А. В. Медведев, Н. С. Ощепкова, П. Н. Победаш, А. Н. Трусов // Фундаментальные исследования. – 2016. – Т. 1, № 10. – С. 197–202. – URL: http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40809 (дата обращения: 25.11.2019).

8. Агеева, А. Ф. Обзор современных систем поддержки принятия решений, созданных при помощи агентного подхода / А. Ф. Агеева // Электронные информационные системы. – 2018. – № 4. – С. 29–46. – URL: http://www.elins-journal.ru/arhiv.html (дата обращения: 25.11.2019).

9. Манукян, М. М. Потенциал нефтегазового кластера Самарской области / М. М. Манукян // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 7 (38), ч. 3. – С. 67–71. – URL: https://research-journal.org/economical/potencial-neftegazovogo-klastera-samarskoj-oblasti (дата обращения: 20.09.2019).

10. Формирование морского нефтегазового кластера на территории Мурманской области: промышленный потенциал и перспективы развития / Ф. Д. Ларичкин, А. М. Фадеев, А. Е. Череповицын, Н. Н. Щебарова // Арктика общество и экономика. – 2011. – № 6. – С. 9–25. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=17331747 (дата обращения: 20.09.2019).

11. Кудрявцева, Т. Ю. Анализ взаимосвязи между кластерной специализацией и валовым региональным продуктом / Т. Ю. Кудрявцева, А. Е. Схведиани. – DOI 10.18721/JE.11506 // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2018. – Т. 11, № 5. – С. 66–73. – URL: https://economy.spbstu.ru/article/2018.73.6/ (дата обращения: 20.09.2019).

12. Земцов, С. Потенциальные высокотехнологичные кластеры в российских регионах: от текущей политики к новым точкам роста / С. Земцов, В. Баринова, А. Панкратов, Е. Куценко. – DOI: 10.17323/1995-459X.2016.3.34.52 // Форсайт. – 2016. – Т. 10, № 3. – URL: https://foresight-journal.hse.ru/2016-10-3/191162713.html (дата обращения: 20.09.2019).

13. Beaudry, C. Who's Right, Marshall or Jacobs? The Localization Versus Urbanization Debate / C. Beaudry, A. Schiffauerova. – DOI 10.1016/j.respol.2008.11.010 //

Research Policy. – 2009. – Vol. 38, issue 2. – Pp. 318–337. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0048733308002801?via%3Dihub (дата обращения: 20.09.2019).

14. Delgado, M. Defining Clusters of Related Industries / M. Delgado, M. E. Porter, S. Stern. – DOI 10.1093/jeg/lbv017 // Journal of Economic Geography. – 2015. – Vol. 16, issue 1. – Pp. 1–38. – URL: https://academic.oup.com/joeg/article/16/1/1/2413044 (дата обращения: 20.09.2019).

15. Porter, M. E. Clusters and Competitiveness: Findings from the Cluster Mapping Project / M. E. Porter. – Cambridge, 2001. – URL: https://www.academia.edu/2917861/Clusters_and_competitiveness_findings_from_the_cluster_mapping_project (дата обращения: 24.11.2019).

16. Looijen, A. European Agricultural Clusters: How can European Agricultural Clusters be Measured and Identified? / A. Looijen, W. Heijman, D. Cvijanovic. – DOI 10.22004/ag.econ.152812 // Economics of Agriculture. – 2013. – Vol. 60, issue 2. – Pp. 337–357. – URL: https://ageconsearch.umn.edu/record/152812 (дата обращения: 20.11.2019).

17. Lindqvist, G. Disentangling Clusters Agglomeration and Proximity Effects / G. Lindqvist. – Elanders : Vällingby, 2009. – 308 p. – URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Disentangling-clusters-%3A-agglomeration-and-effects-Lindqvist/a0eb84a7076646fda3c704b0a359bf860e6a087a (дата обращения: 20.11.2019).

18. Delgado, M. Clusters, Convergence, and Economic Performance / M. Delgado, M. E. Porter, S. Stern. – DOI: 10.1016/j.respol.2014.05.007 // Research Policy. – 2014. – Vol. 43, no. 10. – Pp. 1785–1799. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0048733314001048?via%3Dihub (дата обращения: 20.11.2019).

19. Хухрин, А. С. Концепция кластерной политики в сельском хозяйстве Российской Федерации / А. С. Хухрин // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2011. – № 6. – С. 53–59. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=16404526 (дата обращения: 20.11.2019).

20. Вертакова, Ю. В. Формирование и развитие промышленных кластеров / Ю. В. Вертакова, Ю. С. Положенцева, М. Ю. Хлынин // Технико-технологические проблемы сервиса. – 2014. – № 1 (27). – С. 92–99. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-promyshlennyh-klasterov (дата обращения: 20.11.2019).

21. Марков, Л. С. Федеральная и региональная кластерная политика России / Л. С. Марков, В. Б. Курмашев, А. Ю. Низковский. – DOI 10.25205/2542-0429-2017-17-4-107-121 // Мир экономики и управления. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 107–120. – URL: https://nsu.ru/ef/vestnik_ngu_ef/2017_4_8 (дата обращения: 20.11.2019).

22. Куценко, Е. Пилотные инновационные территориальные кластеры России: модель устойчивого развития / Е. Куценко. – DOI 10.17323/1995-459X.2015.1.32.55 // Форсайт. – 2015. – Т. 9, № 1. – С. 32–55. – URL: https://foresight-journal.hse.ru/en/2015-9-1/146975221.html (дата обращения: 20.11.2019).

23. Falcioğlu, P. Regional Specialization and Industrial Concentration Patterns in the Turkish Manufacturing Industry: An Assessment for the 1980–2000 Period / P. Falcioğlu, S. Akgüngör. – DOI: 10.1080/09654310701814678 // European Planning

Studies. – 2008. – Vol. 16, issue 2. – Pp. 303–323. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09654310701814678 (дата обращения: 20.11.2019).

24. Isaksen, A. From Success to Failure, the Disappearance of Clusters: A Study of a Norwegian Boat-Building Cluster / A. Isaksen. – DOI: 10.1093/cjres/rsy007 // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2018. – Vol. 11, issue 2. – Pp. 241–255. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09654310701814678 (дата обращения: 20.11.2019).

25. Brachert, M. Identifying Industrial Clusters from a Multidimensional Perspective: Methodical Aspects with an Application to Germany. – DOI: 10.1111/j.1435-5957.2011.00356.x / M. Brachert, M. Titze, A. Kubis // Papers in Regional Science. – 2011. – Vol. 90, issue 2. – Pp. 419–439. – URL: https://rsaiconnect.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1435-5957.2011.00356.x (дата обращения: 20.11.2019).

26. Bishop, P. Determinants of Call Centre Location: Some Evidence for UK Urban Areas / P. Bishop, P. Gripaios, G. Bristow. – DOI 10.1080%2F0042098032000146876 // Urban Studies. – 2003. – Vol. 40, issue 13. – Pp. 2751–2768. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1080/0042098032000146876 (дата обращения: 20.11.2019).

27. Sölvell, Ö. The Cluster Initiative Greenbook / Ö. Sölvell, G. Lindqvist, C. Ketels. – Stockholm : Ivory Tower, 2003. – 92 p. – URL: https://www.enterprise-development.org/wp-content/uploads/ClusterInitiativeGreenbook.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

28. Feser, E. J. National Industry Cluster Templates: A Framework for Applied Regional Cluster Analysis / E. J. Feser, E. M. Bergman. – DOI 10.1080/00343400050005844 // Regional Studies. – 2000. – Vol. 34, issue 1. – Pp. 1–19. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00343400050005844 (дата обращения: 20.11.2019).

29. Марков, Л. С. Выявление эталонных кластеров: методические вопросы и практическое приложение к отечественной промышленности / Л. С. Марков, В. М. Маркова // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. – 2012. – Т. 12, № 1. – С. 95–108. – URL: https://nsu.ru/ef/vestnik_ngu_ef/2012_1_10 (дата обращения: 24.11.2019).

Поступила 16.11.2019; принята к публикации 25.12.2019; опубликована онлайн 31.03.2020.

Об авторах:

Кудрявцева Татьяна Юрьевна, заведующий научной лабораторией «Экономика и управление инновациями», руководитель направления «Экономика», доцент Высшей инженерно-экономической школы ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» (195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29), доктор экономических наук, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1403-3447, Scopus ID: 56023272600, Researcher ID: S-8637-2017, kudryavtseva_tyu@spbstu.ru

Схведиани Анги Ерастиевич, аспирант Высшей инженерно-экономической школы ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» (195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7171-7357, Scopus ID: 57194696524, Researcher ID: S-8668-2017, shvediani_ae@spbstu.ru

Заявленный вклад соавторов:

Кудрявцева Татьяна Юрьевна – научное руководство; постановка задачи; определение методологии исследования; критический анализ и доработка решения; компьютерная реализация решения задачи.

Схведиани Анги Ерастиевич – анализ теоретических и практических материалов по теме исследования; анализ научных источников по теме исследования; критический анализ и доработка текста; компьютерная реализация решения задачи.

Для цитирования:

Кудрявцева, Т. Ю. Исследование региональных кластеров с использованием информационно-аналитических систем (на примере биофармацевтического кластера) / Т. Ю. Кудрявцева, А. Е. Схведиани. – DOI 10.15507/2413-1407.110.028.202001.048-079 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 48–79.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Okrepilov V.V., Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Kuzmina S.N. Application of Supercomputer Technologies for Simulation of Socio-Economic Systems. *Ehkonomika regiona* = Economy of Region. 2015; (2):301-313. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.17059/2015-2-24

2. Korolev O.L., Apatova N.V., Krulikovskiy A.P. “Big Data” as a Factor in the Change of Decision-Making Processes in the Economy. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ehkonomicheskie nauki* = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2017; 10(4):31-37. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.18721/JE.10403

3. Mangusheva L.S., Khayrulin I.G. The Role of Information and Communication Technologies in Group Based Decision-Making. *Transportnoe delo Rossii* = Transport Business in Russia. 2017; (1):42-44. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-v-protsessah-gruppovogo-prinyatiya-upravlencheskih-resheniy (accessed 25.11.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

4. Budina V.I., Kezhapkina O.V. The Key Position of Information and Communication Technologies as Part of the Oil Company’s Projects. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* = Financial Analytics: Science and Experience. 2015; (45):26-36. Available at: https://www.fin-izdat.ru/journal/fa/detail.php?ID=67608 (accessed 25.11.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

5. Chertina E.V., Kvyatkovskaya I.Yu., Khomenko T.V. Information and Analytical System of a Regional Cluster Management of Aquaculture and Fishery. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitelnaya tekhnika i informatika* = Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Management, Computer Science and Informatics. 2017; (2):117-124. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.24143/2072-9502-2017-2-117-124

6. Agafonov E.D., Vashchenko G.V. Modern Trends in Informatization and Automation of Oil and Gas Industry. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Seriya: Tekhnika i tekhnologii* = Journal of Siberian Federal University. Engineering & Technologies. 2016; (9):1340-1348. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.17516/1999-494X-2016-9-8-1340-1348

7. Medvedev A.V., Oshchepkova N.S., Pobedash P.N., Trusov A.N. Development of Mathematical Model for Evaluating of Region's Investment Strategy Effectiveness *Fundamentalnye issledovaniya* = Fundamental Research. 2016; 1(10):197-202. Available at: http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40809 (accessed 25.11.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

8. Ageeva A.F. Decision Support Systems Created with the Agent Approach: A Review. *Ehlektronnye informatsionnye sistemy* = Electronic Information Systems. 2018; (4):29-46. Available at: http://www.elins-journal.ru/arhiv.html (accessed 25.11.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

9. Manukyan M.M. Potential Oil and Gas Cluster of the Samara Region. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatelskij zhurnal* = International Research Journal. 2015; (7-3):67-71. Available at: https://research-journal.org/economical/potencial-neftegazovogo-klastera-samarskoj-oblasti (accessed 20.09.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

10. Larichkin F.D., Fadeev A.M., Cherepovitsyn A.E., Shchebarova N.N. [Formation of an Offshore Oil and Gas Cluster in the Murmansk Region: The Industrial Potential and Development Prospects]. *Arktika: obshhestvo i ehkonomika* = Arctic Region: Society and Economy. 2011; (6):9-25. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=17331747 (accessed 20.09.2019). (In Russ.)

11. Kudryavtseva T.Yu., Skhvediani A.E. Analysis of the Relationship between Cluster Specialization and Gross Regional Product. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ehkonomicheskie nauki* = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2018; 11(5):66-73. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.18721/JE.11506

12. Zemtsov S., Barinova V., Pankratov A., Kutsenko A. Potential High-Tech Clusters in Russian Regions: From Current Policy to New Growth Areas. *Forsajt* = Foresight. 2016; 10(3). (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.17323/1995-459X.2016.3.34.52

13. Beaudry C., Schiffauerova A. Who's Right, Marshall or Jacobs? The Localization Versus Urbanization Debate. *Research Policy*. 2009; 38(2):318-337. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1016/j.respol.2008.11.010

14. Delgado M., Porter M.E., Stern S. Defining Clusters of Related Industries. *Journal of Economic Geography*. 2015; 16(1):1-38. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1093/jeg/lbv017

15. Porter M.E. Clusters and Competitiveness: Findings from the Cluster Mapping Project. Cambridge; 2001. Available at: https://www.academia.edu/2917861/Clusters_and_competitiveness_findings_from_the_cluster_mapping_project (accessed 24.11.2019). (In Eng.)

16. Looijen A., Heijman W., Cvijanovic D. European Agricultural Clusters: How can European Agricultural Clusters be Measured and Identified? *Economics*

of Agriculture. 2013; 60(2):337-357. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.22004/ag.econ.152812

17. Lindqvist G. Disentangling Clusters Agglomeration and Proximity Effects. Elanders: Vällingby; 2009. Available at: https://www.semanticscholar.org/paper/Disentangling-clusters-%3A-agglomeration-and-effects-Lindqvist/a0eb84a7076646fda3c704b0a359bf860e6a087a (accessed 20.11.2019). (In Eng.)

18. Delgado M., Porter M.E., Stern S. Clusters, Convergence, and Economic Performance. *Research Policy*. 2014; 43(10):1785-1799. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1016/j.respol.2014.05.007

19. Khukhrin A.S. Cluster Policy Conception in Agriculture of Russian Federation. *Ehkonomika selskokhozyajstvennykh i pererabatyvayushhikh predpriyatij* = Economy of Agricultural and Processing Enterprises. 2011; (6):53-59. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=16404526 (accessed 20.11.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Vertakova Yu.V., Polozhentseva Yu.S., Khlynin M.Yu. Formation and Development of Industrial Clusters. *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa* = Technical and Technological Issues of Service. 2014; (1):92-99. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-promyshlennyh-klasterov (accessed 20.11.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Markov L.S., Kurmashev V.B., Nizkovskiy A.Yu. Federal and Regional Cluster Policy of the Russian Federation. *Mir ehkonomiki i upravleniya* = World of Economics and Management. 2017; 17(4):107-120. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-4-107-121

22. Kutsenko E. [Pilot Innovative Territorial Clusters of Russia: A Sustainable Development Model]. *Forsajt* = Foresight. 2015; 9(1):32-55. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.17323/1995-459X.2015.1.32.55

23. Falcioğlu P., Akgüngör S. Regional Specialization and Industrial Concentration Patterns in the Turkish Manufacturing Industry: An Assessment for the 1980–2000 Period. *European Planning Studies*. 2008; 16(2):303-323. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080/09654310701814678

24. Isaksen A. From Success to Failure, the Disappearance of Clusters: A Study of a Norwegian Boat-Building Cluster. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2018; 11(2):241-255. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1093/cjres/rsy007

25. Brachert M., Titze M., Kubis A. Identifying Industrial Clusters from a Multidimensional Perspective: Methodical Aspects with an Application to Germany. *Papers in Regional Science*. 2011; 90(2):419-439. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2011.00356.x

26. Bishop P., Gripaios P., Bristow G. Determinants of Call Centre Location: Some Evidence for UK Urban Areas. *Urban Studies*. 2003; 40(13):2751-2768. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080%2F0042098032000146876

27. Sölvell Ö., Lindqvist G., Ketels C. The Cluster Initiative Greenbook. Stockholm: Ivory Tower; 2003. Available at: https://www.enterprise-development.org/wp-content/uploads/ClusterInitiativeGreenbook.pdf (accessed 20.11.2019). (In Eng.)

28. Feser E.J., Bergman E.M. National Industry Cluster Templates: A Framework for Applied Regional Cluster Analysis. *Regional Studies*. 2000; 34(1):1-19. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080/00343400050005844

29. Markov L.S., Markova V.M. Revealing Reference Clusters: Methodical Questions and the Practical Application to the Domestic Industry. *Vestnik NGU. Seriya: Sotsialno-ehkonomicheskie nauki* = Bulletin of NSU. Series: Social and Economic Sciences. 2012; 12(1):95-108. Available at: https://nsu.ru/ef/vestnik_ngu_ef/2012_1_10 (accessed 24.11.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 16.11.2019; accepted for publication 25.12.2019; published online 31.03.2020.

About the authors:

Tatiana Yu. Kudryavtseva, Head, 'Economics and Management of Innovations' Scientific Laboratory, Associate Professor, Graduate School of Industrial Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Polytechnicheskaya St., St. Petersburg 195251, Russia), Dr. Sci. (Economics), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1403-3447, Scopus ID: 56023272600, Researcher ID: S-8637-2017, kudryavtseva_tyu@spbstu.ru

Angi E. Skhvediani, Postgraduate, Graduate School of Industrial Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Polytechnicheskaya St., St. Petersburg 195251, Russia), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7171-7357, Scopus ID: 57194696524, Researcher ID: S-8668-2017, shvediani_ae@spbstu.ru

Contribution of the authors:

Tatiana Yu. Kudryavtseva – scientific supervision; statement of the problem; choice of research methodology; critical analysis and refinement of the solution; computer implementation of the solution to the problem.

Angi E. Skhvediani – analysis of scientific sources, theoretical and practical materials on the research topic; critical analysis and revision of the text; computer implementation of the solution to the problem.

For citation:

Kudryavtseva T.Yu., Skhvediani A.E. Studying Regional Clusters with the Use of Data Processing Systems: The Case of the Biopharmaceutical Cluster. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(1):48-79. DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.048-079

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 338.43:639.2(571.64)
DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.080-110
http://regionsar.ru
ISSN 2587-8549 (Print)
ISSN 2413-1407 (Online)

Основные тенденции развития производства и потребления рыбной продукции в Сахалинской области

Д. А. Питиляк* **И. Е. Карякина** **Д. А. Захарченко**

ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет»
(г. Южно-Сахалинск, Россия),
**di-pitilyak@mail.ru*

Введение. Актуальность исследования определяется снижением объемов улова в Сахалинской области на протяжении ряда последних лет, которое необходимо оценить с точки зрения его влияния на экономические показатели предприятий и бюджеты домохозяйств региона. Цель статьи – анализ и оценка тенденций развития производства и потребления рыбной продукции в Сахалинской области.
Материалы и методы. В исследовании использованы данные Федеральной службы государственной статистики и Единой межведомственной информационно-статистической системы о производстве и потреблении рыбной продукции в Сахалинской области. Применялись графический и сравнительный методы, которые позволили сопоставить динамику выпуска и потребления рыбной продукции и показать, что перенос производственных тенденций на потребительский рынок имеет непропорционально малое влияние.
Результаты исследования. Обнаружены противоречивые результаты развития отрасли: при снижении количества действующих в отрасли организаций, численности занятого переработкой персонала, объемов производства и продаж рыбных консервов наблюдается рост рентабельности продаж и цен на деликатесные виды морепродуктов. Негативным фактом является то, что в Сахалинской области сокращается объем потребления рыбной продукции, которая в общем рационе питания находится лишь на 7 месте (по массе). Выявленные диспропорции и негативные тенденции в производстве рыбной продукции также косвенно переносятся в сферу потребления.

© Питиляк Д. А., Карякина И. Е., Захарченко Д. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. В Сахалинской области как одном из ведущих регионов России по рыбодобыче не в полной мере создаются условия для удовлетворения соответствующего спроса, особенно с точки зрения формирования на рынке доступных цен на продукцию рыбной промышленности, но они не перекрывают инерцию медленно растущих доходов. Научно-практическая значимость материалов исследования состоит в комплексности исследования процессов производства и потребления рыбной продукции.

Ключевые слова: рыбопереработка, пищевая промышленность, торговля продовольственными товарами, внешняя торговля, потребление рыбной продукции, региональная экономика, Сахалинская область

The Main Trends in the Development of Production and Consumption of Fish Products in the Sakhalin Region

D. A. Pitilyak*, I. E. Karyakina, D. A. Zakharchenko
Sakhalin State University (*Yuzhno-Sakhalinsk, Russia*),
* *di-pitilyak@mail.ru*

Introduction. The study is of relevance as there has been a decrease in catch over the past few years in the Sakhalin Region. This decline must be assessed in terms of its impact on the economic performance of enterprises and household budgets in the region. The objective of this study is to analyze and evaluate the trends in the development of production and consumption of fish products in the Sakhalin Region.
Materials and Methods. The study has analyzed data from the Federal State Statistics Service and the Unified Interdepartmental Statistical Information System on the production and consumption of fish products in the Sakhalin Region. The graphical and comparative methods have been used, which made it possible to compare the dynamics of production and consumption of fish products as well as to show that the transfer of production trends to the consumer market has a disproportionately marginal impact.
Results. The contradictory results of the development of the industry have been revealed: while there has been a decrease in the number of organizations operating in the industry, the number of personnel involved in processing, the volume of production and sales of canned fish, there has been an increase in the profitability of sales and prices for delicious seafood. The negative fact is that consumption of fish products has reduced in the Sakhalin Region, fish products ranking only 7th (by mass) in the total diet. The identified imbalances and negative trends in the production of fish products have also indirectly transferred to the sphere of consumption.
Discussion and Conclusion. In the Sakhalin Region, one of the leading fishing regions in Russia, the conditions for satisfying the corresponding demand have not been fully created, especially in terms of affordable prices for fish products in the market that do not overcome the inertia of slowly growing incomes. The scientific and practical significance of the research materials consists in the comprehensive nature of the study on the processes of production and consumption of fish products.

Keywords: fish processing, food industry, food trade, foreign trade, consumption of fish products, regional economy, Sakhalin Region

Введение. С 2010 г. в Сахалинской области наблюдается негативная тенденция снижения улова лососевых – одного из основных продуктов межрегиональной специализации экономики. В центре внимания стоит проблема отрицательной динамики потребления рыбных продуктов, несмотря на увеличение предприятиями рыбной промышленности выпуска продукции, а также стимулирование развития производства посредством инвестирования в основной капитал, направленное на развитие рыбной отрасли. В исследовании рассматривается, какие трансформации в рыболовстве, рыбоперерабатывающей промышленности и в потребительском поведении домохозяйств, происходящие в Сахалинской области в условиях сокращения сырьевой базы, нашли свое отражение в динамике экономических показателей: действительно ли наблюдается общий спад отрасли или она сохраняет основные параметры функционирования, сократившись в масштабе.

Актуальность исследования определяется тем, что рыбная промышленность в Сахалинской области является одним из элементов системы обеспечения региональной продовольственной безопасности, следовательно, вклад отрасли в поставку качественных и полезных продуктов питания с социальной точки зрения не должен подвергаться действию ухудшающих факторов. Необходимо определить, привели ли снизившиеся уловы к переформированию приоритетов в поставках: 1) удовлетворение потребностей населения в доступных рыбопродуктах; 2) поставки в другие регионы и за рубеж.

В научно-практическом плане исследование направлено на выявление того, в какой мере тенденции снижения натуральных показателей вылова отразились на динамике экономических индикаторов развития отрасли. Основными потенциальными траекториями экономической динамики могут быть названы: 1) упадок вследствие сокращения сырьевой базы; 2) некоторое сворачивание объемов деятельности при неснижении показателей эффективности (в силу следующих причин: уход неэффективных игроков с рынка, влияние роста поставок на рыбоперерабатывающие предприятия из теневой части рыболовной экономической деятельности, опережающий рост цен на продукцию по сравнению с изменением продаж в натуральном выражении, переориентация на другие виды сырья). Для Сахалинской области более подходящим объяснением пути развития отрасли является вторая траектория, поскольку системного тотального ухудшения в показателях не наблюдается. При этом если в научных источниках обычно указывается на наличие связи между производством доступной рыбопродукции и объемами ее потребления, то в Сахалинской области потребление рыбы в значительно превалирующей мере объясняется факторами спроса (прежде всего доходами населения), а не предложения (ценой продукции).

Цель статьи – на основе проведенного анализа развития предприятий рыбной отрасли в Сахалинской области выявить взаимосвязи процессов производства и потребления продукции, определить, могут ли качественные изменения в одной сфере переноситься в другую. Обнаруженные особенности необходимы для формулирования основных предложений по преодолению воздействия негативных факторов.

Обзор литературы. Мировая наука, занимающаяся проблемами экономики рыбной промышленности, представлена рядом направлений: это исследование потенциала и условий роста вылова морепродуктов, экономические причины необходимости поддержания биоразнообразия сырьевой базы, повышение эффективности рыбодобычи и переработки, экономические условия роста потребления рыбопродуктов. В ежегодных и региональных докладах наиболее авторитетной в исследуемой сфере Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO) указывается, что наиболее перспективным с точки зрения рентабельности становится не океанический, а прибрежный лов рыбы, подкрепленный функционированием соответствующего рыбохозяйства (аквакультура)[1]. Для развивающихся стран решительным фактором сохранения биоразнообразия является не экономическое (налоги и государственная поддержка), а административное регулирование отрасли государством (рациональное распределение квот и борьба с браконьерством), поскольку развитые страны предъявляют значительный платежеспособный спрос на рыбопродукцию[2].

Канадские исследователи называют глобальное изменение климата и увеличение выбросов углекислого газа основными факторами, негативно влияющими на долгосрочные (до 2050 г.) прогнозные объемы вылова в мировом океане. Также они указывают на угрозу замедления темпов роста выручки рыболовных предприятий из-за вынужденной переориентации на менее ценные биоресурсы в будущем по причине некоторого истощения запасов наиболее маржинальных видов [1].

Проблема риска нежелательного изменения дохода рыбодобывающих предприятий, по мнению С. Касперски и Д. Холланда, исследовавших результаты работы предприятий Аляски, характерна для многих специализирующихся на вылове лососей экономических агентов [2]. По их мнению, только существенная диверсификация (не более 50 % ожидае-

[1] FAO. The State of World Fisheries and Aquaculture 2018. Meeting the Sustainable Development Goals. Rome, 2018. 210 p. URL: http://www.fao.org/3/i9540en/i9540en.pdf; Tietze U., et al. Economic Performance and Fishing Efficiency of Marine Capture Fisheries. FAO Fisheries Technical Paper. № 482. Rome, 2005. 68 p. URL: http://www.fao.org/tempref/docrep/fao/008/y6982e/y6982e01.pdf (дата обращения: 21.06.2019).

[2] FAO Fisheries and Aquaculture Technical Paper. № 646. Rome, 2019. 68 p. URL: http://www.faoeastmed.org/pdf/646_ca3220en.pdf (дата обращения: 21.06.2019).

мого вылова должно приходиться на виды специализации) способна эффективно снижать вариацию дохода не менее чем на 35 %.

В отношении потребления зарубежные авторы делают акцент не только на количестве приобретаемой рыбопродукции и преимуществах включения ее в рацион, но и на рисках, связанных с сопутствующим поступлением загрязняющих веществ в организм: прежде всего соединений ртути, которые накапливаются в течение жизни относительно более крупной и долгоживущей рыбы) [3], и полихлорированных бифенилов (ПХД), которые обнаруживаются у рыб, обитающих в загрязненных водах и в некоторых рыбных хозяйствах [4]. Для развитых стран мира в целом характерна тенденция все большего увеличения потребления рыбы и морепродуктов, которое не перекрывается соответствующим ростом внутреннего производства: лишь отчасти с этой проблемой помогает справляться поступательное развитие аквакультуры [5].

Экономика рыбного производства и потребления является популярной темой научных статей. Многие авторы делают акцент на важности развития рыбного хозяйства, его проблемах и путях их решения. Так, Е. М. Вотинова и М. В. Вотинов считают, что «рыбная отрасль оказывает существенное влияние на экономику страны, являясь, с одной стороны, источником продуктов питания, а с другой – источником элементной базы для косметической, фармакологической и химической промышленности» [6, с. 50]. Рыболовство и аквакультура в России в настоящее время образуют потенциал укрепления как продовольственной (потребление рыбопродукции положительно влияет на продолжительность жизни человека) [7, с. 2–4], так и экономической региональной безопасности [8, с. 79]. Развитие рыбохозяйственного комплекса также подразумевает совершенствование функционирования судостроения, транспорта, тарного хозяйства, торговли [9, с. 35].

Некоторые ученые исследуют положение отрасли непосредственно в Дальневосточном регионе. Е. С. Чупикова и Т. В. Кузнецова делают вывод, что «для Дальнего Востока, на рыбопромышленный комплекс которого приходится наибольший удельный вес по вылову рыбы и выпуску рыбной продукции в России, рыбная отрасль является одной из приоритетных отраслей развития» [10, с. 55]. Н. Н. Рагозина полагает, что развитие рыбной отрасли в Дальневосточном регионе обусловлено не только наличием сырьевой базы, но и существованием многочисленных прибрежных бухт с хорошей экологией и чистой водой, с одной стороны, и свободных трудовых ресурсов – с другой [11, с. 107]. По мнению Т. Г. Голышевой, «рыбная отрасль имеет главенствующее значение в обеспечении устойчивого социально-экономического развития страны, существенно влияет на занятость и закрепление населения», а также является основной экспортно-ориентированной отраслью Дальнего Востока [12, с. 30].

С. А. Доронин выделяет основную проблему рыбной отрасли: для многих россиян рыба остается недоступным продуктом, и исправить сложившуюся ситуацию может государственная поддержка отрасли [13, с. 38]. Т. А. Аванесова выделяет другую важную проблему – моральный и физический износ основных производственных фондов. Улучшить положение, по мнению автора, способно привлечение дополнительных финансовых ресурсов путем реализации инвестиционных проектов[3]. Л. Н. Симачева наряду с существенными рисками экономического характера в числе ограничивающего фактора для развития рыбной промышленности обозначает субъективный подход к управлению отраслью [14, с. 320].

Как отмечает Л. Х. Назарова, определяющим фактором экономического роста Сахалинской области в данный момент и по прогнозам на ближайшие годы будет являться именно становление рыбопромышленного комплекса, что обусловлено уникальным географическим положением региона [15, с. 144].

Проведенный анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что разница в подходах отечественных и зарубежных ученых объясняется разным уровнем развития соответствующих стран: российские исследователи в основном нацелены на поиск путей преодоления отставания в производственной и сырьевой базе, а иностранные – на преодоление текущих и перспективных финансовых проблем рыболовных предприятий.

Материалы и методы. Объектом исследования в данной статье является рыбная отрасль. Предметом исследования выступает анализ производства и потребления рыбной продукции в Сахалинской области и за ее пределами. Период исследования – 2010–2018 гг.

Статистические данные Росстата и Агентства по рыболовству Сахалинской области послужили информационной базой исследования процессов производства и потребления рыбной продукции в регионе. Данные о развитии рыбохозяйственного комплекса Сахалинской области взяты из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). На основе указанных материалов были проанализированы динамика улова и добычи водных биологических ресурсов, количество организаций, занимающихся добычей и переработкой рыбы и иных водных биоресурсов, объемы переработки, доля рыбной продукции в экспорте, уровень потребления рыбы и водных биоресурсов и др.

Основной метод исследования сводился к комплексной оценке развития рыболовства и сравнению наблюдаемых тенденций с изменениями в потреблении населением региона. Также в ходе исследования ис-

[3] Аванесова Т. А., Аванесов Т. И., Кочарян Ю. Г. Особенности инвестирования в рыбную отрасль // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами: материалы конф. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамчатГТУ, 2017. С. 115.

пользовались метод парных сравнений, графический, количественный, индексный методы. Применяемый набор методов позволил определить, что производители рыбной продукции в Сахалинской области активно переносят на конечного потребителя объективные последствия сокращения рыночного предложения, ведущие к росту цен. Наблюдается снижение общей эффективности отрасли.

Результаты исследования. Рыбодобывающая отрасль – одна из главных отраслей экономики Сахалинской области. Ее доля в объеме промышленного производства на 2018 г. составляет 3,4 %[4]. В Дальневосточном рыбохозяйственном бассейне Сахалинская область занимает первое место по потенциалу береговых перерабатывающих производств (3 млн т в год), третье место – по объемам вылова водных биологических ресурсов (более 26 %) и переработке, консервированию продукции[5].

Сахалинская область является одним из ведущих регионов, определяющих стратегию развития российского рыбохозяйственного комплекса, который включает в себя прогнозирование, рыбодобычу, рыбопереработку, охрану, воспроизводство рыбных ресурсов и организацию торговли рыбной продукцией. Основными объектами промысла традиционно являются минтай, треска, сельдь, камбала, навага, терпуг, сайра, тихоокеанские лососи, крабы и кальмар.

Рыбохозяйственный комплекс имеет экономическую и социальную значимость для региона, что определяется его участием в обеспечении занятости населения. По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Сахалинской области, в 2018 г. среднесписочная численность работников, занятых в рыболовстве и рыбоводстве, составила 8 332 чел.[6].

Стратегические направления развития отрасли:

– создание условий для повышения эффективности используемых водно-биологических ресурсов на основе модернизации имеющихся производственных мощностей флота с привлечением инновационных технологий и инвестиций;

– переработка рыбы для внутреннего рынка при условии снижения логистических издержек и привлечения рабочей силы в отрасль;

– рост инвестиций в добычу и первичную переработку рыбных ресурсов;

– модернизация имеющейся береговой инфраструктуры;

---

[4] Официальный сайт Агентства по рыболовству Сахалинской области [Электронный ресурс]. URL: http://fish.admsakhalin.ru (дата обращения: 21.06.2019).

[5] Официальный сайт Правительства Сахалинской области [Электронный ресурс]. URL: http://sakhalin.gov.ru (дата обращения: 20.06.2019).

[6] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

– развитие воспроизводства тихоокеанских лососей за счет строительства лососевых рыборазводных заводов [16, с. 31].

Несмотря на положительные тенденции в рыбохозяйственном комплексе Сахалинской области, в отрасли существует ряд угроз. К внешним угрозам можно отнести удорожание топливно-энергетических ресурсов, нестабильную конъюнктуру мировых цен на рыбные товары и обострение конкуренции за право добычи рыбы и морепродуктов [6, с. 54]. Внутренними угрозами развития рыбохозяйственного комплекса являются высокий уровень физического износа и морального старения рыбопромыслового флота, сохраняющийся незаконный промысел водных биоресурсов и истощение природной базы воспроизводства водно-биологических ресурсов [17, с. 5–7].

Кроме того, одной из ключевых проблем развития рыбной отрасли является ориентация преимущественно на зарубежного покупателя, что обусловливает довольно высокие цены на рыбную продукцию на внутреннем рынке.

Для решения проблем, препятствующих развитию рыбной отрасли в Сахалинской области, разработана система программных мероприятий, одним из которых является долгосрочная целевая государственная программа «Развитие рыбохозяйственного комплекса Сахалинской области на 2014–2020 годы»[7]. Мероприятия программы, как ожидается, позволят сконцентрировать финансовые ресурсы на решении самых важных задач в целях развития рыбохозяйственной деятельности в регионе. Основные цели программы предполагают реализацию ряда мероприятий по следующим направлениям:

– создание условий для повышения качества жизни на территориях муниципальных образований;

– более полное освоение недоиспользуемых промысловых запасов;

– повышение конкурентоспособности рыботоваров, производимых в Сахалинской области;

– повышение инвестиционной привлекательности отрасли;

– стимулирование создания высокопроизводительных рабочих мест.

Реализация программы будет способствовать формированию условий для развития рыбохозяйственного комплекса Сахалинской области, а именно:

– развитию искусственного воспроизводства водных биологических ресурсов, аква- и марикультуры;

---

[7] Об утверждении государственной программы «Развитие рыбохозяйственного комплекса Сахалинской области на 2014–2020 годы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Сахалинской области от 26.06.2013 № 325. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– модернизации рыбоперерабатывающего сектора и увеличению степени и качества переработки гидробионтов;

– приведению стандартов качества рыбной продукции в соответствие со стандартами международной практики;

– наращиванию экспорта конкурентоспособной рыбной продукции;

– развитию инновационного потенциала рыбного хозяйства;

– активизации международного сотрудничества в области рыболовства.

Для оценки реализации программы используются целевые индикаторы и показатели (табл. 1).

Таблица 1. **Целевые индикаторы государственной программы и их количественные значения к 2020 г.**

Table 1. **Target indicators of the State Program and their quantitative values by 2020**

Целевые индикаторы / Target indicators	Ожидаемое количественное значение индикаторов к 2020 г. / The expected quantitative value of the indicators by 2020	Фактическое количественное значение индикаторов в конце 2018 г. / The actual quantitative value of the indicators at the end of 2018
1	2	3
Протяженность очищенных побережий и акваторий рек и озер, км / Length of the cleaned up river and lake banks and water areas, km	7,2	7,2
Площадь восстановленных лесов, га / Area of restored forests, ha	60,0	0
Объем добычи водных биологических ресурсов, тыс. т / Volume of aquatic biological resources extraction, thousand tons	715,0	672,3
Производство рыбы и продуктов рыбных переработанных и консервированных, тыс. т / Production of fish and processed and canned fish products, thousand tons	530,0	491,7
Производственная мощность рыбоводных предприятий по выпуску молоди водных биологических ресурсов, млн шт. / Production capacity of hatcheries producing juvenile aquatic biological resources, million pieces	1 494,0	1 198,1

Окончание табл. 1 / End of table 1

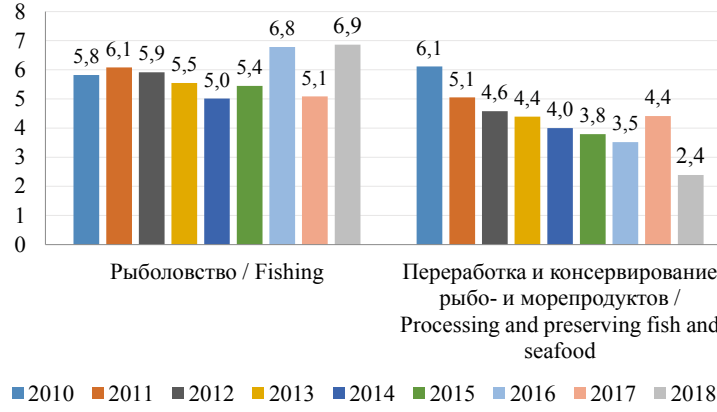
1	2	3
Количество хозяйств аквакультуры, ед. / Number of aquaculture farms, units	52,0	50,0
Количество работающих в рыбной отрасли, тыс. чел. / Number of employees in the fishing industry, thousand people	12,8	9,6
Поступление налогов от предприятий рыбохозяйственного комплекса, млн руб. / Tax revenues from the fisheries enterprises, million rubles	3 550,0	3 769,1
Экспортные поставки рыбы, рыбопродуктов и морепродуктов, тыс. т / Exports of fish, fish products and seafood, thousand tons	350,0	320,8
Производительность труда, тыс. руб. на 1 работника / Labor productivity, thousand rubles per 1 employee	7 680,0	7 586,2
Количество хозяйствующих субъектов участников проекта «Региональный продукт “Доступная рыба”», ед. / Number of economic entities participating in the “Regional Product Affordable Fish’” project, units	100,0	69,0

На конец 2018 г. ход исполнения программы в целом характеризовался положительно. Однако некоторые факторы оказали влияние на снижение фактических значений индикаторов: 1) уменьшение объемов добычи водных биологических ресурсов (в основном по позициям вылова минтая и сельди) произошло в связи с перерегистрацией ООО «Росрыболовство», ЗАО «Сахалин Лизинг флот», ООО «Магеллан» в другие субъекты Российской Федерации; 2) снижение объемов вылова лососевых в регионе привело к сокращению производства консервов; 3) снижение значения индикатора «производственная мощность лососевых рыбоводных заводов» произошло в 2016–2017 гг. по причине корректировки данных Сахалино-Курильского территориального управления Росрыболовства; 4) по пункту «Региональный продукт “Доступная рыба”» произошло уточнение концепции проекта в связи с непринятием законодательных поправок по 6-мильной (от берега) зоне ведения вылова рыбы.

На реализацию мероприятий государственной программы «Развитие рыбохозяйственного комплекса Сахалинской области на 2014–2020 годы»

предназначено 3 561 604,4 тыс. рублей. Из них основную часть (более 67,6 %) составляют средства частных инвесторов, оставшиеся 32,4 % приходятся на средства из федерального и областного бюджетов. Государственная поддержка предприятий рыбохозяйственного комплекса играет важную роль в их развитии, поскольку подразумевает предоставление субсидии на развитие аквакультуры, возмещение части затрат по оплате коммунальных услуг, уплату процентов по кредитам, лизинговым платежам.

Предприятия Сахалинской области, занятые в сфере рыболовства, ведут широкую экономическую деятельность: от рыбодобычи, рыбопереработки и воспроизводства рыбных ресурсов до торговли рыбной продукцией. Количество организаций по виду деятельности «рыболовство» в целом за рассматриваемый период 2011–2018 гг. сократилось с 836 (в 2011 г.) до 751 (в 2018 г.), темп убыли составил 10,17 %. Проанализируем численность работников, занятых в рыболовстве, переработке и консервировании рыбо- и морепродуктов в Сахалинской области с 2010 по 2018 г. (рис. 1).

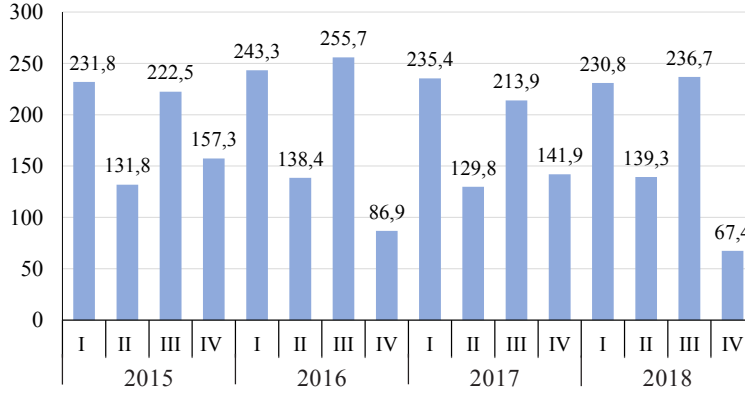

Р и с. 1. Среднесписочная численность работников в организациях по рыболовству, переработке и консервированию рыбо- и морепродуктов в Сахалинской области с 2010 по 2018 г., тыс. чел.

F i g. 1. The average number of employees in organizations involved in fishing, processing and preserving fish and seafood in the Sakhalin Region from 2010 to 2018, thousand people

Согласно данным, среднесписочная численность работников в организациях по рыболовству больше, чем в организациях по переработке и консервированию рыбо- и морепродуктов. В среднем среднесписочная численность работников в организациях по рыболовству за весь исследуемый период составила 5,8 тыс. чел. При этом среднесписочная численность работников в среднем по рыболовству стабильна, а в сфере переработки и консервирования рыбо- и морепродуктов сократилась почти наполовину.

Приведенная динамика улова и добычи водных биологических ресурсов по кварталам с 2015 по 2018 г. свидетельствует, что улов рыбы и добыча других водных биоресурсов достигают максимумов в первом и третьем кварталах года на протяжении всего исследуемого периода (рис. 2). Такое значение показателя в первом квартале объясняется тем, что именно в зимний период осуществляется массовый улов корюшки и наваги, а в третьем квартале – добыча различных морепродуктов и рыбы из семейства лососевых.

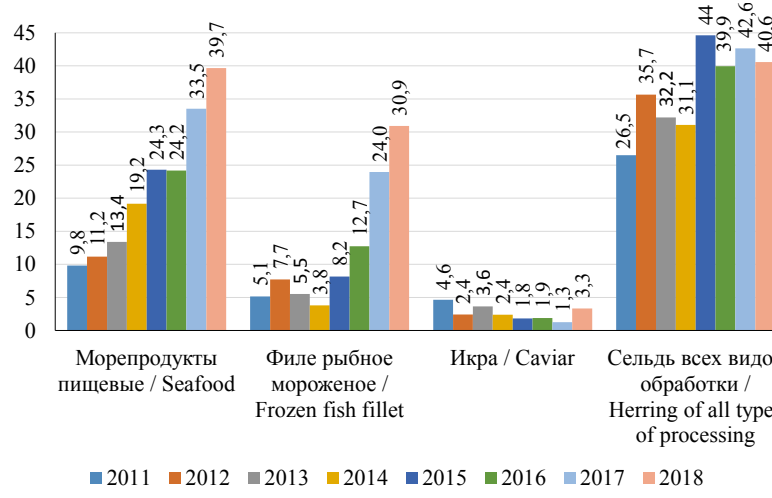

Р и с. 2. Динамика улова рыбы и добычи других водных биоресурсов в Сахалинской области за 2015–2018 гг., тыс. т

F i g. 2. Dynamics of fish catch and production of other aquatic biological resources in the Sakhalin Region for 2015–2018, thousand tons

Рассмотрим динамику объема переработки рыбо- и морепродуктов в Сахалинской области с 2011 по 2018 г. (рис. 3). Наибольшее значение за весь исследуемый период принимал объем переработки сельди всех видов (среднее значение – 44,6 тыс. т в год). Объемы переработки

сельди в Сахалинской области в исследуемом периоде увеличились за счет возвращения в моря региона поголовья сельди тихоокеанской (иваси), отсутствовавшего несколько десятков лет. Морепродукты (ракообразные, моллюски и т. д.) занимают второе место по объему переработки, среднее значение данного показателя составляло 21,9 тыс. т за исследуемый период. В среднем объем переработки рыбного мороженого филе составлял 12,3 тыс. т в год (увеличение показателя в значительной мере обеспечивается за счет филе минтая и трески). Наименьший объем переработки приходится на икру (среднее значение – 2,7 тыс. т в год).

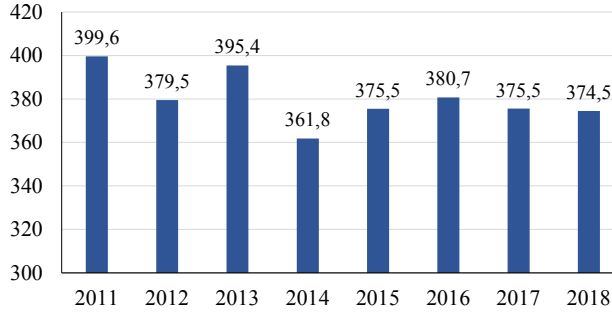

Р и с. 3. Объем переработки рыбо- и морепродуктов в Сахалинской области с 2011 по 2018 г., тыс. т

F i g. 3. The volume of fish and seafood processing in the Sakhalin Region from 2011 to 2018, thousand tons

Объемы производства мороженой рыбы (кроме сельди) с 2011 по 2018 г. оставались стабильными: среднее значение за указанный период составляет 380,3 тыс. т (рис. 4).

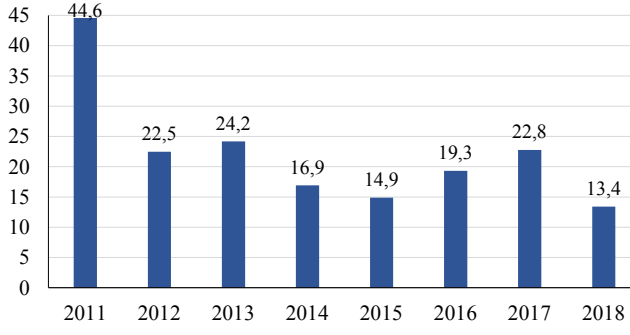
Мороженая рыба является основным продуктом рыболовства, вывозимым в другие регионы России и за рубеж, так как далеко не все обработанные в Сахалинской области рыбопродукты являются конкурентоспособными с точки зрения цены. По той же причине мороженая рыба пользуется существенным спросом у жителей области, нежели лососевая икра, гребешок и др.

Р и с. 4. Производство мороженой рыбы (кроме сельди) в Сахалинской области с 2011 по 2018 г., тыс. т

F i g. 4. Production of frozen fish (except herring) in the Sakhalin Region from 2011 to 2018, thousand tons

Производство рыбных консервов за исследованный период сократилось, темп убыли составил 70,0 % (рис. 5). Резкое сокращение наблюдается в период 2011–2012 гг.: 22,1 млн условных банок, или 49,6 %. Такой спад был вызван снижением объемов улова водных биоресурсов в регионе (рис. 2).

Р и с. 5. Консервирование рыбо- и морепродуктов в Сахалинской области с 2011 по 2018 г., млн условных банок

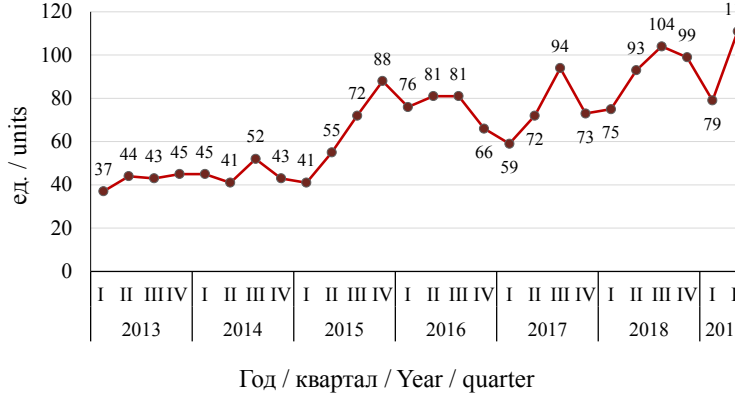
F i g. 5. Canning of fish and seafood in the Sakhalin Region from 2011 to 2018, million standard cans

В отношении реализации рыбопродукции в Сахалинской области популярна такая форма выездной оптовой и розничной торговли, как ярмарки выходного дня. Активное участие в них принимают рыбопроизводители с широким ассортиментом продукции. Особенностью ярмарок является установление цен с минимальной торговой наценкой, что способствует

осуществлению главной цели ярмарки – сделать продукцию более доступной для населения Сахалинской области.

Инициатором проведения ярмарок выходного дня в свое время стал экс-губернатор Сахалинской области О. Н. Кожемяко. Впервые порядок проведения ярмарок был закреплен в Постановлении Правительства Сахалинской области от 25.06.2015 № 241 «Об утверждении Порядка организации деятельности ярмарок в Сахалинской области».

Динамика числа ярмарок, проводимых в Сахалинской области с 2013 по 2019 г. показывает, что резкий рост ярмарок наблюдается в третьем квартале 2015 г. (рис. 6). Такая положительная динамика сохраняется вплоть до настоящего времени.

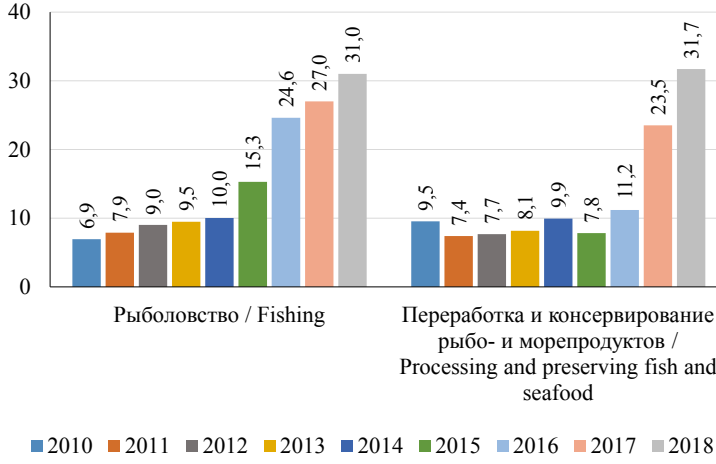

Р и с. 6. Число ярмарок в Сахалинской области с 2013 по 2019 г.

F i g. 6. Number of trade fairs in the Sakhalin Region from 2013 to 2019

На рисунке 7 представлен объем выручки от продажи товаров, продукции, работ, услуг в рыбной отрасли с 2010 по 2018 г. Данные рисунка подтверждают, что продажи рыбопроизводителей увеличивались на протяжении всего исследуемого периода, и к 2018 г. показатель выручки принял значение 31,0 млрд руб. Среднее значение выручки за весь исследуемый период составило 18,5 млрд руб. Выручка от переработки и консервирования рыбо- и морепродуктов в среднем была ниже выручки от продажи рыбы на 5,7 млрд руб. Темп прироста выручки от продажи рыбы составил 449,3 %. Как отмечалось выше, такой рост связан с повышением цен на рыбу, что было обусловлено дефицитом рыбной продукции на рынке, а также увеличением доли прибыли, закладываемой в цену.

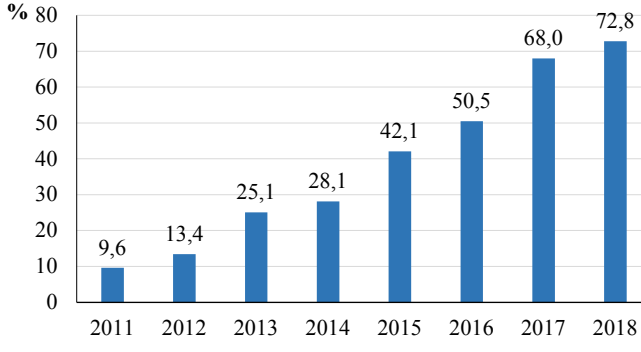
Одним из наиболее важных конечных экономических показателей, характеризующих положение отрасли и эффективность ее функционирования, является показатель рентабельности [18].

Р и с. 7. Выручка (нетто) от продажи товаров (за минусом налога на добавленную стоимость, акцизов и иных аналогичных обязательных платежей) с 2010 по 2018 г., млрд руб.

F i g. 7. Net revenue from the sale of goods (net of value added tax, excise taxes and other similar obligatory payments) from 2010 to 2018, billion rubles

На рисунке 8 показан уровень рентабельности продаж рыбной продукции в Сахалинской области с 2011 по 2018 г., а также отражено увеличение доли прибыли, закладываемой в цену рыбной продукции.

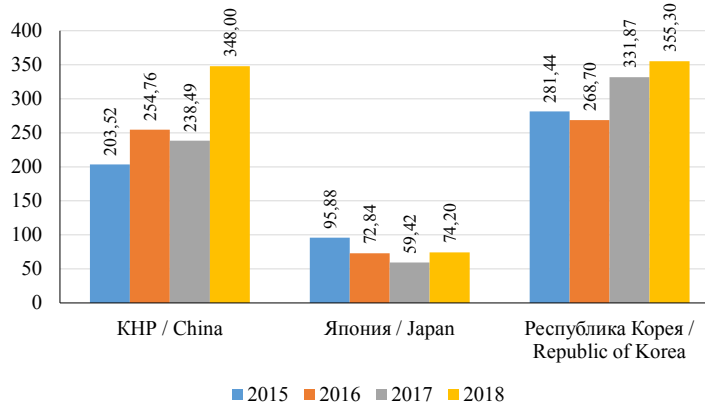

Р и с. 8. Рентабельность продаж рыбной продукции в Сахалинской области с 2011 по 2018 г., %

F i g. 8. Profitability of sales of fish products in the Sakhalin Region from 2011 to 2018, %

Анализ рисунка 8 показывает, что рентабельность продаж имеет тенденцию к увеличению: в 2018 г. по сравнению с 2011 г. она возросла на 63,2 %. Это говорит о том, что экономическая эффективность продаж в 2018 г. существенно превышала аналогичный показатель в 2011 г. и в целом бизнес в сфере рыболовства и реализации рыбы можно охарактеризовать как высокоприбыльный.

Рассмотрим динамику экспорта рыбы и ракообразных, моллюсков и прочих водных беспозвоночных из Сахалинской области за рубеж. Основными торговыми партнерами Сахалинской области являются страны-импортеры Азиатско-Тихоокеанского региона: КНР (с возрастающим весом в товарообороте), Япония, Республика Корея. Согласно данным рисунка 9, в общем экспорте наибольшую долю занимает Республика Корея, но, вероятно, вскоре она уступит место поставкам сахалинской рыбопродукции в Китай.

Р и с. 9. Динамика экспорта рыбы и ракообразных, моллюсков и прочих водных беспозвоночных из Сахалинской области в отдельные страны с 2015 по 2018 г., млн долл. США

F i g. 9. Dynamics of export of fish and crustaceans, mollusks, and other aquatic invertebrates from the Sakhalin Region to selected countries from 2015 to 2018, million US dollars

Продажа рыбных консервов всех видов за пределами Сахалинской области значительно снижается на протяжении вплоть до 2017 г. (рис. 10). Снижение составило 19,15 млн условных банок, или 59,5 %. Такие показатели в первую очередь связаны с падением объемов улова рыбы и других водных биоресурсов, который с 2015 по 2017 г. снизился на 17,9 тыс. т (рис. 2). Восстановление объемов консервирования и продаж связано с ростом показателей рыбодобывающих и рыбоперерабатывающих предприятий на Курильских островах.

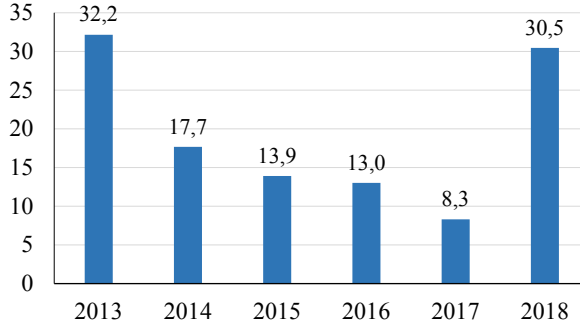
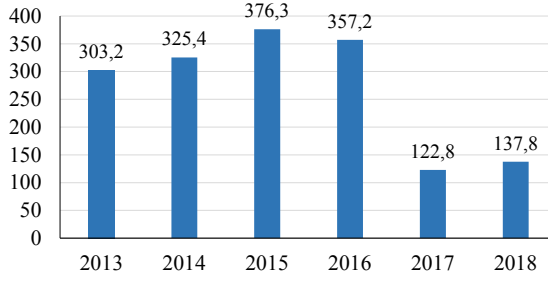

Рис. 10. Продажа рыбных консервов всех видов за пределами Сахалинской области без учета реализации на территории региона с 2013 по 2018 г., млн условных банок

Fig. 10. Sale of canned fish of all types outside the Sakhalin Region, excluding sales in the Region from 2013 to 2018, million standard cans

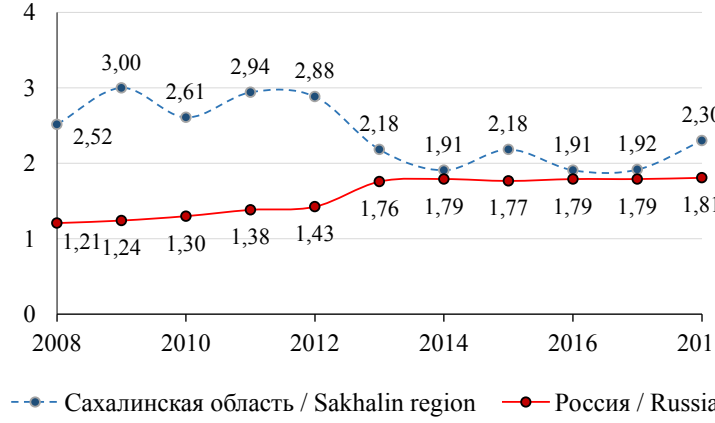
Проанализировав рисунок 11, можно прийти к выводу, что продажа переработанной рыбы и рыбных продуктов значительно сократилась в 2017–2018 гг. В среднем за весь исследуемый период было продано 270,2 млн т продукции. В основном это кета, горбуша, камбала, треска, морской окунь, терпуг и др.

Р и с. 11. Продажа рыбы и переработанных рыбных продуктов (без рыбных консервов и пресервов) за пределы Сахалинской области без учета реализации на территории региона с 2013 по 2018 г., млн т

F i g. 11. Sale of fish and processed fish products (without canned fish and preserves) outside the Sakhalin Region, excluding sales in the Region from 2013 to 2018, million tons

Сложившаяся положительная динамика производства товарной пищевой рыбной продукции (консервов) способствует разнообразию рыбной продукции в розничной торговле Сахалинской области. Как показывает практика других регионов России, в основном на объемы потребления влияют среднедушевые доходы населения и объемы вылова [19, с. 445]. На рисунке 12 представлена динамика потребления рыбы и рыбопродуктов в среднем на одного потребителя в месяц с 2008 по 2018 г.

Р и с. 12. Потребление рыбы и рыбопродуктов в среднем за год с 2008 по 2018 г., кг/чел. в месяц

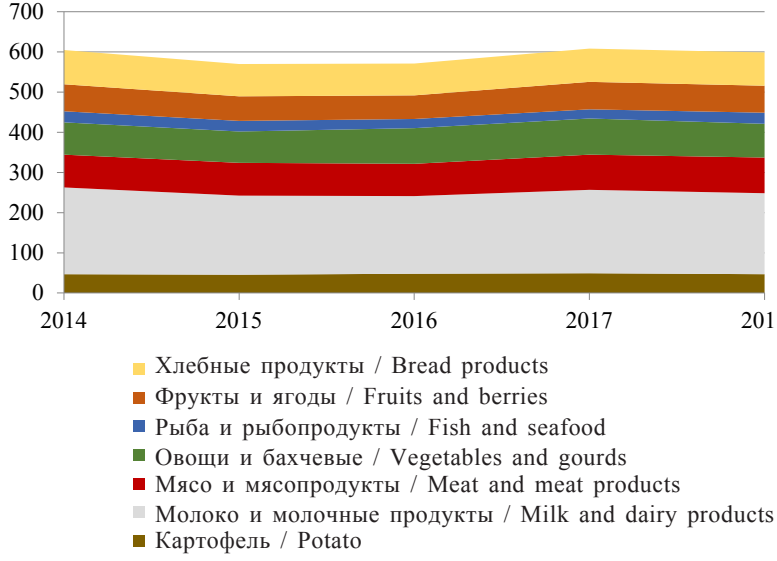
F i g. 12. Average consumption of fish and fish products over the year from 2008 to 2018, kg per capita per month

Как видно из рисунка, в Сахалинской области потребление рыбы и рыбопродуктов за исследуемый период снизилось на 0,22 кг/чел./мес. К числу объясняющих данную тенденцию факторов можно отнести нарастание кризисных проявлений в стране (снижение реальных доходов населения) и связанное с этим изменение потребительских расходов[8]. В то же время в России потребление данного вида продукции возросло на 7,2 кг/чел. в год. Это может быть связано с ростом благосостояния, пропагандой здорового образа жизни, увеличением популярности кафе и ресторанов как мест проведения досуга [20, с. 1019–1021]. Кроме того, наблюдается конвергенция потребления рыбопродуктов в регионе

[8] Меркушева М. В. Производство, потребление и сбыт рыбы и рыбопродукции // Рыбохозяйственный комплекс Крыма: проблемы и решения: материалы II Региональной науч.-практ. конф. Керчь, 2017. С. 30.

с общероссийскими тенденциями. Важно также отметить, что структура потребляемых рыбопродуктов неоднородна в зависимости от дохода домохозяйств: наименее обеспеченные отдают предпочтение замороженной рыбе (в том числе треске, минтаю, сельди), более обеспеченные – свежей или охлажденной рыбе семейства лососевых (особенно филе), икре, моллюскам, креветкам, крабам и т. д. [21, с. 34–35].

Сокращение потребления рыбы и рыбопродуктов населением Сахалинской области определяется в совокупности вместе с занимаемой данной продукцией доли в общем потреблении. На рисунке 13 отображена динамика потребления основных продуктов питания в расчете на душу населения в Сахалинской области за 2014–2018 гг. Мы видим, что наибольший удельный вес в структуре потребляемых товаров приходится на молочные продукты, это обусловлено пищевыми привычками большинства населения региона. Потребление хлеба, картофеля, овощей, фруктов примерно одинаково. Наблюдается крайне незначительный рост потребления мясопродуктов. Рыба и рыбопродукты в потреблении населением занимают лишь 7 место. В целом потребление основных продуктов питания в Сахалинской области несколько снизилось за последний год.

Р и с. 13. Потребление основных продуктов питания в Сахалинской области (в расчете на душу населения) за 2014–2018 гг., кг/чел. в год

F i g. 13. Per capita consumption of staple foods in the Sakhalin Region for 2014–2018, kg per capita per year

Одним из основных факторов, оказывающих влияние на объем потребления рыбы, является уровень потребительских цен на данную продукцию. Динамика средних потребительских цен на рыбную продукцию в Сахалинской области с 2010 по 2019 г. представлена на рисунке 14.

Р и с. 14. Динамика среднеквартальных потребительских цен на рыбную продукцию в Сахалинской области за 2010–2019 гг., руб.

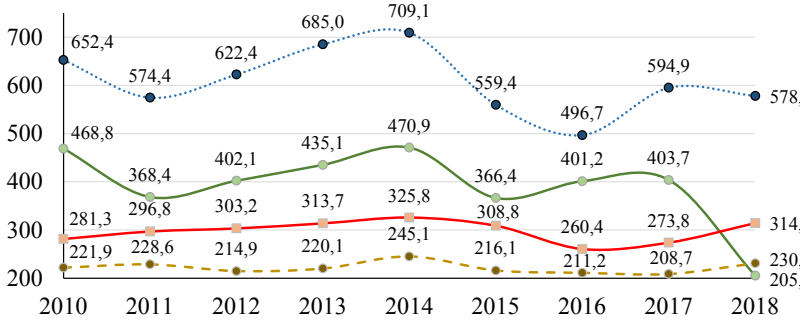
F i g. 14. Dynamics of average quarterly consumer prices for fish products in the Sakhalin Region for 2010–2019, rubles

В период 2015–2019 гг. на Сахалине была крайне неудачная лососевая путина, в связи с этим выросли цены на красную икру: и в целом по стране, и в регионе. Деликатесные продукты из рыбы в среднем за период имеют цену около 3 тыс. руб./кг, что объясняется значительным ростом индекса потребительских цен к 2018 г. Рыбное филе по сравнению с другими позициями имеет относительно высокую цену, которая в среднем составляет примерно 257 руб., что объясняется трудозатратами при разделывании рыбы. Цена на сельдь соленую росла в течение всего периода и в 2018 г. составила около 250 руб./кг. Наблюдается стремительный рост цен на рыбу охлажденную и мороженую разделанную лососевых пород, к концу периода цена достигла 414 руб./кг. Цена на консервы за период незначительно возросла (примерно на 20 руб.), в 2018 г. она равнялась 138 руб. за банку.

Кроме цен, на объем потребления рыбы и рыбопродуктов населением влияет его покупательная способность. Покупательская способность показывает, сколько товаров и услуг при существующем уровне цен среднестатистический потребитель может купить на определенную сумму денег, если весь объем дохода будет направлен на покупку конкретного вида блага. Из рисунка 15 видно, что на девятилетней динамике нет явно выраженной тенденции изменения покупательной способности заработной платы, кроме случаев разделанной рыбы лососевых пород (в 2018 г. существенно возросли цены) и деликатесов из рыбы (рост заработной платы стабильно опережал рост цен на них). При этом необходимо уточнить, что ввиду высокой степени расслоения населения региона по получаемой заработной плате для значительной части жителей региона эти показатели несколько завышены по причине того, что в нефтегазовом секторе Сахалинской области оплата труда в разы выше по сравнению с другими отраслями.

На рисунке 16 в несколько ином разрезе товаров представлена покупательная способность среднемесячной заработной платы Сахалинской области по сравнению с Россией за период 2017–2018 гг. Согласно данным рисунка, покупательная способность населения по рыбной продукции в целом по стране ниже, чем в Сахалинской области. В первую очередь это объясняется тем, что в Сахалинской области среднедушевые доходы населения превышают аналогичный показатель в среднем по России на 57 %.

В 2017–2018 гг. покупательная способность заработной платы жителей области превышала покупательную способность в среднем по стране в 2,49 раз. Как по России, так и по Сахалинской области наиболее значительный по величине показатель сложился по рыбе замороженной неразделанной, так как по сравнению с другими представленными на графике позициями она является не такой дорогостоящей.

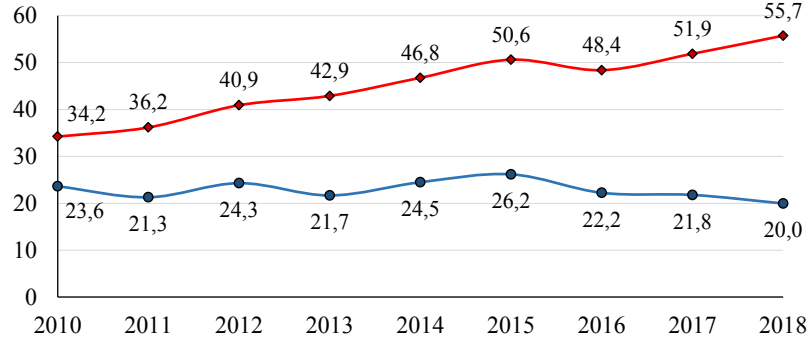

Консервы рыбные натуральные и с добавлением масла, 350 г / Canned fish, natural and with oil, 350 g

Рыба охлажденная и мороженая разделанная лососевых пород, кг / Chilled and frozen filleted salmon, kg

Сельдь соленая, кг / Salted herring, kg

Филе рыбное, кг / Fish fillet, kg

Икра лососевых рыб, отечественная, кг / Salmon caviar, Russian, kg

Соленые и копченые деликатесные продукты из рыбы, кг / Salted and smoked fish delicacies, kg

Р и с. 15. Покупательная способность среднемесячной заработной платы (реальная заработная плата) в Сахалинской области

F i g. 15. Purchasing power of the average monthly wage (real wage) in the Sakhalin Region

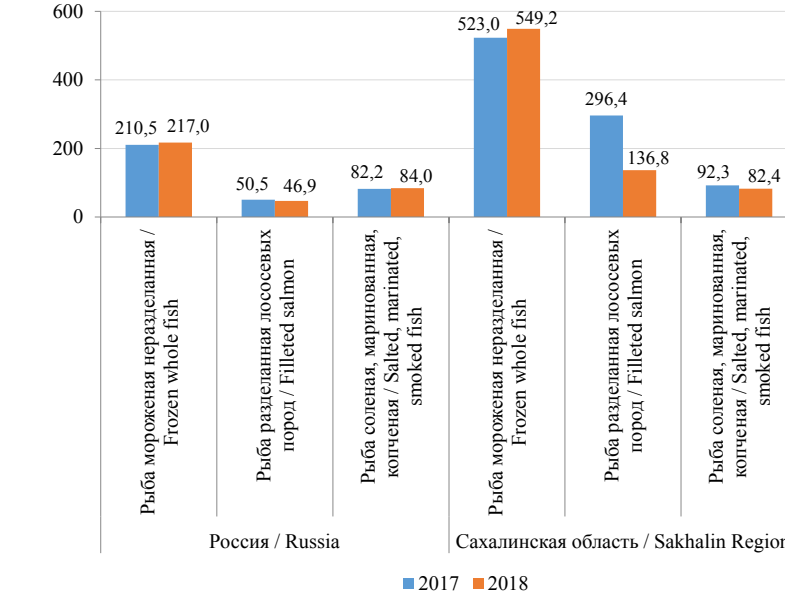

Рис. 16. Покупательная способность среднемесячной заработной платы в 2017–2018 гг., кг/мес.

Fig. 16. Purchasing power of the average monthly wage in 2017–2018, kg per month

Для того чтобы сделать рыбную продукцию более доступной для населения региона, в Сахалинской области с 2015 г. реализуется проект «Региональный продукт “Доступная рыба”». Основные задачи проекта – обеспечить прослеживаемость цены от производителя до конечного потребителя, оптимизировать логистические схемы доставки рыбы до конечного потребителя, обеспечивать население качественной, безопасной и доступной продукцией, не допускать необоснованного удорожания рыбных товаров[9] [18]. Одними из главных направлений усиления спроса населения на рыбную продукцию можно считать развитие интеграционных процессов в отрасли и развитие логистической инфраструктуры [22, с. 50].

[9] Официальный сайт Министерства торговли и продовольствия Сахалинской области [Электронный ресурс]. URL: http://trade.sakhalin.gov.ru (дата обращения: 21.06.2019).

Обсуждение и заключение. В статье авторами освещена проблема динамики производства и структуры потребления рыбопродукции в Сахалинской области. Рассмотрены тенденции уловов рыбы и морепродуктов, объем производства рыбной продукции, показатели деятельности предприятий в сфере рыболовства, объем экспорта и число ярмарок в Сахалинской области. Кроме того, изучены такие показатели, как покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения, динамика средних потребительских цен на рыбную продукцию в Сахалинской области, потребление рыбы и рыбопродуктов в среднем на потребителя в год и др.

За период с 2010 по 2018 г. в целом сократилось количество организаций рыбопромышленного комплекса. Снижается количество организаций по добыче рыбы и производству рыбной продукции, хотя рентабельность продаж рыбной продукции имеет положительную динамику и наблюдается ее постоянный рост (обусловленный дефицитом водных биоресурсов на рынке, что, в свою очередь, привело к уменьшению количества произведенных рыбных консервов в целом за весь анализируемый период, темп убыли составляет 56,7 %).

Снижение уловов не транслируется в должной мере прямо в сокращение спроса, так как помимо роста цен на рыбопродукцию существенное влияние на объемы потребления оказывают медленнорастущие номинальные и реальные доходы населения региона. Важно отметить, что указанные случаи роста цен в основном связываются не с общеэкономическими (повышение производительности труда и оборудования, его автоматизация и модернизация), а с институциональными изменениями – изменение пропорций между легальной и теневой экономической деятельностью в рыболовстве, уходом с рынка низкорентабельных производств и другими факторами. Несмотря на то, что производство переработанной рыбной продукции в регионе возрастает, потребление данной продукции населением региона имеет тенденцию к снижению. Кроме того, рыба и рыбопродукты занимают лишь 7 место в общем потреблении основных продуктов питания.

Результаты проведенного исследования говорят о том, что условия перехода к эффективному экономическому росту в рыболовстве региона должны всецело опираться на максимально открытую и обоснованную оценку причин сложившейся негативной ситуации с уловами от отраслевых научных организаций и ученых, занимающихся исследованием рыбного хозяйства Дальнего Востока. На основе этих сведений возможно будет сделать организационные и экономические предложения по совершенствованию развития рыбной отрасли.

Основные перспективы развития отрасли вслед за мировым опытом, как ожидается, будут связаны с повышением уровня диверсификации (по

видам сырья) рыбодобывающих предприятий, прежде всего через создание перерабатывающих подразделений для компенсации потери маржи и создания товаров с более высокой добавленной стоимостью, а также их доставку до конечного потребителя. Необходимо увеличить объемы производства консервированных рыбо- и морепродуктов в Сахалинской области, чего можно добиться за счет модернизации рыболовного флота и строительства новых судов для развития прибрежного рыболовства.

Материалы данного исследования могут быть использованы в практической деятельности научных организаций и органов исполнительной власти, осуществляющих управление экономическим развитием Сахалинской области и Дальнего Востока для более полной оценки состояния развития отрасли и разработки программ решения основных проблем, назревших к настоящему моменту.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Projected Change in Global Fisheries Revenues Under Climate Change / V. W. Y. Lam, W. W. L. Cheung, G. Reygondeau, U. R. Sumaila. – DOI 10.1038/srep32607 // Scientific Reports. – 2016. – Vol. 6, article 32607. – URL: https://www.nature.com/articles/srep32607 (дата обращения: 21.06.2018).

2. Kasperski, S. Income Diversification and Risk for Fishermen / S. Kasperski, D. S. Holland. – DOI 10.1073/pnas.1212278110 // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2013. – Vol. 110, issue 6. – Pp. 2076–2081. – URL: https://www.pnas.org/content/110/6/2076 (дата обращения: 21.06.2018).

3. Wilson, J. F. Balancing the Risks and Benefits of Fish Consumption / J. F. Wilson. – DOI 10.7326/0003-4819-141-12-200412210-00024 // Annals of Internal Medicine. – 2004. – Vol. 141, issue 12. – Pp. 977–980. – URL: https://annals.org/aim/article-abstract/718039/balancing-risks-benefits-fish-consumption?doi=10.7326%2f0003-4819-141-12-200412210-00024 (дата обращения: 21.06.2018).

4. Burger, J. Perceptions of the Risks and Benefits of Fish Consumption: Individual Choices to Reduce Risk and Increase Health Benefits / J. Burger, M. Gochfeld. – DOI 10.1016/j.envres.2008.12.002 // Environmental Research. – 2009. – Vol. 109, issue 3. – Pp. 343–349. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0013935108002715?via%3Dihub (дата обращения: 21.06.2018).

5. Thurstan, R. H. The Past and Future of Fish Consumption: Can Supplies Meet Healthy Eating Recommendations? / R. H. Thurstan, C. M. Roberts. – DOI 10.1016/j.marpolbul.2014.09.016 // Marine Pollution Bulletin. – 2014. – Vol. 89, issue 1–2. – Pp. 5–11. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0025326X14006080?via%3Dihub (дата обращения: 21.06.2018).

6. Вотинова, Е. М. Оценка современного состояния рыбной промышленности: статистический обзор и анализ ситуации / Е. М. Вотинова, М. В. Вотинов. – DOI 10.24143/2073-5537-2017-2-50-58 // Вестник Астраханского государственного университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 2. – С. 50–55. – URL: https://vestnik.astu.org/Content/UserImages/file/economics_2017_2/05.pdf (дата обращения: 21.06.2018).

7. Богачев, А. И. Роль рыболовства и аквакультуры в обеспечении продовольственной безопасности: мировой аспект / А. И. Богачев // Вестник сельского развития и социальной политики. – 2017. – № 4 (16). – С. 2–4. – URL: https://orelsau.ru/upload/files/science/zhurnal-vestnik-selskogo-razvitiya-i-sotsialnoy-politiki/Vestnik-4(16).pdf (дата обращения: 21.06.2018).

8. Васильев, А. М. Рыбное хозяйство Мурманской области в системе экономической безопасности региона / А. М. Васильев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 5 (17). – С. 78–87. – URL: https://esc.vscc.ac.ru/article/242/full?_lang=ru (дата обращения: 21.06.2018).

9. Акулич, О. В. Государственное регулирование рыбной отрасли: подходы и результаты / О. В. Акулич // Известия Байкальского государственного университета. – 2008. – № 4. – С. 34–38. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-regulirovanie-rybnoy-otrasli-podhody-i-rezultaty (дата обращения: 21.06.2018).

10. Чупикова, Е. С. Рыбная отрасль: повысить эффективность! / Е. С. Чупикова, Т. В. Кузнецова // Стандарты и качество. – 2015. – № 9. – С. 55–57. – URL: https://ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=96314 (дата обращения: 21.06.2018).

11. Рагозина, Н. Н. Рыбная отрасль Дальнего Востока: состояние и перспективы сотрудничества с КНР / Н. Н. Рагозина // Вестник Дальрыбвтуза. – 2014. – № 3. – С. 104–108. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25376323 (дата обращения: 21.06.2018).

12. Голышева, Т. Г. Перспективы развития торгово-экономического сотрудничества России и Японии на примере рыбной отрасли / Т. Г. Голышева, Р. И. Гриванов, Ч. Цзяньчен // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – № 3. – С. 29–33. – URL: https://science.vvsu.ru/files/1AB8B70F-8901-4B18-BA74-B094A007A38E.pdf (дата обращения: 21.06.2018).

13. Доронин, С. А. Проблемы рыбной отрасли и пути их решения / С. А. Доронин // Пищевая промышленность. – 2016. – № 5. – С. 38. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rybnoy-otrasli-i-puti-ih-resheniya (дата обращения: 21.06.2018).

14. Симачева, Л. Н. Оценка факторов риска предприятий рыбной промышленности / Л. Н. Симачева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 35 (76). – С. 319–322. – URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/35(76)1/simachyova_35_76_1_319_322.pdf (дата обращения: 21.06.2018).

15. Назарова, Л. Х. Особенности экономического и природного потенциала морехозяйственного комплекса Сахалинской области / Л. Х. Назарова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2015. – № 4 (119). – С. 144–149. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=24305686 (дата обращения: 21.06.2018).

16. Кигинько, М. Р. Промышленный комплекс и экспортный потенциал приграничного региона – Сахалинская область / М. Р. Кигинько // Государственный советник. – 2015. – № 1. – С. 28–34. – URL: https://gossovetnik.files.wordpress.com/2015/05/150105.pdf (дата обращения: 21.06.2018).

17. Бакулина, А. М. Перспективы и проблемы развития рыбной отрасли на Дальнем Востоке / А. М. Бакулина // SCI-ARTICLE. – 2016. – № 40. – С. 5–7. – URL: http://sci-article.ru/stat.php?i=1480682812 (дата обращения: 21.06.2018).

18. Левкина, Е. В. Эффективность рыбной отрасли: теория, методология и практика / Е. В. Левкина, М. Е. Василенко // Науковедение. – 2013. – № 6 (19). – URL: https://naukovedenie.ru/PDF/27EVN613.pdf (дата обращения: 21.06.2018).

19. Кучерова, С. В. Эконометрическое моделирование взаимосвязи основных показателей рыбной отрасли Приморского края / С. В. Кучерова, Д. К. Карпова // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 12–2. – С. 441–446. – URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41113 (дата обращения: 21.06.2018).

20. Давлетгареев, Н. Р. Анализ рынка рыбной продукции в РФ / Н. Р. Давлетгареев, Т. Б. Давлетгареева // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 4–2 (57). – С. 1019–1021. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=23615454 (дата обращения 21.06.2018).

21. Киселев, В. М. Потребление рыбы в России: методологические аспекты / В. М. Киселев, Т. Ф. Киселева, И. В. Мозжерина // Пищевая промышленность. – 2011. – № 12. – С. 34–36. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/potreblenie-ryby-v-rossii-metodologicheskie-aspekty-1 (дата обращения: 21.06.2018).

22. Котляров, И. Д. Интеграция в рыбной отрасли как инструмент обеспечения ее развития / И. Д. Котляров // Известия Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2013. – № 11. – С. 48–56. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-v-rybnoy-otrasli-kak-instrument-obespecheniya-ee-razvitiya (дата обращения 21.06.2018).

Поступила 24.10.2019; принята к публикации 18.12.2019; опубликована онлайн 31.03.2020.

Об авторах:

Питиляк Дмитрий Александрович, старший преподаватель кафедры экономики и финансов ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет» (693000, Россия, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, д. 290), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2013-9259, di-pitilyak@mail.ru

Карякина Ирина Евгеньевна, доцент кафедры экономики и финансов ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет» (693000, Россия, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, д. 290), кандидат экономических наук, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3010-8413, irakaraykina@gmail.com

Захарченко Диана Александровна, студент 2 курса направления подготовки «Экономика» ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет» (693000, Россия, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, д. 290), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2572-1050, zkh.dn@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Питиляк Дмитрий Александрович – сбор статистических данных и подготовка графического материала; анализ производства рыбной продукции; критический анализ и доработка текста.

Карякина Ирина Евгеньевна – анализ потребления рыбной продукции; общие выводы; критический анализ и доработка текста.

Захарченко Диана Александровна – подбор научных источников по теме; их систематизация и анализ; подготовка начального варианта текста статьи.

Для цитирования:
Питиляк, Д. А. Основные тенденции развития производства и потребления рыбной продукции в Сахалинской области / Д. А. Питиляк, И. Е. Карякина, Д. А. Захарченко. – DOI 10.15507/2413-1407.110.028.202001.080-110 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 80–110.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Lam V., Cheung W., Reygondeau G., Sumaila U.R. Projected Change in Global Fisheries Revenues under Climate Change. *Scientific Reports*. 2016; 6, article 32607. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1038/srep32607

2. Kasperski S., Holland D.S. Income Diversification and Risk for Fishermen. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013; 110(6):2076-2081. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1073/pnas.1212278110

3. Wilson J.F. Balancing the Risks and Benefits of Fish Consumption. *Annals of Internal Medicine*. 2004; 141(12):977-980. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.7326/0003-4819-141-12-200412210-00024

4. Burger J., Gochfeld M. Perceptions of the Risks and Benefits of Fish Consumption: Individual Choices to Reduce Risk and Increase Health Benefits. *Environmental Research*. 2009; 109(3):343-349. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1016/j.envres.2008.12.002

5. Thurstan R.H., Roberts C.M. The Past and Future of Fish Consumption: Can Supplies Meet Healthy Eating Recommendations? *Marine Pollution Bulletin*. 2014; 89(1-2):5-11. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2014.09.016

6. Votinova E.M., Votinov M.V. Assessment of the Current State of the Fishing Industry: Statistical Review and Analysis of the Situation. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika* = Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2017; (2):50-55. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.24143/2073-5537-2017-2-50-58

7. Bogachev A.I. The Role of Fisheries and Aquaculture in Food Security: The World Aspect. *Vestnik selskogo razvitiya i sotsialnoj politiki* = Bulletin of Rural Development and Social Policy. 2017; (4):2-4. Available at: https://orelsau.ru/upload/files/science/zhurnal-vestnik-selskogo-razvitiya-i-sotsialnoy-politiki/Vestnik-4(16).pdf (accessed 21.06.2018). (In Russ., abstract in Eng.)

8. Vasiliev A.M. Fish Industry of the Murmansk Oblast in the System of the Regional Economic Safety. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2011; (5):78-87. Available at: https://esc.vscc.ac.ru/article/242/full?_lang=ru (accessed 21.06.2018). (In Russ., abstract in Eng.)

9. Akulich O.V. Governmental Regulation of Fishing Industry Sector: Methods and Results. *Izvestiya Bajkalskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Baikal State University. 2008; (4):34-38. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-regulirovanie-rybnoy-otrasli-podhody-i-rezultaty (accessed 21.06.2018). (In Russ., abstract in Eng.)

10. Chupikova E.S., Kuznetsova T.V. Fisheries Sector: To Increase Efficiency! *Standarty i kachestvo* = Standards and Quality. 2015; (9):55-57. Available at: http://ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=96314 (accessed 21.06.2018). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Ragozina N.N. Fish Branch of the Far East: The Condition and Prospects of Cooperation with the Peoples Republic of China. *Vestnik Dalrybvtuza* = Bulletin of the Far Eastern State Technical Fisheries University. 2014; (3):104-108. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=25376323 (accessed 20.06.2018). (In Russ., abstract in Eng.)

12. Golisheva T.G., Grivanov R.I., Qiancheng Zh. The Perspectives for the Development of Trade and Economic Russia-Japan Collaboration at the Fishing Industry. *Territoriya novykh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa* = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2015; (3):29-33. Available at: http://science.vvsu.ru/files/1AB8B70F-8901-4B18-BA74-B094A007A38E.pdf (accessed 21.06.2018). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Doronin S.A. Problems of the Fishing Industry and their Solutions. *Pishchevaya promyshlennost* = Food Industry. 2016; (5):38. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rybnoy-otrasli-i-puti-ih-resheniya (accessed 21.06.2018). (In Russ.)

14. Simacheva L.N. Assessment of Risk Factors in the Fishing Industry. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2008; (35):319-322. Available at: http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/35(76)1/simachyova_35_76_1_319_322.pdf (accessed 20.06.2018). (In Russ.)

15. Nazarova L.Kh. Economic and Natural Potential Peculiarities of the Sakhalin Sea Complex. *Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Transbaikal State University. 2015; (4):144-149. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=24305686 (accessed: 06.21.2018). (In Russ., abstract in Eng.)

16. Kiginko M.R. Industrial Complex and the Export Potential of the Border Region – Sakhalin Region. *Gosudarstvennyj sovetnik* = State Counsellor. 2015; (1):28-34. Available at: http://gossovetnik.files.wordpress.com/2015/05/150105.pdf (accessed 21.06.2018). (In Russ., abstract in Eng.)

17. Bakulina A.M. Prospects and Problems of the Fishing Industry Development in the Far East. *SCI-ARTICLE*. 2016; (40):5-7. Available at: http://sci-article.ru/stat.php?i=1480682812 (accessed 21.06.2018). (In Russ.)

18. Levkina E.V., Vasilenko M.E. Effectiveness of the Fishing Industry: Theory, Methodology and Practice. *Naukovedenie* = Internet Journal of Science. 2013; (6). Available at: https://naukovedenie.ru/PDF/27EVN613.pdf (accessed 21.06.2018). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Kucherova S.V., Karpova D.K. Econometric Modelling of Basic Elements of Fish Industry of Primorsky Krai. *Fundamentalnye issledovaniya* = Fundamental

Research. 2016; (12–2):441-446. Available at: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41113 (accessed 21.06.2018). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Davletgareev N.R., Davletgareeva T.B. Analysis of the Market of Fishery Products in Russia. *Ehkonomika i predprinimatelstvo* = Journal of Economy and Entrepreneurship. 2015; (4–2):1019-1021. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=23615454 (accessed 21.06.2018). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Kiselev V.M., Kiseleva T.F., Mozzherina I.V. Methodological Aspects of Fish Consumption in Russia. *Pishchevaya promyshlennost* = Food Industry. 2011; (12):34-36. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/potreblenie-ryby-v-rossii-metodologicheskie-aspekty-1 (accessed 21.06.2018). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Kotlyarov I.D. Integration in Fishing Industry as a Tool Providing Its Development. *Izvestiya Tikhookeanskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta* = Proceedings of the Pacific State University of Economics. 2013; (11):48-56. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-v-rybnoy-otrasli-kak-instrument-obespecheniya-ee-razvitiya (accessed 21.06.2018). (In Russ.)

Submitted 24.10.2019; accepted for publication 18.12.2019; published online 31.03.2020.

About the authors:

Dmitry A. Pitilyak, Senior Lecturer, Department of Economics and Finance, Sakhalin State University (290 Lenina St., Yuzhno-Sakhalinsk 639007, Russia), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2013-9259, di-pitilyak@mail.ru

Irina E. Karyakina, Associate Professor, Department of Economics and Finance, Sakhalin State University (290 Lenina St., Yuzhno-Sakhalinsk 639007, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3010-8413, irakaraykina@gmail.com

Diana A. Zakharchenko, 2-nd Year Student (Economics), Sakhalin State University (290 Lenina St., Yuzhno-Sakhalinsk 639007, Russia), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2572-1050, zkh.dn@mail.ru

Contribution of the authors:

Dmitry A. Pitilyak – collection of statistical data and preparation of the graphic material; analysis of the production of fish products; critical analysis and revision of the text.

Irina E. Karyakina – analysis of the consumption of fish products; general conclusions; critical analysis and revision of the text.

Diana A. Zakharchenko – selection, systematization and analysis of scientific sources on the topic; preparation of the initial version of the text of the article.

For citation:

Pitilyak D.A., Karyakina I.E., Zakharchenko D.A. The Main Trends in the Development of Production and Consumption of Fish Products in the Sakhalin Region. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(1):80-110. DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.080-110

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.334.3(1-87)
DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.111-132
http://regionsar.ru
ISSN 2587-8549 (Print)
ISSN 2413-1407 (Online)

Конфессиональное зарубежное регионоведение как направление исследований

О. А. Балабейкина
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (г. Санкт-Петербург, Россия), olga8011@yandex.ru

Введение. Актуальность конфессионально-региональных зарубежных исследований обусловлена влиянием религиозного фактора на ментальность, традиции, культуру населения, а также на правовую, социальную и экономическую составляющие жизни общества, что предопределяет особенности развития международных отношений. Цель работы – расширение и введение в научный оборот методов, подходов, способов применения научного инструментария для исследований в области зарубежного геоконфессионального пространства.
Материалы и методы. Материалами исследования стали данные финансовых отчетов зарубежных религиозных организаций. На их основе с помощью математико-статистических методов была осуществлена обработка исходных данных, позволившая установить территориальные особенности, специфику экономической и социальной деятельности в пределах конфессионального пространства рассматриваемых в качестве примеров стран и распространенных на их территории религий.
Результаты исследования. Обозначена специфика комплексных зарубежных исследований в области конфессионального пространства, которые объективированы в оформившееся и перспективное для развития научное направление. Большие возможности в области изучения геоконфессионального пространства открываются в применении институционально-территориального и религиозно-ландшафтного подходов, при учете специфики исходной фактической и статистической информации, доступной на современном этапе. Первый подход больше рекомендуется применять для стран и регионов, где доминируют направления христианства с жесткой территориальной структурой, состоящей из иерархически соподчиненных единиц, а второй – для случаев, когда роль территориальной организации в функционировании религиозных институтов не является существенной.

© Балабейкина О. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Дальнейшее развитие зарубежного конфессионального регионоведения должно выстраиваться на усилении межпредметных связей и актуализации метематико-статистических методов исследования. Результаты исследования могут быть использованы в рамках межконфессиональных контактов, роль которых усиливается в настоящее время. Обращение к моделям функционирования конфессионального пространства зарубежных стран целесообразно при разработке стратегии развития государственно-религиозных отношений в России, а также может быть учтено руководством представленных в нашей стране религиозных организаций.

Ключевые слова: зарубежное регионоведение, конфессиональное пространство, религиозная организация, религиозный институт, конфессиональный ландшафт

Confessional Foreign Regional Studies as a Field of Research

O. A. Balabeykina
St. Petersburg State University of Economics (*St. Petersburg, Russia*),
olga8011@yandex.ru

Introduction. The relevance of foreign confessional and regional studies is due to the influence of the religious factor on mentality, traditions, and culture of the population, as well as on the legal, social and economic components of society, which determines the specifics of the development of international relations. The objective of the study is to expand and introduce into scientific circulation the approaches and methods of applying scientific tools for research in the field of foreign confessional space.
Materials and Methods. Data from financial reports of foreign religious organizations were used as the research materials. Basing on these and employing mathematical and statistical methods, the initial data were processed, which made it possible to identify territorial features as well as the specifics of economic and social activities within the confessional space of countries considered and religions widespread in them.
Results. The study conducted made it possible to identify the specifics of comprehensive foreign research in the field of confessional space, which has been objectified into a scientific direction promising for further development. Great opportunities in the study of confessional space open up when adopting institutional and territorial as well as religion and landscape based approaches taking into account the specifics of the initial factual and statistical information available at the present stage. The former approach is more recommended for countries and regions where Christianity with a rigid territorial structure dominates, and the latter – for cases where the role of territorial setup is not significant for the functioning of religious organizations.
Discussion and Conclusion. Further development of Confessional Foreign Regional Studies should be based on the strengthening of interdisciplinary linkages and the adoption of mathematical and statistical research methods. The results of the study can be used in the context of interfaith contacts, which are increasing in importance. Consideration of the models of functioning of the confessional space of foreign countries is advisable when developing a strategy for the development of the state-religion relations in the Russian Federation, and can also be taken into account by leaders of religious organizations represented in Russia.

Keywords: Foreign Regional Studies, confessional space, religious organization, religious institution, confessional landscape

Введение. Современный этап развития научной мысли характеризуется интенсивными интеграционными процессами, объективированными во взаимодействии предметных областей в рамках различных направлений, использовании универсальных и междисциплинарных методов, появлении все большего количества исследований, объединяющих самые разнообразные подходы на стыке предметных отраслей знаний [1]. Именно обозначенные процессы способствовали возникновению межотраслевых научных направлений, к которым можно отнести и зарубежное регионоведение. По мере развития обозначенной отрасли уже внутри нее, благодаря расширению предметной области и углублению в составляющие ее грани, выделяются отдельные ветви с характерным, специфическим предметом исследования [2]. К таковым можно отнести конфессиональное (религиозное) направление в зарубежном регионоведении, оформление которого четко обозначилось в последние десятилетия и находит выражение в появлении целого ряда научных работ, посвященных обозначенной проблематике.

Понятия «религия» и «конфессия» разграничены по смыслу и соотносятся между собой как целое с частным. Поскольку в рамках пространственных наук это существенное в религиоведении и других областях общественных знаний различие не является определяющим, то мы, выделяя основные тенденции и перспективы развития конфессионального регионоведения, а также применяемые в нем методы и научный инструментарий, вслед за С. А. Гороховым [3, с. 21], считаем, что в исследованиях, посвященных теоретическим вопросам, чаще всего допустимо употреблять понятия «религиозное пространство» и «конфессиональное пространство» как синонимичные (в приведенной работе используется термин «конфессиональное геопространство»).

Понятийный аппарат регионоведения и его отдельных подотраслей находится в стадии становления. Даже содержание основных его дефиниций (таких как «регион») вызывает научные дискуссии и предполагает применение разных подходов [4–6]. Тем не менее, обращаясь к теоретическим вопросам, формирующим концептуальные представления в рамках зарубежного регионоведения, ученые практически всегда указывают на конфессиональный состав населения как обязательный компонент региональной характеристики и составляющую понятия «регион» [7].

Исследования, которые бы отражали проблемы становления конфессионального зарубежного регионоведения, акцентируя внимание на расширении методов, подходов, способов применения научного инструментария, представлены единично и носят тематически ограниченный характер, а необходимость в них для решения практических задач и осмысления теоретических вопросов определила цель данного исследования, заключающуюся в разработке методологических основ для дальнейшего развития обозначенного научного направления.

Обзор литературы. Исследование вопросов, связанных с конфессиональным регионоведением предполагает обращение к теоретическим работам, в которых рассматриваются подходы к понятию «регион» и его конфессиональной составляющей и затрагиваются иные научные аспекты, обусловленные развитием регионоведения в рамках междисциплинарного подхода, в том числе связанные с конфессиональным пространством [1–7].

Высокая степень влияния зарубежных религиозных институтов и организаций на социальное [8], экономическое, культурное развитие стран и регионов мира на современном этапе развития общества обусловило обращение к данной проблематике отечественных ученых [9–12], которые в своих работах расставляют акценты на самых разнообразных аспектах проявления функционирования и развития конфессионального пространства. Российские исследователи на примере зарубежных стран изучают как теоретические вопросы, связанные со спецификой пространственной организации религиозных институтов и иных элементов конфессионального пространства (И. А. Захаров [13], Ю. В. Дворников, М. Б. Дементьева [14] и др.), так и насущные, больше связанные с социальной, экономической деятельностью и административно-территориальным оформлением религиозных организаций [9; 10; 15; 16]. Следует также отметить современную тенденцию к расширению ареала зарубежных стран и регионов, которыми интересуются российские ученые. Все чаще для исследований они выбирают территории Азии, Африки, Латинской и Северной Америки. Есть и работы, в которых рассматриваются теоретические аспекты становления научных направлений, связанных с конфессиональным регионоведением или географией религий, но число их невелико [12; 17; 18].

Зарубежные исследователи также не оставляют без внимания предметные области конфессионального геопространства в своих работах, посвященных влиянию уровня религиозности и конфессиональной принадлежности населения на демографические процессы и их региональную дифференциацию [19], на специфику продовольственного потребления в экономике [20; 21]. Г. Маркис и Д. Бекридакис в своей публикации отражают специфику экономической деятельности религиозной организации в отдельной стране [22]. Стоит также упомянуть исследования иностранных авторов, освещающие роль религиозного фактора на региональном уровне в ретроспективном аспекте [23], так как их результаты имеют большое значение для изучения истории формирования конфессионального пространства той или иной территории.

Для понимания процессов во взаимоотношениях государства и религии, а также для более полного представления о существующих моделях этих взаимоотношений интересны научные труды, посвященные таким

регионам и странам, которые редко выступают в качестве объекта исследований конфессиональной регионологии. К таковым, например, можно отнести публикации, в которых отражены проблемы Римско-католической церкви на Филиппинах [24], в том числе в региональном аспекте [25].

В отечественной и иностранной научной литературе обозначен устойчивый интерес к регионально-конфессиональной проблематике на уровне зарубежных стран и регионов, но публикации, отражающие методологические аспекты изучения конфессионального пространства, нуждаются в дальнейшем расширении.

Материалы и методы. В процессе исследования были использованы: методы статистического анализа как основа разработки объективных характеристик и выявления особенностей конфессионального пространства на национальном и региональном уровнях; сравнительного сопоставления, анализа и синтеза, систематизации теоретического материала; анализ моделей развития конфессионального пространства.

Информационной базой исследования послужили теоретические работы российских [10; 11; 12 и др.] и зарубежных авторов [22; 26–28], которые так или иначе касались вопросов, связанных с религиями в региональном аспекте. В качестве исходных (статистических) данных для применения аналитического подхода, экономического и статистико-математического инструментария избирались материалы, размещенные на официальных сайтах зарубежных религиозных организаций, преимущественно – в публикуемых ими финансовых отчетах. Подобные отчеты, за некоторым исключением (Эстония, Филиппины)[1], преобладают в странах, где Церковь пребывает в статусе государственной (Англия в Великобритании)[2] или утратила его в недавнее время (Швеция)[3]. Применение методов обработки статистической информации, принятых в регионально-экономических исследованиях (расчеты коэффициентов неравномерности, преимущества, анализ финансовой деятельности религиозных организаций) помогли выявить направления регионально-конфессиональных исследований, позволяющих получить объективные результаты, на основании которых можно делать выводы о состоянии структурных элементов геоконфессионального пространства.

---

[1] Eesti Evangeelne Luterlik Kirik: majandusaasta aruane [Электронный ресурс] / Официальный сайт Эстонской лютеранской церкви. 2017. URL: http://www.eelk.ee/wp-content/uploads/2018/10/28.06.2018-EELK-Äriregistri-aruanne.pdf (дата обращения: 06.10.2019).

[2] Statistics for Mission [Электронный ресурс] / Официальный сайт государственной Церкви Англии. 2018. URL: https://www.churchofengland.org/sites/default/files/201910/2018StatisticsForMission_0.pdf (дата обращения: 25.10.2019).

[3] Review and Financial Symmary. The National level of the Church of Sweeden [Электронный ресурс] / Официальный сайт Евангелическо-лютеранской церкви Швеции. 2018. URL: https://www.svenskakyrkan.se/filer/Review%20and%20financial%20summary%202018.pdf (дата обращения: 25.10.2019).

Результаты исследования. Становление конфессионального регионоведения как хорологического научного направления в первую очередь обусловливает решение важных теоретических вопросов, связанных с оформлением понятийного аппарата, выделением объекта исследований и обозначением предметной области, а также информационно-статистической базы исследований.

В качестве объекта изучения конфессионального регионоведения принято считать конфессиональное пространство являющееся полиструктурным территориальным образованием. По мнению Р. А. Лопаткина, оно «определяется наличием, функционированием и взаимодействием в пределах определенного физического пространства агентов и групп агентов, представляющих различные религии» [29, с. 80]. С. А. Горохов считает данное определение самым емким из всех предложенных на данный момент [3, с. 22]. Репрезентативные агенты и группы агентов религий в данном контексте предлагается подразделять на две основные категории. К первой можно отнести религиозные институты, организации, учреждения. Среди последних выделяют учебные (духовные академии, семинарии, катехизаторские курсы и др.), благотворительные (ночлежные дома, больницы и др.), хозяйственные (гостиницы для размещения паломников, кафе или рестораны с обусловленным религиозными традициями ассортиментом блюд) и т. д. Вторую категорию составляет контингент адептов религий или конфессий (индивидуально в рамках групп по различным признакам, например, по степени регулярности участия в религиозных обрядах и таинствах).

С информационно-статистической базой данных, позволяющей дать характеристику агентам религий, относящимся к первой категории, для исследований в области конфессионального регионоведения существенных трудностей нет. Причем это касается и случаев, когда полигоном для изучения вопросов конфессиональной тематики избраны не только зарубежные регионы, но и российские, поскольку количественные данные об объектах, например, культовой инфраструктуры, доступны на официальных сайтах митрополий, епархий и других территориально-административных единиц или органов управления религиозных организаций. Этого же нельзя сказать о второй составляющей структуры конфессионального геопространства, касающейся численности адептов религий и их направлений. В данном случае прослеживается явное преимущество для зарубежных хорологических исследований религиозной сферы, обусловленное историческими, политическими, правовыми факторами.

На территории нашего государства, в отличие, например, от многих стран Европы, сбор и обработка подобного рода данных если и осуществляется, то очень редко, фрагментарно и не систематично. Совсем по-другому в этом плане выглядит зарубежный опыт. Например,

идентификация по религиозной принадлежности определяется благодаря перечню вопросов переписи населения многих экономически развитых стран с поликонфессиональной структурой населения (Германия, Швейцария, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.). Переписи могут фиксировать только религиозную принадлежность респондента (христианство, ислам и т. д.) или содержать вопрос, уточняющий конфессию или деноминацию. Вопросы, которые позволили бы определить степень и частоту участия в религиозных обрядах и таинствах, судить о степени приверженности к религиозному учению, в бланк опроса переписи населения не включены, поэтому ее результаты не позволяют объективно оценить уровень религиозности адептов религий.

Значимым является тот факт, что в странах зарубежной Европы и некоторых других регионов, религиозным организациям законодательно предписывается ежегодная публикация на официальных ресурсных базах сети Интернет отчетов, отражающих результаты их социальной, финансовой деятельности, а также численность членов религиозных организаций и количество совершаемых за период религиозных обрядов и таинств. Часто такая система сбора и опубликования религиозной статистики касается стран, где одна (Великобритания) или несколько (Финляндия) религиозных организаций обладают государственным статусом или окончательно утратили его недавно (как это произошло в Норвегии в 2017 г.). Так, согласно последним опубликованным отчетным данным за 2018 г. Государственной Христианской Церкви Англии (ГХЦА), на территории Англии было совершено 37 тыс. венчаний (церковный брак, венчаный ГХЦА, обладает юридической силой); более 169,5 тыс. крещений и более 127,5 тыс. погребальных обрядов. Согласно статистике, число родившихся за этот год в Англии составило чуть более 625 тыс. чел., а умерших – около 506 тыс., значит, в церковных обрядах, сопровождающих рождение и смерть, участвовали чуть более 25 % населения[4]. Несмотря на столь невысокие показатели, ГХЦА остается самой значимой религиозной организацией в стране.

В зарубежной Европе есть примеры стран, где все религии равны перед законом и особым статусом не обладает ни одна из них, но религиозные организации предоставляют данные о своей деятельности в открытом доступе. В Северной Европе примером реализации такого опыта является Эстония. Согласно данным официального отчета, Евангелическо-лютеранская церковь Эстонии (ЕЛЦЭ) насчитывала в 2017 г. около 160 тыс. прихожан, что составляет чуть более 10 % от общей численности населения страны. В этом же году ее духовенством было крещено чуть более 1 600 чел., обвенчана 351 пара, совершено более

[4] Statistics for Mission. P. 32–36.

2,6 тыс. погребальных обрядов[5]. Сопоставляя эту информацию с данными демографической статистики (число родившихся в Эстонии за 2017 г. составляет около 14 тыс. чел.), получаем, что крещение в лютеранство приняли менее 12 % родившихся. Традиции диктуют совершение этого церковного таинства в младенческом возрасте, но среди людей, участвовавших в крещении, могли быть и лица иного возраста, пусть и в небольшой доле. На основании анализа отчетных данных можно сделать вывод о том, что население Эстонии подвержено влиянию процессов секуляризации в гораздо большей мере, чем другие страны Северной Европы, так как доля членов Лютеранской церкви в Швеции и Финляндии в этот же период составляет примерно 60 и 74 % соответственно. Получается, что сопоставление статистических данных создает предпосылки к выделению разных моделей развития и функционирования конфессионального пространства Северной Европы на современном этапе развития общества.

Финляндия является редким для современных государств зарубежной Европы примером, где две национальные Церкви – Финская лютеранская церковь (ФЛЦ) и Финская православная церковь (ФПЦ) – представлены членами приходских общин в очень разных долях (около 74,0 и 1,5 % от численности населения станы соответственно по данным 2015 г.), но равны в правах и функционируют как государственные учреждения с особым закрепленным законодательно статусом. Это проявляется в системе обязательного церковного налогообложения, легитимности церковного брака, законодательно предписанном опубликовании официальных данных о численности прихожан и т. д.

Статистические данные, отражающие деятельность христианских Церквей стран зарубежной Европы, содержат не только сведения о половозрастной структуре членов общины, но и об их участии в религиозных обрядах и таинствах за период отчетного года. Сопоставление последних двух групп показателей как раз свидетельствует о том, что религиозная самоидентификация (членство в религиозной организации, даже декларируемое официально) в большинстве случаев не подтверждается религиозно обусловленным поведением. Это обстоятельство дает основание подразделять религиозных адептов на группы по степени и частоте их участия в богослужебной жизни. Так, можно выделить следующие группы: «практикующие» верующие, регулярно участвующие в богослужениях; приступающие к обрядам и таинствам (если речь идет о христианстве); формально осознающие свое членство в религиозной общине. Соотношение и численность представителей этих групп – важная составляющая характеристики конфессионального пространства страны или региона.

[5] Eesti Evangeelne Luterlik Kirik: majandusaasta aruane. URL: http://www.eelk.ee/wp-content/uploads/2018/10/28.06.2018-EELK-Äriregistri-aruanne.pdf.

Обширная и тематически разнообразная статистическая база зарубежных религиозных институтов и возможности для применения большого числа научных методов и инструментов создают предпосылки для широкого круга исследований в рамках конфессионального направления зарубежного регионоведения. Среди них наметились два подхода, условно обозначенные как институционально-территориальный и религиозно-ландшафтный.

Основой для первого подхода служат специфика религиозно-административного деления преобладающих в стране или регионе религиозных организаций. Его применение целесообразно и легко осуществимо в религиозно-хорологических исследованиях, предметом которых выступают конфессии, характеризующиеся жесткой территориально-административной структурой, состоящей из иерархически соподчиненных единиц. Традиции христианства (в первую очередь католичества, православия, лютеранства, англиканства) диктуют необходимость формирования конфессионально-институционального пространства относящихся к нему религиозных организаций именно на этой основе. Поэтому закономерно преобладание обозначенного подхода при изучении зарубежных стран и регионов, которые являются историческими или демографическими центрами этой религии (Зарубежной Европы, Латинской Америки, Филиппин).

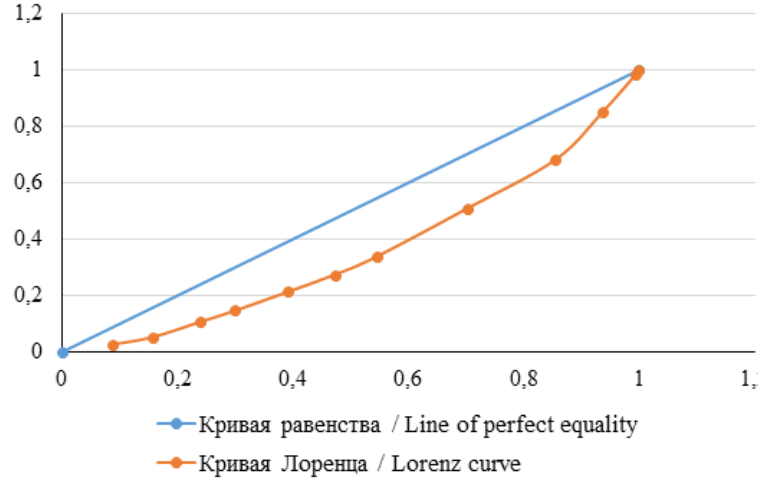
Как правило, под церковно-административными единицами христианских деноминаций на региональном уровне подразумеваются епархии (как частный вариант, отражающий статус управляющего епископа – архиепархии), их объединения – митрополии или церковные провинции, а также другие аналоги территориальных элементов управления регионального уровня (апостольские администратуры и т. д.). В свою очередь, упомянутые церковно-административные единицы подразделяются на дробные, приблизительно соответствующие районному уровню в государственно-административном делении – благочиния, деканаты и т. п. В качестве низовой территориальной единицы в христианских конфессиях выступают церковные приходы и разные виды приходских объединений [9; 16].

Результаты анализа процессов и явлений в рамках этого подхода, сводящиеся к выявлению тенденций к разукрупнению, или объединению, или упразднению церковно-административных единиц, могут служить индикаторами состояния конфессионального пространства на национальном или региональном уровнях. Так, секуляризационные процессы, характерные для стран Северной Европы, находят отражение в сокращении числа приходов ФЛЦ в динамике: если в 2008 г. их количество было 515, то в 2015 г. оно уменьшилось до 412, т. е. примерно на 20 %. Это не могло не отразиться и на территориально-административной

структуре крупнейшей в Финляндии религиозной организации: в одной из ее епархий (Эспоо) было упразднено целое благочиние [16, с. 156].

Институционально-территориальный подход к изучению конфессионального пространства зарубежных государств, помимо данных для анализа и последующего обоснования выводов о тенденциях развития трансформационных внутренних процессов, предоставляет также широкие возможности для применения математико-статистического инструментария в конфессиональном зарубежном регионоведении.

Одним из примеров реализации этих методов может служить расчет показателей коэффициентов неравномерности и преимущества (формулы приведены ниже), позволяющий судить о степени равномерности размещения объектов культовой инфраструктуры на территории страны или региона. В качестве илюстрации выбрана одна из провинций (архиепархий) ГХЦА – Йорк. Равномерность распределения ее приходов по отдельным епархиям отражена на рисунке 1, составленном по расчетно-статистическим данным таблицы 1.

Р и с у н о к. Равномерность распределения приходов ГХЦА (архиепархия Йорк), кривая Лоренца

F i g u r e. Uniformity of distribution of parishes of the Church of England (Archdiocese of York), the Lorenz curve

Таблица 1. **Коэффициент равномерности распределения приходов ГХЦА (архиепархия Йорк)**[6]

Table 1. **Coefficient of uniformity of distribution of the parishes of the Church of England (Archdiocese of York)**

Диоцез / Diocese	Площадь диоцеза, кв. мили / Diocese area (square miles)		Число приходов / Number of parishes		$К_и$ / Coefficient of unevenness	$К_{пр}$ / Coefficient of benefit	Ранг / Rank
	N	%	N	%			
Блекберн / Blackburn	930	6,04	235	8,1	-2,06	1,34	6
Карлайл / Carlisle	2 570	16,7	234	8,08	8,62	0,48	10
Честер / Chester	1 030	6,7	265	9,2	-2,5	1,37	5
Дарем / Durham	980	6,3	209	7,2	-0,9	1,14	7
Ливерпуль / Liverpool	390	2,5	197	6,8	-4,3	2,72	2
Манчестер / Manchester	420	2,7	257	8,9	-6,2	3,29	1
Ньюкасл / Newcastle	2 100	13,6	170	5,8	7,8	0,43	11
Шеффилд / Sheffield	610	3,9	174	6,008	-2,108	1,54	4
Содор и Мэн / Sodor and Man	220	1,4	15	0,51	0,89	0,36	12
Саузвелл и Ноттингем / Southwell and Nottingham	840	5,4	241	8,3	-2,9	1,54	3
Йорк / York	2 670	17,3	444	15,3	2,0	0,88	9
Лидс / Leeds	2 630	17,09	455	15,7	1,39	0,92	8
Итого / Total	15 390	100	2 896	100	20,7	–	–

Примечание: $К_и$ – коэффициент неравномерности, $К_{пр}$ – коэффициент преимущества.

[6] Statistics for Mission. URL: https://www.churchofengland.org/sites/default/files/201910/2018StatisticsForMission_0.pdf.

Расчет равномерности распределения приходов ГХЦА по территории провинции Йорка проводился по формуле:

$$W = \max (x_1)/\min (x_i),$$

где W – размах вариации между отстающим и преуспевающим регионом; x_i – значение анализируемого показателя социально-экономического развития.

$$W_s = 2670/220 \sim 12{,}1,$$

где W_s – размах вариации по площади.

$$W_{ч.п.} = 455/15 \sim 30{,}3,$$

где $W_{ч.п.}$ – размах вариации по числу приходов.

В данном случае результат расчетов и графическое отображение последних говорят о том, что приходы ГХЦА на территории 12 епархий меньшей из двух ее церковных провинций размещены довольно равномерно, что позволяет сделать вывод о равной степени доступности храмов для прихожан.

Особую значимость церковно-институциональный подход в конфессиональных исследованиях зарубежного регионоведения приобретает, когда речь идет о странах и регионах, структурная организация конфессионального пространства которых проявляется в том, что друг на друга в его границах накладываются элементы одной конфессии, объединенные одной вероучительной доктриной, но принадлежащие к разным национальным каноническим юрисдикциям. Яркий пример тому – наличие приходов Русской православной церкви Московского Патриархата на территории Финляндии, наряду с ФПЦ, подчиненной Константинопольскому Патриархату в статусе автономной Церкви последнего. Или наличие немецких лютеранских приходов в этой же стране, объединенных, наряду со всеми шведскоязычными приходам ФЛЦ, где бы они ни находились, под управлением епархии Порвоо. В таких случаях можно говорить о наличии экстерриториальных церковно-административных единиц, а причины, по которым они образованы, и их специфика в конфессиональном пространстве страны или региона могут быть рассмотрены отдельно.

Религиозно-ландшафтное направление в конфессиональном регионоведении также прочно занимает свою нишу. Теоретико-методологические основы для применения данного подхода на примере структурных элементов конфессионального пространства России в конце XX – начале XXI в. разрабатывал С. Г. Сафронов[7]. Его идеи в дальнейшем развивали

[7] Сафронов С. Г. Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / под ред. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. М., 2001. С. 443–460.

и реализовывали применительно к странам Балтийского региона и США А. Г. Манаков, В. С. Дементьев, Ю. В. Дворников, М. Б. Дементьева [11; 14] и другие исследователи.

Для основы хорологических исследований в области зарубежного конфессионального регионоведения, отражающих территориальную дифференциацию распространения объектов культовой инфраструктуры и особенности расселения адептов религий, можно рекомендовать к применению выделенную С. Г. Сафроновым типологию ареалов распространения конфессий, в рамках которой им обозначены следующие виды:

– сплошной (к нему можно отнести национальные лютеранские Церкви государств Северной Европы, Римско-католическую церковь Филиппин и Восточного Тимора, национальные структуры Римско-католической церкви в странах Латинской Америки, Западной и Южной Европы, религиозные организации и объединения даосизма, буддизма, конфуцианства в Китае, синтоизма в Японии);

– региональный (Ливерпуль как регион максимальной концентрации лиц католического исповедания в Англии; северные и южные регионы Германии с преобладанием в структуре населения лютеран и католиков соответственно);

– ячеистый (протестантские деноминации в США);

– точечный (приходы Русской православной церкви Московского Патриархата и Римско-католической церкви в Финляндии; православные приходы разных национальных канонических юрисдикций в странах Латинской Америки, США, зарубежной Европы);

– представительский (единично представленные религиозные организации, например, приход ГХЦА в Эстонии).

Также в рамках религиозно-ландшафтного направления исследований в области конфессионального пространства С. Г. Сафроновым[8] и сторонникам внедрения его научных идей [11] предлагается выделять конфессиональные плиты и их ядра (т. е. регионы, где доля адептов религии составляет более 50 %), образованые мировыми религиями или их конфессиями. Конфессиональная плита – это ареал компактного проживания этноса или группы этносов, для которых принадлежность к религии или конфессии выступает в качестве этнического признака. На стыке конфессиональных плит образуются контактные конфессиональные зоны, предполагающие полирелигиозный состав населения. Такой подход особенно актуален в изучении религий, которые имеют слабую выраженность институционального оформления, но применим и в других случаях. Указанные подходы к изучению конфессионального пространства не являются альтернативными и дополняют друг друга.

[8] Там же.

Предметная область конфессионального регионоведения очень широка. Помимо ставших традиционными тематических направлений – истории становления и развития религиозных вероучений на территории стран и регионов, особенностей размещения и территориальной организации объектов культовой инфраструктуры и т. д. – в последние годы она стала включать почти не свойственные ранее, но очень актуальные аспекты. К ним можно отнести экономическую и социальную деятельность религиозных организаций и их влияние на развитие страны или региона.

Вариант анализа экономической деятельности ГХЦА рассмотрен на примере епархии Саузвелл и Ноттингем с опорой на данные ее финансового отчета (табл. 2)[9].

Таблица 2. **Основные показатели финансовой деятельности епархии Саузвелл и Ноттингем ГХЦА, 2016–2020 гг., тыс. фунтов стерлингов**

Table 2. **Key indicators of financial performance of the diocese of Southwell and Nottingham of the Church of England, 2016–2020, thousand pounds sterling**

Суммарный бюджет, 2018 г. / Budget summary 2018	2016	2017	2018	2019	2020
	Общий фонд / General fund				
	Фактический / Actual	Реальный / Budget	Реальный / Budget	Предполагаемый / Forecast	Предполагаемый / Forecast
1	2	3	4	5	6
Доходные ресурсы (доходы) / Incoming resources					
Акции церковного округа / Deanery share	5 853,4	5 957,0	5 983,2	6 162,8	6 325,0
Взносы церковно-уполномоченных / Contributions from church commissioners	1 503,7	1 647,6	2 079,2	1 690,5	1 583,3
Доходность инвестиций / Returns on investments	720,5	889,7	852,8	861,2	870,0
Прочие доходы / Other income	749,4	841,1	863,4	876,7	890,1
Итого доходных ресурсов / Total incoming resources	8 827,0	9 335,4	9 778,6	9 591,2	9 668,4

[9] Southwell & Nottingham Diocesan Synod BUDGET 2018 &FORECASTS 2019 & 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://southwell.anglican.org/wp-content/uploads/2018/10/Approved-Budget-2019-for-website.pdf (дата обращения: 29.10.2019).

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6
	Расходы / Resources expended				
Затраты на оплату труда / People costs	7 594,3	7 883,0	8 252,3	8 453,4	8 635,1
Другие вспомогательные расходы / Other support costs	615,9	867,9	1 353,7	894,8	910,1
Итого / Total	8 210,2	8 750,9	9 606,0	9 348,2	9 545,2
Государственные церковные расходы / National church costs	451,9	581,2	609,7	593,5	620,4
Итого расходы / Total resources expended	8 662,1	9 332,1	10 215,7	9 941,7	10 165,6
Дефицит (-), профицит (+) за год / Deficit (-) / surplus (+) for the year to (+) / from (-) general fund reserves	+164,9	+3,3	-437,1	-350,5	-497,2

Анализ итогов финансовой деятельности 2017 г. и планирования бюджета на 2018 г. позволяют наблюдать рост доходных ресурсов епархии с 9 335,4 тыс. фунтов стерлингов до 9 778,6 тыс. фунтов стерлингов, что говорит об увеличении доходов на 443,2 тыс. фунтов стерлингов. Расходы в этот период составляют 9 332,1 тыс. и 10 215,7 тыс. фунтов стерлингов, что также показывает увеличение расходов на 883,6 тыс. фунтов стерлингов. То есть мы можем сделать вывод, что при росте доходов в период с 2017 по 2018 г. расходы увеличиваются быстрее. В итоге на 2018 г. планируется дефицит бюджета в 437,1 тыс. фунтов стерлингов.

Рассмотрение данных финансового отчета позволяет сделать вывод о том, что рост расходов за изучаемый период связан, преимущественно, с затратами на оплату труда и реализацию следующих проектов епархии:

– обучение миссионерской деятельности и ее осуществление;

– подготовка и реализация работы приходских катехизаторских курсов;

– поддержка нуждающихся в средствах приходов.

В целом очевидно стремление управляющих епархиальных органов к расширению миссионерской деятельности, задействованию еще большего числа ресурсов, в том числе трудовых, чтобы привлечь новых прихожан. При анализе отчетов можно отметить тенденцию к росту доходов и расходов, но все же расходы будут расти в большей степени, чем доходы, что и объясняется вышеперечисленными причинами.

На национальном уровне анализ финансовых отчетов с использованием принятого в экономической науке инструментария позволяет делать

обоснованные выводы не только о степени успешности финансовой политики религиозной организации, но и судить о процессах и явлениях, характеризующих конфессиональное геопространство, компонентом которого она является.

Обсуждение и заключение. Конфессиональное направление исследований в зарубежном регионоведении выступает в качестве оформившейся отрасли научных знаний, предметная область которой характеризуется как необычайно многогранная в своих проявлениях. Для ее дальнейшего развития требуется расширение межпредметных связей с использованием методов и инструментария разных отраслей знаний, особенно математико-статистических и иных, принятых в региональных направлениях исследований. Безусловным преимуществом в развитии зарубежного конфессионального регионоведения, по сравнению с отечественным, выступает наличие применительно ко многим (особенно европейским) религиозным институтам и организациям в свободном доступе официальных статистических данных, отражающих их социальную и экономическую деятельность, поэтому две последние предметные области можно отнести к особенно перспективным для дальнейших исследований.

Последнее послужит формированию более объективной и аргументированной оценки процессов, характеризующих конфессиональное пространство зарубежных стран и регионов.

Разработанные отечественными учеными хорологические подходы к изучению конфессионального пространства также могут быть широко использованы применительно к зарубежным странам и регионам. Поэтому, подходя к выбору методов исследования в данной предметной области, необходимо учитывать региональную или национальную специфику, а также особенности вероучительной доктрины представленных в рамках полигона изучения религий и конфессий.

Практическая значимость зарубежных конфессионально-хорологических исследований заключается в том, что их результаты могут быть использованы в рамках расширяющихся в наше время межконфессиональных отношений, в том числе в области культурного и экономического сотрудничества между российскими и иностранными религиозными организациями. Кроме того, религиозный фактор обусловливает многие ментальные, социально-культурные характеристики населения, а также проявляется в правовой, экономической и иных сферах общественной жизни, поэтому его нужно учитывать в международных коммуникациях.

Опыт зарубежных религиозных институтов, отраженный в научных исследованиях, может быть полезен в условиях современной российской действительности на государственном уровне и на уровне отдельных религиозных организаций при учете того факта, что отечественное религиозное пространство после долгих десятилетий атеистической про-

паганды советского периода развивается динамично, но некоторые его структурные особенности до сих пор не устоялись и не оформились.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барыгин, И. Н. Теория международных отношений и регионоведение в контексте основных научных парадигм / И. Н. Барыгин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2005. – Т. 1, № 3. – С. 114–123. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-mezhdunarodnyh-otnosheniy-i-regionovedenie-v-kontekste-osnovnyh-nauchnyh-paradigm/viewer (дата обращения: 23.10.2019).

2. Смирнова, Г. Е. Социокультурное регионоведение: к проблеме метода / Г. Е. Смирнова. – DOI 10.7256/2306-0174.2013.6.645 // Философская мысль. – 2013. – № 6. – С. 530–544. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=645 (дата обращения: 23.10.2019).

3. Горохов, С. А. Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий / С. А. Горохов. – DOI 10.15356/0373-2444-2014-2-21-30 // Известия Российской Академии Наук. Серия географическая. – 2014. – № 2. – С. 21–30. – URL: https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/46 (дата обращения: 23.10.2019).

4. Василькова, Е. А. Понятие «регион» и современные тенденции развития регионализма / Е. А. Василькова // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2018. – № 2 (28). – С. 54–58. – URL: https://cloud.mail.ru/public/mjTy/x54YLpQtf/28_Vestnik_TIUE_2_2018.pdf (дата обращения: 23.10.2019).

5. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» / А. П. Клемешев, Т. Пальмовский, Т. Студжиницки [и др.]. – DOI 10.5922/2074-9848-2017-4-1 // Балтийский регион. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 7–28. – URL: https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1 (дата обращения: 23.10.2019).

6. Кикоть, В. И. Теоретические аспекты формирования понятия «регион» / В. И. Кикоть // Экономика строительства и природопользования. – 2017. – № 2 (63). – С. 61–65. – URL: http://science.cfuv.ru/nauchnye-zhurnaly-kfu/ekonomika-stroitelstva-i-prirodopolzovaniya/arxiv-2016-2 (дата обращения: 23.10.2019).

7. Максимцев, И. А. Зарубежное регионоведение: вопросы теории и информационного обеспечения / И. А. Максимцев, Н. М. Межевич, В. М. Разумовский // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 5-1 (119). – С. 7–14. – URL: https://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/arhiv-nomerov (дата обращения: 23.10.2019).

8. Богатова, О. А. Деятельность социально ориентированных организаций Русской православной церкви: региональные аспекты. – DOI 10.15507/2413-1407.107.027.201903.489-512 / О. А. Богатова, Е. И. Долгаева, А. В. Митрофанова // Регионология. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 489–512. – URL: http://regionsar.ru/en/node/1793 (дата обращения: 23.10.2019).

9. Балабейкина, О. А. Англиканская Церковь: экономический, правовой, территориальный аспекты проявления конфессиональной деятельности в Великобритании / О. А. Балабейкина, Д. Н. Лавхаева // Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – № 1. – С. 91–98. – URL: http://giefjournal.ru/sites/default/files/014._6.pdf (дата обращения: 23.10.2019).

10. Данненберг, А. Н. Организационные основы латиноамериканского католицизма: история и современность / А. Н. Данненберг // Миссия конфессий. – 2018. – Т. 7, № 1 (28). – С. 12–21. – URL: http://confessions-word.ru/index.php/zhurnaly/28 (дата обращения: 23.10.2019).

11. Манаков, А. Г. Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона / А. Г. Манаков, В. С. Дементьев. – DOI 10.5922/ 2078-8555-2019-1-7 // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 92–108. – URL: https://journals.kantiana.ru/baltic_region/4175/12478/ (дата обращения: 23.10.2019).

12. Захаров, И. А. Роль миссионерских станций в распространении христианства в Северо-Западной Африке / И. А. Захаров // Региональные исследования. – 2018. – № 4. – С. 36–43. – URL: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (дата обращения: 23.10.2019).

13. Захаров, И. А. Динамика конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI в. / И. А. Захаров // Человек: образ и сущность. – 2019. – № 1 (36). – С. 97–112. – URL: https://human-inion.org/article.php?id=80 (дата обращения: 23.10.2019).

14. Дворников, Ю. В. Религиозный ландшафт США как совокупность геосистем / Ю. В. Дворников, М. Б. Дементьева // Псковский регионологический журнал. – 2017. – № 4 (32). – С. 16–30. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30539826 (дата обращения: 25.10.2019).

15. Балабейкина, О. А. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации / О. А. Балабейкина, В. Л. Мартынов. – DOI 10.5922/2074-9848-2017-3-6 // Балтийский регион. – 2017. – № 3. – С. 113–126. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30539826 (дата обращения: 25.10.2019).

16. Балабейкина, О. А. Лютеранство в Финляндии: историческая география и современность / О. А. Балабейкина, В. Л. Мартынов. – DOI 10.5922/2074-9848-2015-4-9 // Балтийский регион. – 2015. – № 4. – С. 150–161. – URL: https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-9 (дата обращения: 25.10.2019).

17. Шведова, В. В. Становление географии религий как научной дисциплины в общественно-географической познавательной области / В. В. Шведова // Вестник приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2015. – № 4 (21). – С. 113–124. – URL: http://pgusa.ru/ru/vestnik/arhiv/stanovlenie-geografii-religiy-kak-nauchnoy-discipliny-v-obshchestvenno-geograficheskoy (дата обращения: 25.10.2019).

18. Савицкая, О. Н. Теоретико-методологические проблемы изучения религиозного ландшафта / О. Н. Савицкая, М. П. Назарова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 4 (117). – С. 158–162. – URL: http://izvestia.vspu.ru/jurnal/365 (дата обращения: 25.10.2019).

19. Peri-Rotem, N. Religion and Fertility in Western Europe: Trends Across Cohorts in Britain, France and the Netherlands / N. Peri Rotem. – DOI 10.1007/s10680-015-9371-z // European Journal of Population. – 2016. – Vol. 32, issue 2. – Pp. 231–265. – URL: https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10680-015-9371-z (дата обращения: 25.10.2019).

20. Durmus, B. The Effect of Culture on Food Consumption; a Case of Special Religious Days in Turkey / B. Durmus, D. Shipman. – DOI 10.5539/jfr.v6n2p92 // Journal of Food Research. – 2017. – Vol. 6, no. 2. – Pp. 92–99. – URL: http://www.ccsenet.org/journal/index.php/jfr/article/view/63511 (дата обращения: 25.10.2019).

21. Campante, F. Does Religion Affect Economic: Growth and Happiness? Evidence from Ramadan / F. Campante, D. Yanagizawa-Drott. – DOI 10.2139/ssrn.2410395 // Quarterly Journal of Economics. – 2015. – Vol. 130. – Pp. 615–658. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2410395 (дата обращения: 25.10.2019).

22. Makris, G. The Greek Orthodox Church and the Economic Crisis Since 2009 / G. Makris, D. Bekridakis. – DOI 10.1080/1474225X.2013.793055 // International Journal for the Study of the Christian Church. – 2013. – Vol. 13, issue 2. – Pp. 111–132. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1474225X.2013.793055 (дата обращения: 25.10.2019).

23. Jarnecki, M. Kwestie i spory religijne na terenie Rusi Zakarpackiej w czechoslowackim epizodzie jej dziejów / M. Jarnecki, M. Palinczak. – DOI 10.11649/sn.2014.025 // Sprawy Narodowosciowe, Seria nowa. – 2014. – No. 45. – S. 88–105. – URL: https://is-pan.waw.pl/journals/index.php/sn/article/view/sn.2014.025 (дата обращения: 25.10.2019).

24. Batalla, E. V. Church-State Separation and Challenging Issues Concerning Religion / E. V. Batalla, R. Baring. – DOI 10.3390/rel10030197 // Religions. – 2019. – Vol. 10, issue 3. – P. 197. – URL: https://www.mdpi.com/2077-1444/10/3/197 (дата обращения: 25.10.2019).

25. Cornelio, J. S. Priesthood Satisfaction and the Challenges Priests Face: A Case Study of a Rural Diocese in the Philippines / J. S. Cornelio. – DOI 10.3390/rel3041103 // Religions. – 2012. – Vol. 3, issue 4. – Pp. 1103–1119. – URL: https://www.mdpi.com/2077-1444/3/4/1103 (дата обращения: 25.10.2019).

26. Manuel, P. Ch. Faith-Based Organizations and Social Welfare: Associational Life and Religion in Contemporary Western Europe / P. Ch. Manuel, M. Glatzer. – DOI 10.1007/978-3-319-77297-4. – London : Palgrave Macmillan, 2019. – 232 p. – URL: https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-77297-4 (дата обращения: 25.10.2019).

27. Queen, E. History, Hysteria, and Hype: Government Contracting with Faith-Based Social Service Agencies / E. Queen. – DOI 10.3390/rel8020022 // Religions. – 2017. – Vol. 8, issue 2. – P. 22. – URL: https://www.mdpi.com/2077-1444/8/2/22 (дата обращения: 25.10.2019).

28. Volunteering in Religious Congregations and Faith-Based Associations / R. A. Cnaan, S. Zrinš˘cak, H. Grönlund [et al.]. – DOI 10.1007/978- 1-137-26317-9_23 // The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations / Edited by D. S. Horton, R. A. Stebbins, J. Grotz. – London : Palgrave Macmillan, 2016. – Pp. 472–494. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-137-26317-9_23 (дата обращения: 25.10.2019).

29. Лопаткин, Р. А. Социологическая интерпретация понятия «религиозная ситуация» / Р. А. Лопаткин. – Текст: непосредственный // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2004. – № 1–2. – С. 79–89.

Поступила 09.11.2019; принята к публикации 13.12.2019; опубликована онлайн 31.03.2020.

Об авторе:

Балабейкина Ольга Александровна, доцент кафедры региональной экономики и природопользования ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (191023, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая,

д. 21), кандидат географических наук, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9520-8880, olga8011@yandex.ru

Для цитирования:
Балабейкина, О. А. Конфессиональное зарубежное регионоведение как направление исследований / О. А. Балабейкина. – DOI 10.15507/2413-1407.110.028.202001.111-132 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 111–132.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Barygin I.N. International Relations Theory and Regional Researches in Context of Basic Scientific Paradigms. *Politicheskaya ehkspertiza POLITEKS* = Political Expertise: POLITEKS. 2005; 1(3):114-123. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-mezhdunarodnyh-otnosheniy-i-regionovedenie-v-kontekste-osnovnyh-nauchnyh-paradigm/viewer (accessed 23.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Smirnova G.E. Socio-Cultural Area Studies: Concerning the Problem of Method. *Filosofskaya mysl* = Philosophical Thought. 2013; (6):530-544. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.7256/2306-0174.2013.6.645

3. Gorokhov S.A. Confessional Geospace as the Object of Study of Geography of Religions. *Izvestiya Rossijskoj Akademii Nauk. Seriya geograficheskaya* = Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series. 2014; (2):21-30. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.15356/0373-2444-2014-2-21-30

4. Vasilkova E.A. The Concept of "Region" and Modern Trends in the Development of Regionalism. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ehkonomik* = Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2018; (2):54-58. Available at: https://cloud.mail.ru/public/mjTy/x54YLpQtf/28_Vestnik_TIUE_2_2018.pdf (accessed 23.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

5. Klemeshev A.P., Korneevets V.S., Palmowski T., Studzieniecki T., Fedorov G.M. Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region. *Baltijskij region* = Baltic Region. 2017; 9(4):7-28. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1

6. Kikot V.I. Theoretical Aspects of Forming the Concept of "Region". *Ehkonomika stroitelstva i prirodopolzovaniya* = Construction Economic and Environmental Management. 2017; (2):61-65. Available at: http://science.cfuv.ru/nauchnye-zhurnaly-kfu/ekonomika-stroitelstva-i-prirodopolzovaniya/arxiv-2016-2 (accessed 23.10.2019). (In Russ.)

7. Maksimtsev I.A. Mezhevich N.M., Razumovsky V.M. Foreign Regional Studies: Questions of Theory and Communication Strategy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta* = Bulletin of St. Petersburg State University of Economics. 2019; (5-1):7-14. Available at: https://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/arhiv-nomerov (accessed 23.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

8. Bogatova O.A., Dolgaeva E.I., Mitrofanova A.V. Activities of the Socially Oriented Organizations of the Russian Orthodox Church: The Regional Aspects. *Re-*

gionologiya = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(3):489-512. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.489-512

9. Balabeykina O.A., Lavkhaeva D.N. Anglican Church: Economic, Legal, Spatial Dimensions of Religious Activities in Great Britain. *Zhurnal pravovykh i ehkonomicheskih issledovanij* = Journal of Legal and Economic Studies. 2018; (1):91-98. Available at: http://giefjournal.ru/sites/default/files/014._6.pdf (accessed 23.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

10. Dannenberg A.N. Organizational Foundations of Latin American Catholicism: History and Present Time. *Missiya konfessij* = Mission Confessions. 2018; 7(1):12-21. Available at: http://confessions-word.ru/index.php/zhurnaly/28 (accessed 23.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Manakov A.G., Dementiev V.S. Territorial Structure of the Denominational Space of the South-East Baltic. *Baltijskij region* = Baltic Region. 2019; 11(1):92-108. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-7

12. Zakharov I.A. The Role of Missionary Stations for Christianity Expansion in North-Western Africa. *Regionalnye issledovaniya* = Regional Studies. 2018; (4):36-43. Available at: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (accessed 23.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Zakharov I.A. The Dinamics of African Confessional Space Since the Beginning of the 20th Century. *Chelovek: obraz i sushchnost* = Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects. 2019; (1):97-112. Available at: https://human-inion.org/article.php?id=80 (accessed 23.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Dvornikov Yu.V., Dementieva M.B. The Religious Landscape of the United States as a Set of Religious Geosystems. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* = Pskov Journal of Regional Studies. 2017; (4):16-30. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=30539826 (accessed 25.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Balabeykina O.A., Martynov V.L. The Denominational Space of Modern Sweden: Christianity. *Baltijskij region* = Baltic Region. 2017; (3):113-126. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-3-6

16. Balabeykina O.A., Martynov V.L. Lutheranism in Finland: Past and Present. *Baltijskij region* = Baltic Region. 2015; (4):150-161. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-9

17. Shvedova V.V. Formation of Geography of Religion as a Scientific Discipline of Social Geographical Cognitive Area. *Priamurskij gosudarstvennyj universitet im. Sholom-Alejhema* = Sholem Aleichem Amur State University. 2015; (4):113-124. Available at: http://pgusa.ru/ru/vestnik/arhiv/stanovlenie-geografii-religiy-kak-nauchnoy-discipliny-v-obshchestvenno-geograficheskoy (accessed 25.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

18. Savitskaya O.N., Nazarova M.P. Theoretical and Methodological Problems of Religious Landscape Study. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2017; (4):158-162. Available at: http://izvestia.vspu.ru/jurnal/365 (accessed 25.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Peri-Rotem N. Religion and Fertility in Western Europe: Trends Across Cohorts in Britain, France and the Netherlands. *European Journal of Population*. 2016; 32(2):231-265. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/s10680-015-9371-z

20. Durmus B., Shipman D. The Effect of Culture on Food Consumption; A Case of Special Religious Days in Turkey. *Journal of Food Research*. 2017; 6(2):92-99. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.5539/jfr.v6n2p92

21. Campante F., Yanagizawa-Drott D. Does Religion Affect Economic: Growth and Happiness? Evidence from Ramadan. *Quarterly Journal of Economics*. 2015; 130:615-658. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.2139/ssrn.2410395

22. Makris G., Bekridakis D. The Greek Orthodox Church and the Economic Crisis Since 2009. *International Journal for the Study of the Christian Church*. 2013; 13(2):111-132. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080/1474225X.2013.793055

23. Jarnecki M., Palinczak M. Religious Problems and Disputes in Transcarpathian Russia in the Czechoslovak Episode of its History. *Sprawy Narodowosciowe. Seria nowa.* = Nationality Affairs. New Series. 2014; (45):88-105. (In Polish, abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.11649/sn.2014.025

24. Batalla E.V., Baring R. Church-State Separation and Challenging Issues Concerning Religion. *Religions*. 2019; 10(3). (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.3390/rel10030197

25. Cornelio J.S. Priesthood Satisfaction and the Challenges Priests Face: A Case Study of a Rural Diocese in the Philippines. Religions. 2012; 3(4):1103-1119. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.3390/rel3041103

26. Manuel P.Ch., Glatzer M. Faith-Based Organizations and Social Welfare: Associational Life and Religion in Contemporary Western Europe. London: Palgrave Macmillan; 2019. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-77297-4

27. Queen E. History, Hysteria, and Hype: Government Contracting with Faith-Based Social Service Agencies. *Religions*. 2017; 8(2). (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.3390/rel8020022

28. Cnaan R.A., Zrinš˘cak S., Grönlund H., et al. Volunteering in Religious Congregations and Faith-Based Associations. In: D.S. Horton, R.A. Stebbins, J. Grotz, editors. The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations. London: Palgrave Macmillan, 2016; p. 472-494. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-137-26317-9_23

29. Lopatkin R.A. [Sociological Interpretation of the Concept of 'Religious Situation']. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* = State, Religion and Church in Russia and Worldwide. 2004; (1–2):79-89. (In Russ.)

Submitted 09.11.2019; accepted for publication 13.12.2019; published online 31.03.2020.

About the author:

Olga A. Balabeykina, Associate Professor, Department of Regional Economics and Nature Management, St. Petersburg State University of Economics (21 Sadovaya St., St. Petersburg 191023, Russia), Ph. D. (Geography), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9520-8880, olga8011@yandex.ru

For citation:

Balabeykina O.A. Confessional Foreign Regional Studies as a Field of Research. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(1):111-132. DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.111-132

The author has read and approved the final version of the manuscript.

RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES

УДК 325.1(470+571)

http://regionsar.ru
ISSN 2587-8549 (Print)
ISSN 2413-1407 (Online)

DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158

Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы

Н. А. Пруель[1] **Л. Н. Липатова**[2*] **В. Н. Градусова**[2]

[1] ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия)
[2] Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия),
[*] ln.lipatova@yandex.ru

Введение. В последние годы многие европейские страны, столкнувшиеся со значительным притоком мигрантов, испытывают экономические и социальные проблемы. Перераспределение населения – объективный процесс. С территориальной подвижностью людей могут быть сопряжены как личные, так и общественные трудности, поэтому важно предусмотреть возможные негативные последствия массовых миграций. Цель статьи – провести анализ миграционных потоков в современной России и выявить возможные угрозы экономической безопасности и социальной стабильности, связанные с миграцией населения
Материалы и методы. Использованы данные Росстата, публикации ученых, занимающихся исследованием данной проблемы. Применялись методы системного подхода, демографического анализа, сравнительного анализа, обобщения и интерпретации полученных результатов, контент-анализ.
Результаты исследования. На основе данных официальной статистики и экспертных оценок проведен анализ ситуации в сфере миграции населения в России, выявлены основные направления перераспределения населения, обоснована необходимость корректировки социально-экономической политики в регионах, испытывающих значительный миграционный оборот. Предложен комплекс мер, направленных на уменьшение эмиграции молодежи из российских регионов.

© Пруель Н. А., Липатова Л. Н., Градусова В. Н., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Сделаны выводы о возможном усилении негативного влияния миграционных процессов на социально-экономическое развитие Российской Федерации в целом и отдельных регионов в частности. Это требует детального изучения миграционных процессов в целях принятия мер по оптимизации миграционных потоков и корректировке социально-экономической политики. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при разработке и корректировке программ социально-экономического развития.

Ключевые слова: международная миграция, внутренняя миграция, миграция молодежи, экономическая безопасность, социальная стабильность, трудовой потенциал, рынок труда, государственная социально-экономическая политика

Migration in Modern Russia: Scope, Main Directions and Problems

N. A. Pruel[a], L. N. Lipatova[b*], V. N. Gradusova[b]
[a] *St. Petersburg State University* (*St. Petersburg, Russia*)
[b] *North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration* (*St. Petersburg, Russia*),
[*] *ln.lipatova@yandex.ru*

Introduction. In recent years, many European countries faced with a significant influx of migrants have experienced economic and social problems. Although redistribution of population is an objective process, both personal and social difficulties can be associated with territorial mobility of people. Therefore, it is important to foresee the possible negative consequences of mass migration. The purpose of this piece of research is to analyze migration flows in modern Russia and identify possible threats to economic security and social stability associated with migration.
Materials and Methods. The study employed the data from the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat), as well as papers by scientists involved in the study of the problem considered. The systematic approach and the methods of the demographic analysis, comparative analysis, content analysis, generalization and interpretation of the results were adopted.
Results. Based on official statistics and expert estimates, an analysis of the situation in the field of migration in Russia has been carried out, the main directions of population redistribution have been identified, and the need for adjusting the socio-economic policy in the regions experiencing significant migration turnover has been substantiated. A set of measures aimed at reducing the emigration of young people from Russian regions has been proposed.
Discussion and Conclusion. Conclusions have been drawn about the possible increase in the negative impact of migration processes on the socio-economic development of the Russian Federation as a whole as well as that of individual regions in particular. This requires detailed study of migration processes in order to take measures to optimize migration flows and adjust socio-economic policies. The results of the study can be used by the authorities when planning and adjusting socio-economic development programs.

Keywords: international migration, internal migration, youth migration, economic security, social stability, labor potential, labor market, state socio-economic policy

Введение. Перемещение населения – способ жизнедеятельности человеческого общества. Меняя место проживания, люди издревле приспосабливались к условиям, которые им диктовала природа. В условиях глобализации масштабы миграции сильно возросли. На протяжении XX в. в мире наблюдалось интенсивное расширение миграционных потоков, которые к концу века превратились в важный фактор глобальных проблем, требующих иных подходов к миграционной политике для достижения и поддержания баланса интересов сторон, участвующих в регулировании миграционных процессов.

Острейший миграционный кризис в Германии, переросший в кризис экономический, вызвал миграционный прирост на уровне 10–15 чел. на 1 000 чел. населения, хотя страна к этому готовилась, а точнее – стремилась в надежде улучшить демографическую ситуацию и наполнить рынок труда дешевой рабочей силой. Великобритания отгораживается от других стран Европы, столкнувшись с этой проблемой на уровне 3–5 чел. миграционного прироста на 1 000 жителей. Италия и Греция испытывают серьезные проблемы при значении коэффициента миграционного прироста 1 чел. на 1 000 чел. населения. В США на высшем уровне говорится о вызванном миграцией гуманитарном кризисе и реальной готовности возвести стену на границе с Мексикой («Великая стена Трампа»), испытывая миграционную нагрузку 2,2 чел. на 1 000 чел. населения. Продолжается строительство Израильского разделительного барьера, хотя коэффициент миграционного прироста в этой стране невысок и сопоставим с российским уровнем[1].

В России начало XXI в. характеризовалось ростом миграции населения, начавшейся в конце предыдущего столетия в связи с распадом СССР. Ограничивать перемещения людей между странами, как показывает опыт Европы, испытывающей приток мигрантов из Азии и Африки, сложно, а внутри страны нельзя. Однако при разработке социально-экономической политики необходимо иметь в виду, что миграция может нанести урон экономике страны, поставить под угрозу социальную стабильность и вызвать изменения политического характера, что может серьезно затруднить продвижение государства по пути устойчивого социально-экономического развития. Ситуация в европейских странах, столкнувшихся с проблемой миграции, подтверждает данный факт.

В этой связи усиливается актуальность научных исследований миграционной активности населения. Цель данной статьи – установить параметры и направления миграции в России, определить проблемы, с которыми могут столкнуться регионы, активно участвующие в перераспределении населения, а также предложить пути их решения.

[1] Россия и страны мира: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 53.

Обзор литературы. Большой вклад в изучение мотивов, масштабов, направлений и последствий массового перераспределения населения внесли зарубежные ученые географы Э. Г. Равенштайн[2], В. Зелински[3], социологи С. Стоффер[4], Д. Массей [1], Э. С. Ли[5], филолог Д. К. Зипф[6] и представители других наук. Э. С. Ли, развивая концепцию Э. Г. Равенштайна, отмечал, что с местом прибытия и выбытия связаны как позитивные, так и негативные факторы. К первым он относит стремление воссоединиться с семьей, повысить качество жизни своей семьи и др., а к негативным обстоятельствам, сказывающимся на принятии решения о смене места жительства, – многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются люди при переезде[7].

Предметом изучения в данной статье стала экономическая сторона миграционных процессов. Современные исследователи миграционных потоков подчеркивают их явно выраженную ориентацию из периферии в центр (из развивающихся стран в развитые государства), отмечают, что миграция способствует размыванию границ и ослаблению суверенитета государств [2].

Современной ситуации в сфере миграции и влиянию процессов глобализации на активность территориальной мобильности населения посвящены работы экономистов С. Сассен[8] [3], С. Каслса, М. Миллера[9], Дж. Харриса, М. Тодаро[10] и других известных ученых. Так, Дж. Харрис и М. Тодаро исследовали взаимное влияние миграционных процессов и ситуации на рынке труда[11].

Современные исследователи много внимания уделяют гендерным аспектам миграции, подчеркивая особую уязвимость женской половины мигрантов [4–6].

Г. Адугна посвятил свое исследование изучению режимов и структуры миграции и транснациональной деятельности мигрантов из Эфиопии,

---

[2] Ravenstein E. The Birthplace of the People and the Laws of Migration // The Geographical Magazine. 1876. No. 3. Pp. 173–177, 201–206, 229–233; Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society. 1885. No. 46. Pp. 167–235; Ravenstein E. The Laws of Migration: Second Paper // Journal of the Royal Statistical Society. 1889. No. 52. Pp. 241–305.

[3] Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. No. 61. P. 219 – 249.

[4] Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. 1940. No. 5. Pp. 845–867.

[5] Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. No. 3. Pp. 47–57.

[6] Zipf G. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Cambridge : Addison-Wesley Press, 1949. 573 p.; Zipf G. The (P1P2 / D) Hypothesis: On the Intercity Movement of Persons // American Sociological Review. 1946. No. 11. Pp. 677–686.

[7] Lee E. A Theory of Migration.

[8] Sassen S. The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. New York: Cambridge University Press, 1988. P. 240.

[9] Castles S., Miller M. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. London: Macmillan, 1993. 306 p.

[10] Harris J., Todaro M. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // The American Economic Review. 1970. No. 60. Pp. 126–142.

[11] Там же.

включая обратные визиты, непрямые семейные контакты, особенности денежных переводов (с учетом их величины, роли в семейном бюджете, направлений использования и наличия посредников). Путем сопоставления траекторий миграционных перемещений из этой африканской страны автор отражает не только миграционную динамику, но и запросы рынков труда принимающих стран, требования к квалификации и полу прибывающей в страну рабочей силы. В статье подчеркивается, что все большее влияние на результаты миграции оказывает правовой статус мигрантов во время поездок, а также по прибытии в пункт назначения [7].

Х. Луи с соавторами выявляют причины перераспределения населения внутри одной страны – Китая. По их мнению, принять такое решение многих вынуждает высокая безработица в сельской местности. Предложенная авторами модель миграции позволяет понять, как миграция из сельских районов в города реагирует на различия в затратах на сельскохозяйственное производство, включая наличие воды и рабочей силы, а также то, какие ожидания сельское население связывает с переездом в города [8].

С. Ли, С. Лу и К. Пенг исследовали психологическую устойчивость китайских мигрантов из числа молодежи. За 40 лет трудовой миграции из сельских районов в города в Китае в этот поток влились более 36 млн молодых людей, которые на новом месте сталкиваются с бóльшими трудностями, чем их городские сверстники, из-за различий в образовании и социально-экономическом статусе [9].

Зарубежные авторы, изучающие основные экономические факторы трудовой миграции (концентрация и перераспределение капитала, транспортные возможности, рост численности рабочей силы и др.), доказывают положительную корреляцию между распределением населения и ВВП на душу населения [10].

А. Наварро, Ф. Тариадор представили количественный анализ социальных, экономических и демографических аспектов динамики сельских территорий с использованием системного подхода. Разработанная авторами модель состоит из четырех модулей, воспроизводящих основные характеристики сельских районов (экономический, социальный, демографический модули и «модуль привлекательности») [11].

Исследователи активно изучают как положительные, так и отрицательные стороны механического движения населения. Изучая социально-демографические последствия миграции, Л. Ванг и другие исследователи из Китая отмечают, что успеваемость и психическое здоровье детей вследствие миграции родителей ухудшаются. На основе опроса авторами также было установлено, что родительская миграция сильнее сказывалась на оставленных девочках, чем на мальчиках [12].

Г. Брайан и М. Мортен на примере Индонезии выявляют воздействие внутренней миграции на производительность труда. Авторы предпри-

няли попытку оценить совокупный прирост производительности труда в результате снижения барьеров для внутренней трудовой миграции в Индонезии. Установили, что такой прирост может достигать 22 % [13].

Е. Стивенсон и его соавторы посвятили свою работу изучению отрицательного воздействия миграции на социально-экономическую ситуацию в бассейне реки Омо-Туркана в Эфиопии. Авторы отмечают, что поскольку трудовым мигрантам предоставляются льготы, расходы на развитие территории несут в основном коренные жители региона, занимающиеся сельским хозяйством и скотоводством. В то время как происходящая вследствие промышленного освоения территории трансформация нарушает систему жизнеобеспечения коренных народов [14].

Каждая страна имеет свои особенности в развитии процессов миграции. Изучению миграции в России посвящены работы Н. В. Парикова [15], Л. Л. Рыбаковского [16], О. Л. Рыбаковского [17], С. В. Рязанцева [18] и других ученых.

В последнее время проблемы миграции все чаще связывают с экономической безопасностью страны. Влияние массовых перемещений населения на экономическое развитие изучают многие российские ученые. Х. В. Вахаев, исследуя трудовую миграцию, напрямую связывает ее с национальной безопасностью страны [19]. В. А. Волох, В. А. Суворова, анализируя миграционные потоки в современной России, приходят к выводу о необходимости укрепления миграционной безопасности страны [20]. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность России прослеживает Т. М. Гаврилова [21]. Н. В. Дементьев предостерегает от возможных серьезных потерь для трудового потенциала, квалифицируя такую ситуацию как реальную угрозу экономической безопасности страны, и предлагает рассматривать показатель внешней трудовой миграции как индикатор при оценке экономической безопасности [22].

Исследованию рассматриваемых проблем на региональном уровне посвящены работы Л. Н. Липатовой, В. Н. Градусовой[12] [23; 24], Н. А. Пруеля[13], С. С. Фешиной [25], М. Ю. Хавинсона, М. П. Кулакова, С. Н. Мищука [26], В. С. Цырюльникова [27], И. А. Юрасова, О. А. Лузгиной, В. Д. Дорофеева [28].

---

[12] Липатова Л. Н., Мокрова М. Ю. Развитие человеческого потенциала России: основные тенденции и потенциал роста // Государство и бизнес. Экосистема цифровой экономики: Материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2019. С. 94–98; Липатова Л. Н., Мокрова М. Ю. Современные тенденции развития человеческого потенциала России // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН; ИНИОН. М., 2019. Ч. 1. С. 317–322.

[13] Пруель Н. А., Градусова В. Н., Липатова Л. Н. Статистический анализ развития человеческого потенциала современной России // Статистика в условиях формирования цифровой экономики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск. С. 131–139.

Таким образом, современная мировая наука всесторонне изучает миграционные процессы. Однако под воздействием многих причин ситуация быстро меняется. Теоретические представления тоже нередко расходятся с реальной картиной. Так, согласно неоклассической экономической теории, оказавшей сильное влияние на теорию миграции, мигрировать должны беднейшие люди в богатейшие страны, на практике же большую часть миграционного потока формируют представители среднего класса развивающихся стран [29].

Противоречит неоклассической теории, опирающейся на постулат, что человек старается рационализировать свое поведение, максимизировать результат с минимальными затратами, и изменение направления миграции из России в пользу таких стран, как Китай, Индия, КНДР, для успешной адаптации в которых мигрантам потребуется приложить гораздо больше усилий, чем в случае переезда в благополучную европейскую страну. Это делает необходимым проведение детальных исследований в практической плоскости.

Материалы и методы. Объектом исследования стали входящий и исходящий миграционные потоки в России. При проведении исследования источниками информации послужили данные Федеральной службы государственной статистики, ее территориальных органов. Однако статистические данные характеризуют преимущественно количественную сторону изучаемых процессов. Сложность вызывает анализ возрастного состава и образовательной структуры мигрантов. Статистическая сводка не дает представления и о причинах миграции. Недостатком сложившейся системы учета миграции становится и невозможность оценить так называемую «возвратную» миграцию, являющуюся своего рода индикатором организации работы по социализации прибывающих в страну (регион) мигрантов. Отчасти восполнить недостаток статистической информации позволяют социологические исследования. В данной статье использовались экспертные оценки специалистов, исследующих миграционные перемещения и их возможные последствия.

Анализ статистического материала проведен с использованием методов демографического анализа. Для уточнения и конкретизации данных статистики применялись результаты эмпирических исследований авторитетных специалистов. На основе контент-анализа проведено обобщение большого массива литературных источников по исследуемой проблематике.

Результаты исследования. Миграция – ключевой фактор формирования населения современной России. В 2010–2012 и 2016–2017 гг. миграционный прирост не только полностью компенсировал естественную убыль, но и обеспечивал увеличение численности населения России. В 2013–2015 гг. статистика фиксировала естественный прирост населения страны, но вклад миграции в развитие народонаселения России был более

существенным: в 2013 г. коэффициент миграционного прироста был в 10,5 раза больше, чем коэффициент естественного прироста, в 2014 г. – в 9,5 раза, в 2015 г. – в 5,7 раза больше. К концу рассматриваемого периода влияние миграции на демографическую динамику России существенно ослабло: коэффициент миграционного прироста уменьшился с 2,2 на 1 000 чел. населения в 2011 г. до 0,9 на 1 000 чел. населения в 2018 г. Усилившаяся естественная убыль в 2018 г. перекрыла заметно снизившийся миграционный прирост, что привело к сокращению численности населения (табл. 1).

Таблица 1. **Компоненты изменения общей численности населения Российской Федерации в 2010–2018 гг.** [14]

Table 1. **Components of changes in the total population of the Russian Federation in 2010–2018.**

Показатель / Indicator	2010	2011	2012	2013	2014
Численность населения, всего, тыс. чел. / Population, total, thousand people	142 865	142 865	143 056	143 347	143 667
Естественный прирост, убыль (-) населения / Natural increase, decrease (-) of population	-1,7	-0,9	-0,0	0,2	0,2
Миграционный прирост, убыль (-) населения / Net migration	1,9	2,2	2,1	2,1	1,9
Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	
Численность населения, всего, тыс. чел. / Population, total, thousand people	146 267	146 804	146 880	146 781	
Естественный прирост, убыль (-) населения / Natural increase, decrease (-) of population	0,3	-0,01	-0,9	-1,6	
Миграционный прирост, убыль (-) населения / Net migration	1,7	1,8	1,4	0,9	

С точки зрения экономической и социальной стабильности итоги внешней миграции не вызывают серьезных опасений для России. Однако эксперты обеспокоены оттоком высококвалифицированных кадров из страны, что может ослабить ее человеческий потенциал, сказаться на развитии экономики и осложнить достижение стратегической цели – войти в пятерку крупнейших экономик мира к середине третьего десятилетия XXI в.

[14] Российский статистический ежегодник. 2019. Росстат. М., 2019. С. 69.

По данным официальной статистики, исходящий из России миграционный поток в 2010–2018 гг. увеличился в 13 раз, численность прибывающих в страну граждан – в 3 раза. Основную часть международного миграционного оборота формируют граждане других государств: удельный вес этой категории в составе прибывших в Российскую Федерацию равен 64,5 %, среди выбывших – 83,0 % (2018 г.)[15]. В рассматриваемый период существенно расширились масштабы так называемой возвратной миграции – численность россиян, вернувшихся в родную страну, увеличилась в 1,4 раза.

Обращает на себя внимание стремительное нарастание оттока иностранных граждан из России – в рассматриваемый период численность ежегодно покидающих нашу страну иностранцев возросла в 247 раз, численность прибывающих в Россию граждан других государств – только в 9 раз (табл. 2).

Такой стремительный рост показателя за неполное десятилетие свидетельствует о резком снижении привлекательности нашей страны для граждан других государств. Это может говорить о расхождении представлений иностранных граждан о России, реальных условиях жизнедеятельности в нашей стране и определенном разочаровании, что повлияло на решение о смене места жительства. Возможно, по оценкам мигрантов, условия жизни за время их проживания в нашей стране ухудшились, что и побудило приехавших ранее иностранных граждан покинуть Россию.

Массовый исход иностранцев из России наблюдается несмотря на то, что авторитетные международные институты отмечают улучшение делового климата в стране. В частности, это подтверждают высокие позиции нашей страны в рейтинге Doing Business. Согласно последнему докладу Всемирного банка, опубликованному в конце 2019 г., Россия поднялась с 31-го на 28-е место в списке из 190 стран, по которым проводилась оценка[16].

Быстро растет и численность россиян, покинувших родную страну: в 2018 г. эмигрантов было в 2,3 раза больше, чем в 2010 г. С высокой вероятностью можно предположить дальнейшее расширение этого потока. На такие мысли наводят недавно опубликованные результаты социологического исследования Левада-центра, согласно которым желающих покинуть страну в сравнении с предыдущим годом стало больше. Особенно настораживает то обстоятельство, что такой настрой выразили 53 % опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет[17].

---

[15] Там же.

[16] Россия впервые вошла в топ-30 рейтинга Doing Business 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2019/10/24/db/ (дата обращения: 15.10.2019).

[17] Левада-центр: 53 % молодых россиян хотят уехать из страны // Ведомости. 2019. 26 ноября.

Таблица 2. **Гражданство международных мигрантов в России в 2010–2018 гг., чел.** [18]
Table 2. **Citizenship of international migrants in the Russia in 2010–2018, people**

Гражданство / Citizenship	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Прибывшие в Российскую Федерацию, всего / Arrivals to the Russian Federation, total	191 656	356 535	417 681	482 241	578 511	598 617	575 158	589 033	565 685
в том числе / including:									
граждане России / citizens of Russia	145 707	141 590	127 097	131 516	135 431	173 605	186 513	195 983	198 464
из них имеют второе гражданство / of them those with a second citizenship	22 385	2 491	2 098	2 047	2 157	3 729	4 076	4 394	4 676
иностранные граждане/ foreign citizens	42 083	206 207	283 274	345 869	439 271	421 021	384 338	391 100	364 998
Выбывшие из Российской Федерации, всего / People departed from the Russian Federation, total	33 578	36 774	122 751	186 382	308 475	353 233	313 210	377 155	440 831
в том числе / including:									
граждане России / citizens of Russia	31 734	29 467	46 687	47 439	53 235	51 846	58 739	66 735	73 344
из них имеют второе гражданство / of them those with a second citizenship	1 512	291	577	625	867	903	1 112	1 273	1 521
иностранные граждане / foreign citizens	1 477	6 755	74 582	137 329	251 768	298 257	250 840	306 406	364 668

[18] Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 7.6; 2019. 7.6.

Отток молодежи из страны, остро нуждающейся в людях, обладающих современными знаниями, способных быстро находить и успешно осваивать новое, адаптироваться к изменяющимся условиям, может серьезно ограничить возможности инновационного развития. Опасность для России представляет молодежная эмиграция в ближайшие годы, поскольку к трудовой деятельности приступает малочисленное поколение родившихся в конце 1990-х гг. – начале первого десятилетия 2000-х гг. Неизбежный рост среднего возраста занятых в экономике России вследствие повышения пенсионного возраста и отток из страны талантливой образованной молодежи могут замедлить разработку и внедрение в производство новых технологий.

В последние годы самым популярным направлением миграционного обмена России со странами дальнего зарубежья был Китай: в 2018 г. на эту страну приходилось около 13 % совокупного оборота миграции с государствами дальнего зарубежья. Интенсивный обмен осуществлялся также с Грузией и Индией (по 9 %), Германией и КНДР (по 7 %), Вьетнамом (6 % миграционного оборота со странами дальнего зарубежья)[19].

Учитывая языковую и культурную специфику таких активно развивающихся направлений миграции, как Китай, КНДР, Индия, Вьетнам, а также темпы расширения миграционных потоков, можно предположить, что осваивает их в основном молодежь. Современная молодежь, как правило, легко адаптируется к новым, порой даже экзотическим, условиям, знает несколько языков, проявляет интерес к восточной культуре.

Отток из России высококвалифицированных кадров, молодых и предприимчивых граждан может негативно сказаться на экономическом развитии страны, успехи которой в мировой конкурентной борьбе во многом зависят от масштабов и скорости внедрения в производство достижений научно-технического прогресса, что во всем мире принято ассоциировать с талантливой молодежью.

Специалисты выражают обеспокоенность так называемой утечкой умов из России, а данные Росстата считают сильно заниженными. Так, Н. Мкртчян и Ю. Флоринская со ссылкой на данные миграционной статистики иностранных государств, утверждают, что в настоящее время за рубежом живут около 2,7 млн выходцев из России, из них 1,5 млн чел. имеют российское гражданство. В числе основных причин эмиграции выделяют учебу в магистратуре или аспирантуре, трудовую деятельность (в том числе по «голубой карте» для квалифицированных специалистов), воссоединение с семьей. Несмотря на действующую программу привлечения квалифицированных иностранных кадров, миграция

[19] Демографический ежегодник России. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 7.2.

в Россию, по мнению Н. Мкртчяна и Ю. Флоринской, не компенсирует отток высококвалифицированных специалистов[20].

Влияние миграции на качество трудового потенциала страны осуществляется и по другому каналу. Серьезный урон может нанести не только сам отток интеллектуальных ресурсов, но и возможное снижение общего уровня развития науки и образования вследствие эмиграции ученых, многие из которых уезжают из страны из-за недостаточного финансирования школ, университетов и проведения научных исследований. Невысокими пока остаются и социальный статус и уровень оплаты труда российских ученых.

Некоторые эксперты, в частности И. В. Карпова, выделяют и такую угрозу со стороны миграции, как отток за рубеж отечественных предпринимателей [30; 31]. Это подтверждают и результаты опроса, проведенного московской компанией «Агентство Контакт», согласно которым каждый шестой из 467 топ-менеджеров российских и международных компаний, принявших участие в исследовании, имел планы в ближайшие два года сменить место работы и переехать в другую страну. Наиболее часто респонденты говорили о желании обосноваться в США, Германии, Великобритании (опрос был проведен в мае 2017 г.)[21].

Прогнозы Росстата по миграции допускают как сокращение миграционного прироста в 2020–2036 гг. в 1,5 раза (низкий вариант), так и его увеличение на 32 % (средний вариант) и даже на 70 % (высокий вариант). Миграционный прирост в 2035 г. может составить от 100,5 тыс. до 462,5 тыс. чел.[22]. Укрепление трудового потенциала за счет мигрантов маловероятно. Росстат данных об образовании и профессионально-квалификационном составе не публикует. Эксперты же считают, что в мировой борьбе по привлечению ученых и специалистов Россия уступает странам Запада, и миграция в нашу страну не компенсирует отток высококвалифицированных специалистов[23].

В таких условиях важнейшей задачей государства является реализация комплекса мер, направленных на предотвращение массового оттока из страны ученых и высококлассных специалистов, создание условий для реализации их творческого потенциала, повышение престижа ученых, вовлечение молодежи в науку.

---

[20] Мкртчян Н., Флоринская Ю. Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений // Мониторинг экономической ситуации в России. 2018. № 1 (62). С. 15–18.

[21] Более 40 % топ-менеджеров сообщили о планах уехать из России [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/06/06/2016/575597df9a7947f5eceacb1e (дата обращения: 05.11.2019).

[22] Демографический ежегодник России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 8.1.

[23] Эмиграция из России – куда и почему уезжают граждане РФ? [Электронный ресурс]. URL: http://passus.ru/migratsiya/emigratsiya-iz-rossii-statistika-po-godam.html; «Лекарства от утечки умов нет и не будет». Из России бегут профессионалы. Они не хотят прозябать на родине [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2018/06/18/poravalit/; Утечка мозгов из России ускорилась [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2018/01/23/brain_drain/ (дата обращения: 15.10.2019).

Кроме воздействия на экономическую систему государства международная миграция может повлиять и на социальную ситуацию в стране или отдельном ее регионе. Большая часть ежегодно прибывающих в Россию иностранных мигрантов – выходцы из стран СНГ (более 89 % в 2018 г.). На славянские государства Украину и Беларусь приходится менее 29 % этого потока, 14 % составляют граждане Таджикистана, 12,5 – Казахстана, 12 % – Узбекистана[24].

Жители Российской Федерации достаточно скептично относится к перспективам интеграции мигрантов. Широко распространена точка зрения, что мигранты игнорируют общепринятые образцы и традиции принимающего сообщества, а их интеграционные настроения и ожидания часто контрастируют с настроениями стороны-реципиента, что дестабилизирует общество. Такое отношение не лишено оснований, ибо миграция населения может генерировать целый спектр сложных проблем, включая столкновение культур, общеуголовную и этническую преступность, религиозный экстремизм и терроризм.

Из социальных проблем выделяются, во-первых, потенциальная возможность роста ксенофобских настроений среди жителей страны и связанное с этим увеличение числа жертв от действий мигрантов, что вызывает мигрантофобию среди местного населения. Во-вторых, порождение широко распространенного убеждения угрозы социальной стабильности, исходящей от мигрантов, провоцирует размывание культурного ядра локального сообщества, привнося чуждые традиции и нормы поведения. В-третьих, мигранты нового поколения отличаются низким уровнем образования и квалификации, в том числе плохим знанием русского языка.

Для сохранения социальной стабильности и предотвращения конфликтов на национальной и религиозной почве при реализации государственной политики необходимо учитывать национальную структуру прибывающих в страну мигрантов. Это требует неотложных мер по созданию универсальной модели социальной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество.

Перераспределение населения внутри страны на численность населения не влияет, но может привести к значительным потерям. Вследствие межрегиональной миграции может снизиться качество совокупного трудового потенциала страны. Многие люди с хорошим образованием покидают родные, но бедные регионы, а перебравшись в крупные города, могут рассчитывать только на низкоквалифицированную работу (охранника, таксиста, менеджера по продажам и пр.). Таким образом, человек постепенно утрачивает профессиональные компетенции, сформированные

[24] Демографический ежегодник России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 7.6.

за время обучения, а государство теряет специалиста и потраченные на его подготовку средства.

Поток внутренних мигрантов в России в 2010–2018 гг. увеличился в 2,3 раза и достиг 4,3 млн чел. Массовые перемещения людей могут внести серьезные коррективы в систему социально-экономического управления как на принимающих территориях, так и в регионах исхода. Вследствие оттока молодежи и специалистов может пострадать человеческий потенциал региона [32]. Массовый приток мигрантов создает дополнительную нагрузку для транспортной и социальной инфраструктуры; может осложниться и криминогенная ситуация.

Наибольшая часть миграционного оборота приходится на Центральный федеральный округ (ЦФО) – 28 % прибывших и 25 % выбывших. Большей частью миграционные процессы происходят в пределах данного округа (76 %). В регионы Приволжского федерального округа (ПФО) переехали 6 % мигрантов из ЦФО, в Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) – 5,5, в южные регионы устремились 5 % общей численности выбывших из ЦФО. По 2 % мигрантов из цента России предпочли переезд в северокавказские, сибирские и уральские регионы страны. Наименее популярное направление – Дальний Восток, на переезд в данный регион решились 1,4 % мигрантов из ЦФО[25].

Большой вклад в перераспределение населения внутри страны принадлежит Приволжскому федеральному округу (ПФО). В 2018 г. из общей численности внутренних мигрантов более 19 % – выходцы с территории этого округа. Из общей численности выбывших 70 % остаются в границах ПФО, 14 – переселяются в регионы ЦФО, по 5 – выбирают Северо-Запад и Урал, 3 % – южные территории страны. В регионы других федеральных округов направляются менее 3 % жителей ПФО.

На регионы Сибирского федерального округа (СФО) в 2018 г. приходилось 13 % исходящего потока и 12 % общей численности прибывших. Жители Сибири, меняя место жительства, в большинстве случаев переезжают в другие регионы этого же федерального округа (75 %), а также в ЦФО (7 % выбывших из СФО), Южный, Северо-Западный, Дальневосточный федеральные округа (по 4 %). Уральские регионы привлекательны для 3 % переселенцев из СФО, еще 2 % предпочли для жизни приволжские территории, менее 1 % – регионы Северного Кавказа.

Значительную миграционную активность проявляют и жители Северо-Западного федерального округа (СЗФО): в исходящем потоке на регионы этого округа приходится 12 % общей численности переселяющихся внутри страны. Территория СЗФО в 2018 г. стала новым местом жительства для 13 % внутренних мигрантов. Около 70 % выбывших из

[25] Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 112.

регионов СЗФО остались в границах округа, 12 – предпочли центральные регионы, 6 – Поволжье, 5 – южные территории России, по 2 % – перебрались в сибирские и уральские регионы. Реже всего жители Северо-Запада переезжают в регионы Северного Кавказа – на это направление приходится менее 2 % мигрантов из СЗФО.

Южный федеральный округ (ЮФО) в исходящем миграционном потоке представлен 9 %, во входящем – 10 % общей численности выбывших. Перераспределение населения внутри федерального округа формирует 60 % объема миграции. Среди других субъектов Российской Федерации жители южных территорий наиболее часто выбирают центральные регионы страны – 17 %, Северо-Запад – 6, Северный Кавказ – 5, Поволжье – 4, Урал и Сибирь – по 3, Дальний Восток – 2 % (по данным 2018 г.).

Уральские регионы формируют 9 % исходящего потока, а принимают на своей территории 8 % внутрироссийских мигрантов. 66 % сменивших место жительства жителей Уральского федерального округа (УФО) остаются в его границах, 10 – переезжают в ПФО, 8 – в центральные, 5,5 – в южные регионы, по 4 – в СЗФО и СФО, 2 – в регионы Северного Кавказа, 1 % – на Дальний Восток.

На регионы Дальневосточного федерального округа (ДВФО) приходится 8 % общей численности выбывших и 7 % прибывших. 68 % дальневосточных жителей выбрали для переселения другие территории ДВФО, по 8 – переехали в центральные и сибирские регионы страны, по 6 % – в СЗФО и ЮФО. Далее по убывающей идут ПФО (около 3 % общей численности выбывших), УФО (1 %) и Северный Кавказ (менее 1 % общей численности выбывших с территории ДВФО).

На Северо-Кавказские регионы приходится наименьшая часть общего объема как входящего (чуть более 4 % прибывших), так и исходящего (около 5 % выбывших) миграционных потоков. Жители Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) чаще, чем другие решившиеся на переезд россияне, выезжают за пределы своего округа: удельный вес мигрантов, переселившихся в другие регионы России, составляет 50,5 % общей численности выбывших из федерального округа. Около 20 % выходцев с Северного Кавказа устремляются в регионы федерального центра, еще 12 – на юг страны, 7 – в СЗФО, 5 – УФО, 3 – в Поволжье, 2 – в Сибирь, 1 % – переезжают на российский Дальний Восток.

Итогом такого распределения населения становится значительная миграционная нагрузка одних регионов и демографические потери других. Так, по данным таблицы 3, ЦФО и СЗФО многие годы испытывают миграционный прирост на уровне 5–7 чел. на 1 000 чел. населения, который во многих странах расценивается как угроза социально-экономической стабильности государства.

Таблица 3. **Коэффициенты миграционного прироста, на 10 000 чел. населения, 2005, 2010–2018 гг.** [26]

Table 3. **Migration growth rates per 10,000 population, 2005, 2010–2018**

Регион / Region	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация / Russian Federation	20	19	22	21	21	19	17	18	14	9
Центральный федеральный округ / Central Federal District	101	74	56	62	60	56	57	45	51	47
Северо-Западный федеральный округ / North-western Federal District	27	51	50	58	72	41	16	41	55	36
Южный федеральный округ / Southern Federal District	32	21	43	27	45	34	51	48	27	30
Северо-Кавказский федеральный округ / North Caucasian Federal District	2	4	-34	-41	-40	-21	-26	-21	-26	-26
Приволжский федеральный округ / Volga Federal District	-8	-12	-4	-6	-5	-2	-8	-5	-12	-22
Уральский федеральный округ / Ural Federal District	-26	-12	31	19	3	7	3	12	0,3	-5
Сибирский федеральный округ / Siberian Federal District	-42	-18	1	-4	-8	-4	-5	-7	-16	-17
Дальневосточный федеральный округ / Far Eastern Federal District	-70	-49	-28	-32	-53	-40	-39	-28	-28	-40

[26] Регионы России: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 91–92.

В ряде регионов миграционный прирост гораздо выше обозначенных в таблице значений, и такая ситуация продолжает сохраняться. Наибольшая миграционная нагрузка приходится на следующие регионы: Ленинградская область (239 чел. на 10 000 чел. населения), г. Севастополь (176 чел.), Московская область (140 чел.), Тюменская область без автономных округов (104 чел.), Калининградская область (95 чел.), Краснодарский край (85 чел.), г. Москва (79 чел.), г. Санкт-Петербург (52 чел.) (2018 г.)[27]. Сильное негативное влияние на формирование населения и трудовых ресурсов оказывает миграция в следующих субъектах федерации: Архангельской, Мурманской, Оренбургской, Курганской областях, Республике Северная Осетия – Алания, Забайкальском крае – в перечисленных регионах ежегодные миграционные потери превышают 0,5 % населения. В последние годы к ним присоединилась и Омская область[28].

Усугубляемая миграцией демографическая динамика может оказать негативное влияние на возможности инновационного развития российской экономики. Перевод экономики на инновационный путь развития требует прилива молодых сил, обладающих самыми новыми знаниями, не обремененных штампами, способных быстро осваивать достижения науки, мыслить и действовать креативно. Это требует детального анализа миграционных потоков и внесения корректив в региональную социально-экономическую политику, учитывающих возрастно-половой и национальный состав прибывающих мигрантов, их образовательный и профессиональный уровень. Необходимо также наладить социальное сопровождение семей с детьми, обеспечить доступность услуг в сфере образования и здравоохранения. Если местное население не почувствует ухудшения ситуации на рынке труда и в социальной сфере из-за присутствия на своей территории приезжих, а мигранты не будут ощущать на себе не только косые взгляды, но и дискриминационные меры, а смогут на равных с местными жителями пользоваться услугами социальной сферы, значит в регионе реализуется эффективная политика в отношении мигрантов, не ущемляющая прав коренного населения.

Под определенный контроль следует взять миграцию молодежи, которая в последние годы усилилась. Политические и социально-экономические изменения последних десятилетий предоставили людям возможность покинуть родные места и переехать в другие города и за границу. Способствуют активизации миграционных потоков и такие факторы, как отмена института «прописки», наличие относительно дешевых и быстрых способов перемещения, доступных средств коммуникации.

---

[27] Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 91–92.

[28] Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 91–92.

Решиться на переезд молодежь побуждает желание получить хорошо оплачиваемую работу. При этом они часто опираются на информацию, полученную от знакомых, сделавших такой шаг ранее. Современные информационные технологии, которыми большинство молодых людей уверенно владеют, позволяют им получить необходимую информацию, а возможно и установить деловые контакты еще на стадии подготовки решения о переезде, что ускоряет его принятие. Поэтому в настоящее время поток молодых мигрантов из бедных регионов РФ с целью поиска достойной работы возрастает.

Среди молодых людей наибольшую подвижность проявляют студенты. Уезжая на учебу в другой город, многие совмещают обучение с временной работой, которая впоследствии часто трансформируется в постоянную занятость. Кроме того, сезонная миграция студентов в период каникул (студенческие отряды, программы обмена, летние школы, стажировки и т. п.) также предоставляет шансы для последующего трудоустройства.

Для закрепления молодежи в регионах необходима разработка комплекса мер, направленных на создание условий для самореализации молодежи, применения творческого потенциала молодых людей в интересах развития конкретной территории. Большая роль в этом должна отводиться молодежным политическим программам и общественным объединениям, помогающим молодым людям сформировать и реализовать здоровые представления о жизни и карьере. Их основная задача – способствовать формированию у молодых людей здорового мировоззрения и отношения к обществу и собственной жизни, развитых и реалистичных представлений о профессиональной карьере, на конкретных примерах демонстрировать возможности для интересной и насыщенной событиями и собственными достижениями жизни в родном регионе. Традиционные менторские подходы для этого малоэффективны, поскольку молодежь везде и во все времена склонна не доверять опыту предшествующих поколений и стремится самостоятельно, падая и ошибаясь, выстраивать линию своей жизни.

Решить проблему с трудоустройством выпускников может адресное распределение их на преддипломную практику. Такой шаг поможет молодым специалистам получить драгоценный опыт работы, выработать трудовые навыки, научиться взаимодействовать с другими сотрудниками трудового коллектива. Для потенциального работодателя такое распределение позволило бы сделать правильный выбор и обеспечить обновление кадрового состава организации с минимальными рисками и без потерь, связанных с адаптацией работника на новом месте.

Обсуждение и заключение. В статье на основе анализа данных официальной статистики и экспертных оценок выявлены основные угрозы экономической безопасности и социальной стабильности со

стороны миграционных процессов, а также предложен комплекс мер, направленных на оптимизацию миграционных процессов и минимизацию связанных с ними экономических и социальных потерь.

Миграционные потоки в России в последнее десятилетие усилились: причем возросла не только межрегиональная, но и международная мобильность россиян. Большинство российских регионов испытывают миграционный отток: в 2018 г. таких субъектов Федерации было 68. В последние годы наибольшее негативное влияние миграция оказала на развитие народонаселения следующих российских регионов: Магаданской области, Еврейской, Чукотской автономных областей, Республики Коми, Республики Калмыкия. В перечисленных регионах миграционный отток на протяжении длительного периода ежегодно сокращает численность жителей на 1 % населения и более.

Если для Дальнего Востока отток населения – явление не новое и вызвано сложными условиями жизни и хозяйствования, то для республик Северного Кавказа это не типично. Национальные традиции и семейные связи обычно способствуют закреплению населения. Однако в последние годы почти для всех северокавказских республик (за исключением Ингушетии) характерен значительный миграционный отток населения. Количественной оценки этих процессов недостаточно. Для выявления причин высокой территориальной подвижности жителей СКФО требуется проведение детальных социологических исследований.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения полученных результатов и предложений авторов по оптимизации миграционных потоков и минимизации связанных с массовыми перемещениями людей экономических и социальных потерь в практике управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Massey, D. A Synthetic Theory of International Migration / D. Massey. – Текст: непосредственный // World in the Mirror of International Migration. – 2002. – Vol. 10. – Pp. 143–153.

2. Migration Theory. Talking across Disciplines / Edited by C. B. Brettell, J. F. Hollield. – New York : Routledge, 2000. – 224 p. – URL: https://www.amazon.com/Migration-Theory-Talking-across-Disciplines/dp/0415954274 (дата обращения: 08.10.2019).

3. Sassen, S. Regulating Immigration in a Global Age: A New Policy Landscape / S. Sassen. – DOI 10.1080/1353464052000321083 // Parallax. – 2005. – Vol 11, issue 1. – Pp. 35–45. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1353464052000321083 (дата обращения: 08.10.2019).

4. Bijedić, T. Different Strokes for Different Folks: The Job Satisfaction of the Self-Employed and the Intersection of Gender and Migration Background / T. Bijedić,

A. Piper. – DOI 10.1108/IJGE-01-2019-0021 // International Journal of Gender and Entrepreneurship. – 2019. Vol. 11, issue 3. – Pp. 227–247. – URL: https://www.researchgate.net/publication/334093565_Different_strokes_for_different_folks_The_job_satisfaction_of_the_self-employed_and_the_intersection_of_gender_and_migration_background (дата обращения: 08.10.2019).

5. Hughes, C. Reexamining the Influence of Conditional Cash Transfers on Migration From a Gendered Lens / C. Hughes. – DOI 10.1007/s13524-019-00815-0 // Demography. – 2019. – Vol. 56. – Pp. 1573–1605. URL: https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs13524-019-00815-0 (дата обращения: 08.10.2019).

6. Holliday, J. Achieving the Sustainable Development Goals: Surfacing the Role for a Gender Analytic of Migration / J. Holliday, J. Hennebry, S. Gammage. – DOI 10.1080/1369183X.2018.1456720 // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2019. – Vol. 45, issue 14. – Pp. 2551–2565. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2018.1456720 (дата обращения: 08.10.2019).

7. Adugna, G. Migration Patterns and Emigrants' Transnational Activities: Comparative Findings from Two Migrant Origin Areas in Ethiopia / G. Adugna. – DOI 10.1186/s40878-018-0107-1 // Comparative Migration Studies. – 2019. – Vol. 7, article 5. – URL: https://link.springer.com/article/10.1186/s40878-018-0107-1 (дата обращения: 08.10.2019).

8. Rural Unemployment Pushes Migrants to Urban Areas in Jiangsu Province, China / H. Lyu, Z. Dong, M. Roobavannan [et al.]. – DOI 10.1057/s41599-019-0302-1 // Palgrave Communications. – 2019. – Vol. 5, article 92. – URL: https://www.nature.com/articles/s41599-019-0302-1 (дата обращения: 08.10.2019).

9. Identifying Psychological Resilience in Chinese Migrant youth Through Multidisciplinary Language Pattern Decoding / S. Li, S. Lu, S. Ni, K. Peng. – DOI 10.1016/j.childyouth.2019.104506 // Children and Youth Services Review. – 2019. – Vol. 107C. – URL: https://ideas.repec.org/a/eee/cysrev/v107y2019ics0190740919306747.html (дата обращения: 08.10.2019).

10. Juchem Neto, J. P. Returns to Scale in a Spatial Solow–Swan Economic Growth Model / J. P. Juchem Neto, J. C. R. Claeyssen, S. S. Pôrto Júnior. – DOI 10.1016/j.physa.2019.122055 // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. – 2019. – Vol. 533, article 122055. – URL: https://ui.adsabs.harvard.edu/abs/2019PhyA..53322055J/abstract (дата обращения: 08.10.2019).

11. Navarro, A. RUSEM: A Numerical Model for Policymaking and Climate Applications / A. Navarro, F. J. Tapiador. – DOI 10.1016/j.ecolecon.2019.106403 // Ecological Economics. – 2019. – Vol. 165, article 106403. – URL: https://ideas.repec.org/a/eee/ecolec/v165y2019ic21.html (дата обращения: 08.10.2019).

12. Academic Achievement and Mental Health of Left-Behind Children in Rural China: A Causal Study on Parental Migration / L. Wang, Y. Zheng, G. Li [et al.]. – DOI 10.1108/CAER-09-2018-0194 // China Agricultural Economic Review. – 2019. – Vol. 11, no. 4. – Pp. 569–582. – URL: https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/CAER-09-2018-0194/full/html (дата обращения: 08.10.2019).

13. Bryan, G. The Aggregate Productivity Effects of Internal Migration: Evidence from Indonesia / G. Bryan, M. Morten. – DOI 10.1086/701810 // Journal of Political Economy. – 2019. – Vol. 127, no. 5. – Pp. 2229–2268. – URL: https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/701810?mobileUi=0& (дата обращения: 08.10.2019).

14. Social-Ecological Change in the Omo-Turkana Basin: A Synthesis of Current Developments / J. Hodbod, E. G. J. Stevenson, G. Akall G. [et al.]. – DOI 10.1007/s13280-018-1139-3 // Ambio. – 2019. – Vol. 48. – Pp. 1099–1115. – URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s13280-018-1139-3 (дата обращения: 08.10.2019).

15. Парикова, Н. Миграционная привлекательность российских регионов / Н. Парикова // Человек и труд. – 2012. – № 5. – С. 51–54. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18841141 (дата обращения: 08.10.2019).

16. Рыбаковский, Л. Л. Миграционная политика в контексте национальных интересов России / Л. Л. Рыбаковский // Уровень жизни населения регионов России. – 2011. – № 12. – С. 35–43. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17100554 (дата обращения: 08.10.2019).

17. Рыбаковский, О. Л. Межрегиональная миграция населения (По материалам отечественной и зарубежной науки) / О. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2011. – № 4. – С. 34–44. – URL: https://www.isras.ru/socis_2011_04.html (дата обращения: 08.10.2019).

18. Рязанцев, С. России нужна новая миграционная политика / С. Рязанцев // Международные процессы. – 2012. – Т. 10, № 1. – С. 111–116. – URL: http://intertrends.ru/rubrics/dvoe-russkih-tri-mneniya/journals/ideya-i-struktura-v-mirosistemnoy-evolyutsii/articles/rossii-nuzhna-novaya-migratsionnaya-politika (дата обращения: 08.10.2019).

19. Вахаев, Х. М. Трудовая миграция и национальная безопасность России / Х. М. Вахаев, С. В. Алексеев // Право и безопасность. – 2011. – № 3-4. – С. 76–86. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17714733 (дата обращения: 08.10.2019).

20. Волох, В. А. Концепция государственной миграционной политики России – основа миграционной безопасности страны / В. А. Волох, В. А. Суворова. – DOI 10.7256/2306-0417.2013.3.713 // NB: Национальная безопасность. – 2013. – № 3. – С. 1–16. – URL: http://author.nbpublish.com/etc/article_713.html (дата обращения: 08.10.2019).

21. Гаврилова, Т. М. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность России / Т. М. Гаврилова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 27. – С. 67–74. – URL: https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=41855 (дата обращения: 08.10.2019).

22. Дементьев, Н. В. Внешняя трудовая миграция как индикатор экономической безопасности России / Н. В. Дементьев // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 7. – С. 38–41. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17251262 (дата обращения: 08.10.2019).

23. Липатова, Л. Н. Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы / Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова. – DOI 10.15507/2413-1407.106.027.201902.310-329 // Регионология. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 310–329. – URL: http://regionsar.ru/ru/node/1780 (дата обращения: 08.10.2019).

24. Липатова, Л. Н. Влияние миграции на формирование трудового потенциала населения / Л. Н. Липатова, Д. М. Лещев, В. Н. Градусова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. – 2014. – № 1. – С. 106–119. – URL: http://niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnie-jurnaly/2009/2014 (дата обращения: 08.10.2019).

25. Фешина, С. С. Трудовая миграция и проблема инновационного развития северо-западного региона России / С. С. Фешина, А. С. Славянов // Национальные

интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 24. – С. 38–43. – URL: https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=57347 (дата обращения: 08.10.2019).

26. Хавинсон, М. Ю. Прогнозирование динамики внешней трудовой миграции на региональном уровне / М. Ю. Хавинсон, М. П. Кулаков, С. Н. Мищук // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 2. – С. 99–111. – URL: https://ecfor.ru/publication/prognozirovanie-dinamiki-vneshnej-trudovoj-migratsii/ (дата обращения: 08.10.2019).

27. Цырюльников, В. С. Маятниковая миграция в контексте управления движением трудовых ресурсов: проблемы и перспективы (по материалам Московского региона) / В. С. Цырюльников // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2013. – Т. 2, № 1. – С. 52–53. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19084682 (дата обращения: 08.10.2019).

28. Юрасов, И. А. Структура трудовой миграции в регионах России / И. А. Юрасов, О. А. Лузгина, В. Д. Дорофеев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 4. – С. 74–79. – URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on10412 (дата обращения: 08.10.2019).

29. Deleva, Z. Conceptualizing Migration in Europe: Selected Theoretical Approaches / Z. Deleva ; Institute of European Studies and International Relations Faculty of Social and Economic Sciences Comenius University Working Paper. – Текст : непосредственный. – 2010. – No. 4. – Pp. 3–40.

30. Карпова, И. В. Трудовая миграция и развитие бизнес-процессов в России / И. В. Карпова // Лизинг. – 2013. – № 4. – С. 30–41. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18867979 (дата обращения: 08.10.2019).

31. Карпова, И. В. Трудовая миграция и национальный бизнес // Лизинг. – 2011. – № 3. – С. 34–44. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19060446 (дата обращения: 08.10.2019).

32. Воробьева, Е. Г. Угрозы экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли Республики Мордовия / Е. Г. Воробьева, И. Г. Кильдюшкина. – DOI 10.15507/2413-1407.106.027.201902.246-269 // Регионология. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 246–269. – URL: http://regionsar.ru/ru/node/1774 (дата обращения: 08.10.2019).

Поступила 25.10.2019; принята к публикации 18.12.2019; опубликована онлайн 31.03.2020.

Об авторах:

Пруель Николай Александрович, заведующий кафедрой социального управления и планирования ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9), доктор социологических наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1468-1145, pruijel@mail.ru

Липатова Людмила Николаевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, д. 57/43), доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9357-6708, ln.lipatova@yandex.ru

Градусова Валентина Николаевна, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного

хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, д. 57/43), кандидат экономических наук, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0829-4555, vgradusova@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Пруель Николай Александрович – определение замысла статьи и методологии исследования.

Липатова Людмила Николаевна – сбор и обработка информации; подготовка начального варианта текста; критический анализ и доработка текста.

Градусова Валентина Николаевна – сбор и обработка информации; визуализация и представление данных в тексте; компьютерные работы; доработка текста.

Для цитирования:

Пруель, Н. А. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы / Н. А. Пруель, Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова. – DOI 10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 133–158.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Massey D. A Synthetic Theory of International Migration. *World in the Mirror of International Migration*. 2002; 10:143-153. (In Eng.)

2. Migration Theory. Talking across Disciplines / Edited by C.B. Brettell, J.F. Hollield. New York: Routledge; 2000. Available at: https://www.amazon.com/Migration-Theory-Talking-across-Disciplines/dp/0415954274 (accessed 08.10.2019). (In Eng.)

3. Sassen S. Regulating Immigration in a Global Age: A New Policy Landscape. *Parallax*. 2005. 11(1):35-45. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080/1353646052000321083

4. Bijedić T., Piper A. Different Strokes for Different Folks: The Job Satisfaction of the Self-Employed and the Intersection of Gender and Migration Background. *International Journal of Gender and Entrepreneurship*. 2019; 11(3):227-247. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1108/IJGE-01-2019-0021

5. Hughes C. Reexamining the Influence of Conditional Cash Transfers on Migration From a Gendered Lens. *Demography*. 2019; 56:1573-1605. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/s13524-019-00815-0

6. Holliday J., Hennebry J., Gammage S. Achieving the Sustainable Development Goals: Surfacing the Role for a Gender Analytic of Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019; 45(14):2551-2565. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1456720

7. Adugna G. Migration Patterns and Emigrants' Transnational Activities: Comparative Findings from Two Migrant Origin Areas in Ethiopia. *Comparative Migration Studies*. 2019; 7. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1186/s40878-018-0107-1

8. Lyu H., Dong Z., Roobavannan M., Kandasamy J., Pande S. Rural Unemployment Pushes Migrants to Urban Areas in Jiangsu Province, China. *Palgrave Communications*. 2019; 5. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1057/s41599-019-0302-1

9. Li S., Lu S., Ni S., Peng K. Identifying Psychological Resilience in Chinese Migrant Youth through Multidisciplinary Language Pattern Decoding. *Children and Youth Services Review*. 2019; 107C. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104506

10. Juchem Neto J.P., Claeyssen J.C.R., Pôrto Júnior S.S. Returns to Scale in a Spatial Solow–Swan Economic Growth Model. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2019; 533. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1016/j.physa.2019.122055

11. Navarro A., Tapiador F.J. RUSEM: A Numerical Model for Policymaking and Climate Applications. *Ecological Economics*. 2019; 165. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106403

12. Wang L., Zheng Y., Li G., Abbey C., Rozelle S. Academic Achievement and Mental Health of Left-Behind Children in Rural China: A Causal Study on Parental Migration. *China Agricultural Economic Review*. 2019; 11(4):569-582. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1108/CAER-09-2018-0194

13. Bryan G., Morten M. The Aggregate Productivity Effects of Internal Migration: Evidence from Indonesia. *Journal of Political Economy*. 2019; 127(5):2229-2268. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1086/701810

14. Hodbod J., Stevenson E.G.J., Akall G., Rodgers C., Tebbs E. Social-Ecological Change in the Omo-Turkana Basin: A Synthesis of Current Developments. *Ambio*. 2019; 48:1099-1115. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/s13280-018-1139-3

15. Parikova N. [Migration Attractiveness of Russian Regions]. *Chelovek i trud* = Man and Labor. 2012; (5):51-54. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18841141 (accessed 08.10.2019). (In Russ.)

16. Rybakovskiy L.L. [Migration Policy in the Context of National Interests of Russia]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* = Living Standarts of the Population in the Regions of Russia. 2011; (12):35-43. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17100554 (accessed 08.10.2019). (In Russ.)

17. Rybakovskiy O.L. Inter-Regional Migrations (Scholarly Publications in Russia and the World). *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2011; (4):34-44. Available at: https://www.isras.ru/socis_2011_04.html (accessed 08.10.2019). (In Russ.)

18. Ryazantsev S. Russia Needs a New Migration Concept. *Mezhdunarodnye protsessy* = International Trends. 2012; 10(1):111-116. Available at: http://intertrends.ru/rubrics/dvoe-russkih-tri-mneniya/journals/ideya-i-struktura-v-mirosistemnoy-evolyutsii/articles/rossii-nuzhna-novaya-migratsionnaya-politika (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Vakhaev Kh.M., Alekseev S.V. Labour Migration and the National Security of Russia. *Pravo i bezopasnost* = Law and Security. 2011; (3-4):76-86. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17714733 (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Volokh V.A., Suvorova V.A. The State Migration Policy Concept of Russia: Basis for the Migration Security of the State. *NB: Natsionalnaya bezopasnost* = National Security. 2013; (3):1-16. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.7256/2306-0417.2013.3.713

21. Gavrilova T.M. Influence of Migratory Processes on Economic Security of Russia. *Natsionalnye interesy: prioritety i bezopasnost* = National Interests: Priorities and Security. 2011; (27):67-74. Available at: https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=41855 (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Dementiev N.V. External Labour Migration as the Indicator of Economic Safety of Russia. *Sotsialno-ehkonomicheskie yavleniya i protsessy* = Social-Economic Phenomena and Processes. 2011; (7):38-41. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17251262 (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Lipatova L.N., Gradusova V.N. Human Development in Russia: Major Achievements and Threats. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(2):310-329. DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.310-329

24. Lipatova L.N., Leshchev D.M., Gradusova V.N. Influence of Migration on the Formation of Labour Potential of Population. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve RM* = Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2014; (1):106-119. Available at: http://niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnie-jurnaly/2009/2014 (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Feshina S.S., Slavyanov A.S. Labor Migration and Problem of Innovation Development of the North-West Region of Russia. *Natsionalnye interesy: prioritety i bezopasnost* = National Interests: Priorities and Security. 2013; (24):38-43. Available at: https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=57347 (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

26. Havinson M.Yu., Kulakov M.P., Mishchuk S.N. [Forecasting the Dynamics of External Labor Migration at the Regional Level]. *Problemy prognozirovaniya* = Issues of Forecasting. 2013; (2):99-111. Available at: https://ecfor.ru/publication/prognozirovanie-dinamiki-vneshnej-trudovoj-migratsii/ (accessed 08.10.2019). (In Russ.)

27. Tsyryulnikov V.S. Pendulum Labor Migration in Context of Manpower Traffic Control: Problems and Prospects (on Moscow Region's Materials). *Upravlenie personalom i intellektualnymi resursami v Rossii* = Human Resources and Intellectual Resources Management in Russia. 2013; 2(1):52-53. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19084682 (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

28. Yurasov I.A., Luzgina O.A., Dorofeev V.D. The Structure of Labor Migration in the Regions of Russia. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki* = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2012; (4):74-79. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on10412 (accessed 08.10.2019). (In Russ.)

29. Deleva Ž. Conceptualizing Migration in Europe: Selected Theoretical Approaches. Institute of European Studies and International Relations Faculty of Social and Economic Sciences Comenius University Working Paper. 2010; (4):3-40. (In Russ.)

30. Karpova I.V. [Labor Migration and Development of Business Processes in Russia]. *Lizing* = Leasing. 2013; (4):30-41. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18867979 (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

31. Karpova I.V. Labor Migration and National business. *Lizing* = Leasing. 2011; (3):34-44. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19060446 (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

32. Vorobyova E.G., Kildyushkina I.G. Threats to the Economic Security of the Agricultural Sector of the Republic of Mordovia. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(2):246-269. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.246-269

Submitted 25.10.2019; accepted for publication 18.12.2019; published online 31.03.2020.

About the authors:

Nikolai A. Pruel, Head of the Department of Social Management and Planning, St. Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia)**,** Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1468-1145, pruijel@mail.ru

Lyudmila N. Lipatova, Professor, Department of Economics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Prospect VO, St. Petersburg 199178, Russia), Dr. Sci. (Sociology), Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9357-6708, ln.lipatova@yandex.ru

Valentina N. Gradusova, Associate Professor, Department of Management, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Prospect VO, St. Petersburg 199178, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0829-4555, vgradusova@gmail.com

Contribution of the authors:

Nikolai A. Pruel – formulation of the basic concept of the article and choice of the research methodology.

Lyudmila N. Lipatova – data collection and analysis; preparation of the initial version of the text; critical analysis and revision of the text.

Valentina N. Gradusova – data collection and analysis; visualization; computer modeling and presentation of data in the text; other computer works; revision of the text.

For citation:

Pruel N.A., Lipatova L.N., Gradusova V.N. Migration in Modern Russia: Scope, Main Directions and Problems. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(1):133-158. DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES

УДК 325.111-057.87(1-22)

http://regionsar.ru
ISSN 2587-8549 (Print)
ISSN 2413-1407 (Online)

DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183

Социологический анализ миграционных настроений выпускников сельских школ

А. А. Вяльшина* **С. Т. Дакирова**

Институт аграрных проблем Российской академии наук
(*г. Саратов, Россия*),
** anvyal@mail.ru*

Введение. Цель статьи – провести анализ миграционных настроений выпускников сельских школ Саратовской области и определить факторы, обусловившие их формирование. Исследование миграционных намерений сельской молодежи, различий в предпосылках их формирования, а также личностных характеристик молодых сельчан с разными миграционными настроениями позволит разработать эффективные механизмы предотвращения негативных тенденций.
Материалы и методы. Информационную базу исследования составляют результаты прикладного социологического исследования «Родители и дети в сельских семьях», проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2017 г. Объектом исследования являются выпускники 11 классов сельских школ Саратовской области. Основной метод исследования – анкетирование. Интерпретация полученных результатов осуществлялась с помощью пакета прикладных программ SPSS 17.0.
Результаты исследования. Миграционные намерения выпускников сельских школ, планирующих уехать работать в Москву, обусловлены высокими образовательными результатами, ориентациями на получение высшего образования, а также системой жизненных ценностей, связанной с достижением стабильности и успешности благодаря реализации способностей и поиска работы по душе. Молодые сельчане, нацеленные на переезд в город на постоянное место жительства, стремятся повысить свой социальный статус через получение образования, профессии, поиск подходящей работы и оседание в городской среде. Мотивы молодежи, планирующей вернуться в село, связаны с желанием жить в привычной для себя обстановке и близком по духу окружении, и с желанием повысить свой социальный статус через приобретение власти и сопутствующих ей атрибутов в родном селе после получения образования.

© Вяльшина А. А., Дакирова С. Т., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. В итоге можно сделать вывод о необходимости применения дифференцированного подхода к разработке инструментов нормализации демографической ситуации в сельской местности региона в зависимости от потребностей и интересов молодежи с разными миграционными намерениями. Результаты проведенного исследования позволяют глубже понять современные тенденции изменения оснований социальной мобильности сельской молодежи.

Ключевые слова: выпускники сельских школ, миграция сельской молодежи, мотивы выбора профессии, факторы жизненного успеха, образовательные стремления

Sociological Analysis of Migration Attitudes of Rural School Graduates

A. A. Vyalshina*, S. T. Dakirova
Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences
(*Saratov, Russia*),
* *anvyal@mail.ru*

Introduction. The article presents an analysis of migration attitudes of rural school graduates in the Saratov Region and reveals the factors shaping such attitudes. A study into the migration intentions of rural youth and the differences in the prerequisites for their formation, as well as into the personal characteristics of young villagers with different migration attitudes will contribute to the development of effective mechanisms to prevent negative trends.
Materials and Methods. The study based on the results of the applied sociological study "Parents and Children in Rural Families" conducted by the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences in 2017. Graduates of the 11th grade of rural schools in the Saratov Region were the object of the study. Questionnaire survey was the main research method employed. The results were interpreted using the SPSS 17.0 application software package.
Results. Migration intentions of the rural school graduates planning to leave for work in Moscow are due to high educational achievements and orientations for higher education, as well as to a set of values associated with achieving stability and success through self-fulfillment and finding an interesting job. Young villagers planning to move to the city for permanent residence seek to improve their social status through education, profession, finding a suitable job and settling in the urban environment. The motives of the young people planning to return to the village are associated with their desire to live in a familiar environment and a like-minded milieu, and to improve their social status through acquisition of power and its attendant attributes in their home village after receiving education.
Discussion and Conclusion. As a result, a conclusion can be drawn that it is necessary to adopt a differentiated approach to the development of tools for improvement of the demographic situation in the rural areas of a region, depending on the needs and interests of young people with different migration intentions. The results of the study also make it possible to better understand the current trends in the change of the causes of social mobility of rural youth.

Keywords: rural school graduates, migration of rural youth, motives for choosing a profession, factors in success in life, educational aspirations

Введение. Комплексное развитие сельских территорий в значительной степени определяется уровнем развития и качеством их человеческого капитала. Демографические особенности развития российского села уже несколько десятилетий являются серьезным ограничением воспроизводства сельского населения. Демографическая конъюнктура последних десятилетий свидетельствует о грядущем ухудшении ситуации. Образовательные ориентации и миграционные намерения сельской молодежи вносят значительный вклад в депопуляцию современного села. Сельская молодежь является стратегическим ресурсом устойчивого развития сельских территорий в связи с многообразием ее функций в обеспечении деятельности села. Она выступает в качестве субъекта преобразования социально-экономической реальности посредством реализации моделей поведения, способствующих достижению целей и задач устойчивого развития сельских территорий, или ограничивающих данные процессы. Сельская молодежь России интенсивно включается в процессы освоения моделей поведения и практик взаимодействия, свойственных индивидам эпохи глобализации. В то же время молодые сельчане взрослеют в специфических условиях российских социально-экономических, социокультурных и поведенческих трансформаций последних десятилетий. Результатом этих процессов становится изменение критериев выбора профессии, трансформация образовательных стратегий молодежи и моделей их выхода на рынок труда, преобразование моделей создания семьи и родительства, смена критериев успеха и способов его достижения. Выпускники школ и их родители оценивают профессиональное образование с точки зрения будущих результатов на рынке труда на основе соотношения затрат и будущих выгод, что приводит к выбору тех направлений обучения и трудоустройства, которые имеют более высокую отдачу в будущем. Различия в стартовых возможностях детей из семей с разным ресурсным потенциалом, обусловливающие дифференциацию образовательных и трудовых стратегий молодежи, являются фактором формирования социального неравенства и динамики социальной мобильности.

Цель статьи – анализ предпосылок (факторов) формирования миграционных намерений выпускников сельских школ и их дифференциации в зависимости от типа (переезд в город на постоянное место жительства, трудовая миграция, возвращение в родное село).

Обзор литературы. Миграция молодежи имеет огромный научный интерес по причине, с одной стороны, ее значительного распространения в связи с получением образования [1], а с другой – значительного влияния как на принимающую сторону, так и территорию, теряющую молодежь [2–4]. Решение о миграции оказывает решающее влияние на будущую жизнь самого молодого человека, во многом определяя

пространственное размещение человеческого капитала регионов [5; 6]. Эти процессы характерны для большинства развитых и развивающихся стран [7; 8].

Миграция из сельских районов в города является следствием неравенства в благосостоянии между городом и деревней и обусловлена поиском возможностей повышения собственного благополучия. Возникающие различия между городской и сельской местностью стали результатом концентрации ресурсов, активов, покупательской способности, экономической деятельности и разнообразия услуг в городских центрах, и продолжающейся деградации сельских территорий. В этих условиях большинство сельских жителей целенаправленно ориентируют своих детей на миграцию в города как рациональную стратегию конструирования будущего благополучия детей за счет максимизации использования всех возможных ресурсов [9; 10]. «Подчиненное» положение сельских жителей, «неравенство шансов»[1], плохо развитая социальная инфраструктура села, низкий уровень жизни сельского населения являются важными «выталкивающими» факторами для сельской молодежи[2] [11].

В новой экономике миграции пространственное перемещение рассматривается в качестве семейной стратегии, с помощью которой мигранты и остальные члены домохозяйства действуют коллективно не только с целью максимизации дохода, но и минимизации рисков, диверсификации дохода, снижения финансовых ограничений семьи [12]. Молодежь мигрирует по разным причинам, но преобладающим фактором является улучшение условий жизни. Большая часть молодежи мигрирует с согласия своих родителей, которые в большинстве случаев покрывают расходы на их миграцию [13–16].

В социальных науках считается, что индивидуальные траектории в значительной степени обусловлены социальным происхождением, которое служит их отправной точкой и фиксирует возможные направления траектории, равно как и позиции конечного достижения (восходящая или нисходящая). П. Бурдье считал, что траектории индивидов по их происхождению вписаны в коллективные траектории класса/слоя, которые зависят от конъюнктуры социального пространства [17]. Для объяснения влияния социального класса на миграционные намерения молодежи используется понятие габитуса (П. Бурдье), который представляет собой связующий элемент между социальным классом происхождения, социальными конструктами сельскости, а также миграционными планами и предпочтениями. Габитус объясняет социальные механизмы, лежащие

[1] Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / Д. Л. Константиновский, М. А. Абрамова, Е. Д. Вознесенская, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк, Е. С. Попова, Г. А. Чередниченко. М.: ЦСПиМ, 2015. С. 210–219.

[2] Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 2015. С. 133.

в основе оценки сельскости и отношения к ней, а также последующие решения сельской молодежи о миграции. Детство и подростковый возраст, проведенные в сельском социальном окружении, транслируются в соответствующие способы интерпретации и оценки социальной действительности. Различия в социальных классах происхождения сельской молодежи обусловливают формирование разных предпочтений на то, что предлагает село и город [18]. Несмотря на одинаковые культурные традиции в воспитании, разные социальные группы сельской молодежи по-разному воспользуются этими предложениями. Например, сельский молодой человек из семьи с высоким образовательным и социокультурным потенциалом будет с большей вероятностью считать высшее образование неотъемлемой ценностью, а также будет иметь больше шансов на успех при обучении и последующем трудоустройстве в городе, что обусловит его миграционные намерения [19]. Тем не менее социальный класс происхождения является одним из множества факторов, которые влияют, но не жестко определяют, модели миграции сельской молодежи.

Последствия внутренней миграции приводят к количественному и качественному изменению населения, нарушению демографического баланса территорий. В последнее время различные исследователи фиксируют рост миграционных настроений сельской молодежи в сторону крупных городов соседних регионов, и даже столичных агломераций. Некоторые авторы указывают, что не только сельская местность, но и города регионов теряют свою привлекательность для молодежи в качестве места постоянного жительства, удовлетворения интересов и повышения благополучия, в результате чего миграционный поток молодежи устремляется в другие регионы, крупные региональные центры и столицы [20]. Так, по мнению Н. В. Мкртчяна, «…миграция в России носит выраженный центростремительный характер, население стягивается в крупнейшие центры – Москву, Санкт-Петербург и одноименные агломерации. В пределах каждого региона население стремится в региональные столицы, представленные крупными городами, концентрирующими многие виды ресурсов. Глубинка, к которой относятся малые, средние города и сельская местность, теряет население, прежде всего, молодежь…». Его позицию подтверждает и Т. Г. Нефедова: «…процесс концентрации населения не завершен, на повестке дня – конкуренция городов за население, за молодежь…»[3].

Согласно теории трехстадийности миграционного процесса Л. Л. Рыбаковского, на начальном этапе происходит формирование миграционной подвижности индивида (или мобильности), которая представляет собой способность (готовность) к миграции в виде соот-

[3] Нефедова Т. Г., Аверкиева К. В., Махрова А. Г. Между домом и... домом: возвратная пространственная мобильность России. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

ветствующей установки[4]. Важным становится выявление предпосылок реализации (или невозможности реализации) сложившейся установки, дифференцированных в зависимости от личностных характеристик, влияния ближайшего окружения[5]. Формирование миграционных установок у сельской молодежи происходит в значительной степени под влиянием родителей, их представлений о благополучии и средствах его достижения. Успешный опыт миграции бывших односельчан также вносит вклад в желание попробовать свои силы в городе. Миграционные намерения во многом обусловливаются имеющимся у индивида опытом различных пространственных перемещений (туризм, маятниковая миграция, путешествия, поездки к родственникам), причем чем чаще индивид совершает такие поездки, тем проще ему решиться на переезд.

Важным фактором конструирования миграционных намерений является тот факт, что молодежь – это наиболее динамичная социальная группа, стремящаяся строить собственную жизнь. Молодые годы – это период поиска идентичности, интенсивной социализации, профессионального становления, устройства личной жизни. Залогом достижения успеха становится их целеустремленность, готовность к ограничениям и лишениям в процессе достижения поставленных целей, к компромиссам для успешной адаптации в новом окружении. С другой стороны, переезд на постоянное место жительства из села зависит от адаптационных возможностей молодого человека. Существенные различия в образе жизни городских и сельских жителей затрудняют адаптационный процесс[6] [21]. Сельский житель, попадая в город, должен отказаться от многих привычных поступков, действий и приспособиться к новым моделям поведения. В городе он сталкивается с иным ритмом жизни, иными отношениями живущих по соседству, их различными потребительскими и бытовыми интересами. Трудности адаптации состоят также в различиях уровней и структуры социализации личности[7]. Кроме того, значительное влияние оказывают ресурсные возможности родителей и их готовность помогать во время обучения и будущего переезда на новое место.

Исследование миграционных намерений выпускников сельских школ имеет важное значение в связи с имеющимся потенциалом миграции. При этом необходимо различать миграционные траектории молодежи как социальной группы, ориентированные на поиски лучшего жизнеустройства, и миграционные настроения выпускников школ, обуслов-

[4] Рыбаковский Л. Л. Демографический понятийный словарь. М.: Центр социолог. прогнозирования, 2003. 351 с.

[5] Чередниченко Г. А. Российская молодежь: от образования к труду. СПб., 2016.

[6] Заславская Т. И. Проблемы исследования и моделирования мобильности трудовых ресурсов. Моделирование социальных процессов. М., 1970. С. 142.

[7] Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край / под общ. ред. А. М. Сергиенко. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. 325 с.

ленные главным образом получением профессионального образования. Очевидно, что не все заявленные намерения будут реализованы. Часть опрошенных ребят передумают, другим не хватит ресурсов (желания, мотивации, денег, произойдет смена интересов, на первый план выйдут другие потребности). И только самые целеустремленные, решительные и ловкие, имеющие помощь и поддержку ближайшего окружения, смогут реализовать задуманные планы. Данный факт объясняет обращение исследовательского интереса именно на миграционные настроения, когда мы рассматриваем, с одной стороны, сформированные установки на миграцию, обусловленные сложившимися системой жизненных ценностей, потребностями, интересами и желаниями (миграционные настроения), а с другой – предполагаем наличие различных ограничений, обусловливающих реальные возможности их реализации, связанные как с личностными, так и семейными факторами.

Материалы и методы. Информационную базу исследования составляют результаты прикладного социологического исследования «Родители и дети в сельских семьях», проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2017 г. Выборка целевая, N = 370, репрезентирует генеральную совокупность по критерию окончания школы. Исследование проводилось методом анкетирования, объектом исследования являлись учащиеся 11 классов средних общеобразовательных сельских школ Саратовской области. Всего в Саратовской области в 2017 г. насчитывалось 2 199 сельских 11-классников, нами опрошено около 16,8 % из них. Выбор школ осуществлялся на основе наполняемости класса (отбирались сельские школы, имеющие на момент исследования не менее 10 учащихся 11 классов). Обработка результатов осуществлялась путем анализа многомерных распределений ответов респондентов с использованием пакета прикладных программ SPSS 17.0.

Изучение особенностей миграционных настроений выпускников сельских школ осуществляется на основе исследования системы жизненных ценностей, оценки образовательных ориентаций (желаемый уровень образования), факторов выбора профессии. Проводится анализ главных предпосылок обеспечения (реализации) миграционных настроений (факторы достижения жизненного успеха, оценка субъективного уровня успеваемости, имеющийся опыт пространственных перемещений). Выявление барьеров и ограничений позволяет оценить степень реализуемости сложившихся установок.

Основными задачами исследования стали: 1) анализ системы жизненных ценностей сельских выпускников и их различий в зависимости от типа миграционных намерений; 2) исследование образовательных ориентаций и критериев выбора профессии как главного инструмента реализации сформированных миграционных настроений; 3) анализ

факторов обеспечения миграционных намерений (субъективная оценка успеваемости респондентов, средства достижения жизненного успеха, имеющийся опыт пространственных перемещений); 4) исследование социального самочувствия респондентов через анализ барьеров и ограничений, препятствующих реализации заявленных намерений (препятствия для получения образования, страхи перед будущим, оценка личностного и социального самочувствия).

В составе респондентов были выделены три группы молодежи в соответствии со сложившимися миграционными настроениями. Типологическая группировка осуществлялась на основе анализа ответов на вопрос «Каковы ваши ближайшие жизненные планы?». Объединение в группы производилось на основе утвердительного ответа о наличии таких планов, как:

– «переехать в Саратов на постоянное место жительства» (группа ориентированных на переезд в город) (61,9 % ответивших на вопрос);

– «уехать работать в Москву или другой крупный город» (ориентированные на трудовую миграцию) (30,2 %);

– «вернуться в родное село» (ориентированные на возвращение в село) (7,9 %).

Необходимо отметить, что идентификация миграционных настроений, связанных с трудовой миграцией в Москву или другой крупный город, осуществлялась на основании субъективного мнения респондентов. Вероятно, идентификация их в проекции трудовой миграции происходит на основе будущих планов по трудоустройству после получения профессионального образования.

Дальнейший анализ проводился на основе оценки ответов респондентов в разрезе выделенных групп.

Результаты исследования. В Саратовской области длительное время наблюдается депопуляция сельского населения. Происходит снижение численности сельского население, изменение возрастно-половой структуры (постарение села), снижается рождаемость и растет миграционный отток коренных жителей села [22].

Численность сельской молодежи 16–29 лет в области с 2010 по 2018 г. сократилась на 35,1 %, ее доля в составе сельского трудоспособного населения упала с 37,2 % в 2010 г. до 29,6 % в 2018 г. (табл. 1). Кроме того, прогнозные расчеты свидетельствуют о грядущей тенденции сокращения численности сельской молодежи в среднесрочной перспективе (после 2030 г.) [23].

Результаты проведенного Институтом аграрных проблем РАН социологического исследования показывают, что на отъезд на постоянное место жительства в областной центр (г. Саратов) или столицу (г. Москву) больше ориентированы девушки, чем юноши (рисунок). Возвращение в родное село гораздо чаще планируют юноши.

Таблица 1. **Динамика численности сельского населения Саратовской области на начало года**[8]

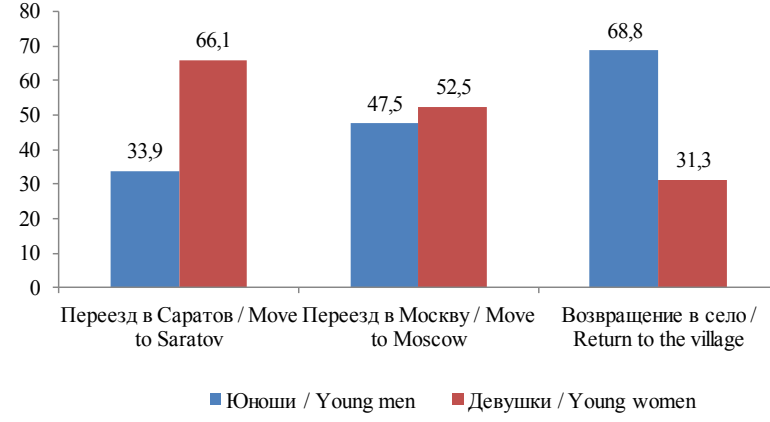
Table 1. **Dynamics of the rural population of the Saratov Region at the beginning of the year**

Показатель / Indicator	2011	2014	2016	2018
Численность сельского населения Саратовской области, чел. / Rural population of the Saratov Region, people	660 837	623 887	613 487	598 491
в том числе в трудоспособном возрасте, чел./ includingpeople of working age, people	394 004	353 773	337 833	321 063
из них молодежь 16–29 лет, чел. / of them young people of 16–29, people	146 732	113 742	104 588	95 014
Доля сельской молодежи 16–29 лет в численности сельского населения в трудоспособном возрасте, % / Share of the rural youth aged 16–29 in the rural population of working age, %	37,2	32,2	31,0	29,6
Доля сельской молодежи 16–29 лет в общей численности молодежи 16–29 лет Саратовской области, % / Share of the rural youth aged 16–29 in the total number of the youth aged 16–29 residing in the Saratov Region, %	27,0	22,7	22,6	22,6
Доля сельской молодежи 16–29 лет в общей численности трудоспособного населения Саратовской области, % / Share of the rural youth aged 16–29 in the total number of people of working age residing in the Saratov Region, %	9,3	7,8	7,4	6,9

Одними из основных факторов, определяющих формирование миграционных намерений, являются индивидуальные (личностные) качества и характеристики. В нашем исследовании анализируются система жизненных ценностей, субъективная оценка успеваемости, сфера профессиональных интересов, факторы достижения успеха, мотивы выбора профессии.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что группа сельской молодежи, планирующая переехать жить и работать в крупный город (Саратов), ориентирована на некий сложившийся в сельском сообществе стандарт, шаблон, определяющий поведение значительной части молодежи на протяжении нескольких десятилетий. Это стремление

[8] Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 (дата обращения: 13.09.2019).

Р и с у н о к. Гендерные различия миграционных намерений выпускников сельских школ (в % от числа опрошенных)

F i g u r e. Gender differences in migration intentions of rural school graduates (percentage of respondents)

повысить свой социальный статус и ожидаемый уровень жизни через получение образования, а впоследствии и работы, в городе. Вероятно, поэтому у данной группы молодежи преобладающими жизненными ценностями (ориентирами) являются жизненный успех и материальные блага (деньги). Традиционные ценности семьи, здоровья и наличия работы по душе для них находятся на среднем по выборке уровне. Для них образование является инструментальной ценностью. Планирующие уехать работать в Москву больше остальных придают значение работе по душе, реализации способностей и получению удовольствия от жизни. Ценности семьи, здоровья и даже денег для них на среднем уровне. Видимо, они планируют уехать в Москву не столько за деньгами, сколько за самореализацией и «красивой жизнью». Молодые люди, планирующие вернуться в родное село, чаще остальных ценят образование, свободу и общение с друзьями. Они желают вернуться высокообразованными в привычную для себя обстановку и близкое по духу окружение (табл. 2).

Отдельный блок анкеты был направлен на анализ образовательных ориентаций выпускников сельских школ, степень их сформированности, а также на выявление мотивов выбора профессии. Для целей данного исследования важность обращения к этой теме обусловлена тем, что миграционные настроения молодежи связаны в первую очередь с будущей трудовой деятельностью, с получением профессии, приобретением компетенций и определенного уровня квалификации.

Таблица 2. **Распределение жизненных ценностей выпускников сельских школ в зависимости от миграционных намерений (в % от ответивших на вопрос)**

Table 2. **Distribution of values of rural school graduates depending on migration intentions (percentage of respondents)**

Показатели предпочтений / Preference indicators	Планирующие переезд на постоянное место жительства в Саратов / Planning to move to a permanent place of residence in Saratov	Планирующие уехать работать в Москву (другой крупный город) / Planning to leave to work in Moscow (another major city)	Планирующие вернуться в родное село / Planning to return to the home village	Среднее значение по выборке / Sample average
Семья / Family	78,9	80,3	58,8	83,5
Здоровье / Health	54,4	53,9	52,9	58,6
Общественное признание / Public acceptance	2,7	2,6	0,0	2,3
Жизненный успех / Success in life	33,2	32,9	29,4	29,7
Деньги / Money	30,6	23,7	23,5	23,5
Реализация способностей / Self-fulfilment	16,3	22,4	17,6	16,5
Образование / Education	32,7	26,3	47,1	28,5
Работа по душе / Interesting job	24,5	36,8	23,5	25,8
Общение с друзьями / Socializing with friends	16,3	18,4	29,4	17,8
Получение удовольствия от жизни / Enjoying life	28,6	28,9	23,5	27.,5
Свобода / Freedom	13,6	15,8	17,6	14,2

Накопление и развитие индивидуального человеческого капитала идентифицируется у молодых людей в качестве основного компонента будущих жизненных планов и инструмента их реализации.

Среди выпускников сельских школ, ориентированных на трудовую миграцию, выше остальных удельный вес тех, кто на момент окончания школы полностью определился с выбором будущей профессии (56,7 % выбрали специальность, по которой планируют работать), среди них минимальные доли тех, кто еще обдумывает это решение (23,3 %). Важно отметить, что среди молодых людей, решивших переехать в областной центр, каждый третий выбрал специальность, по которой планирует учиться (но не работать в будущем). Среди лиц, планирующих вернуться в село, максимальная доля тех, кто на момент опроса (май 2017 г., последний месяц обучения в школе) не определился с выбором профессии (37,5 %). Вероятным объяснением этому является выбор так называемой выжидательной позиции, связанной с необходимостью сдачи ЕГЭ, по результатам которого и будут сделаны конкретные решающие шаги.

Выделенные группы сельских выпускников характеризуются различиями в мотивах выбора профессии. Главное в профессии, по мнению молодежи, ориентированной на работу в Москве, чтобы она могла обеспечить стабильное и успешное будущее (51,9 %) и была престижной (29,6 %). Что касается сферы профессиональных интересов, то особых пристрастий у этих молодых людей не наблюдается, немного более остальных интересны юридическое и экономическое направления. Характерными критериями привлекательности работы для них является ее престижность, возможность путешествий и обмена идеями, возможность творческого самовыражения и наличие приключений и рисков. Для каждого второго из них привлекательность профессии определяется возможностью иметь хорошие доходы.

Конечно, молодые люди, планирующие переезд в город, также выбирали профессию, руководствуясь ее престижностью и возможностью обеспечить выгоду в будущем, но среди них высока доля тех, кто руководствовался желанием стать профессионалом (выбор альтернативы «эта профессия поможет мне стать профессионалом»). Основные направления их профессиональных интересов: юридическое (27,8 %), педагогическое (24,6), экономическое (21,4) и медицинское (19,8 %). Критериями привлекательности профессии для них являются возможность самосовершенствования и самореализации, помощь другим, взаимодействие с людьми, а также стабильность и безопасность.

Лица, планирующие вернуться в село, также выбирают профессию с целью стать профессионалом своего дела, причем чаще остальных. Важными мотивами выбора профессии для них стали легкость трудоустройства и востребованность выбранной профессии на селе. Среди них

около 23,5 % респондентов указали на интерес к сельскохозяйственным профессиям, 29,4 – к инженерно-техническим, 23,6 % – к экономическим. Данный факт свидетельствует, вероятно, о значительной обусловленности их планов по возвращению в родное село наличием предполагаемых мест будущего трудоустройства. Кроме того, возможность получения профессии является для них каналом повышения индивидуального социального статуса: главной привлекательной чертой выбранной профессии они назвали деньги, наличие власти, получение независимости, разнообразие видов деятельности и многообразие задач.

Среди главных факторов жизненного успеха молодые люди, ориентированные на трудовую миграцию, чаще называют трудолюбие, целеустремленность (80,8 %) и наличие высокого уровня образования (65,8 %). На наличие стартового капитала и везение уповают менее 15,0 % опрошенных. Молодежь, планирующая переезд в город на постоянное место жительства, также считает залогом успеха образование (61,8 %) и собственные стремления, трудолюбие (79,4), однако чаще других склонна ориентироваться на активный поиск наилучшего варианта (16,8) и удачное стечение обстоятельств (20,6 %). По мнению молодежи, ориентированной на возвращение в село, главными факторами жизненного успеха являются помощь родителей и/или влиятельных родственников (37,5 %), умение налаживать нужные связи (56,3), наличие стартового капитала (25,0 %). Они гораздо меньше остальных ценят образование, трудолюбие и целеустремленность.

Нужно отметить, что ориентация выпускников сельских школ на трудовую миграцию обусловлена более высокими образовательными достижениями. Каждый третий из них учится лучше других (по субъективной оценке), 64,4 % – как остальные. 68,9 % из них хотели бы учиться в вузе, 19,2 – получить несколько образований, 6,8 % – мечтают об аспирантуре. Среди данной группы минимальные доли тех, кто считает достаточным для себя обучение в техникуме, колледже, ссузе (5,5 %). Среди выпускников, ориентированных на переезд в город, около 69,7 % учатся также, как остальные (только 25,0 % лучше других). Большинство из них (68,9 %) хотели бы обучаться в вузе (9,9 % считают достаточным для себя обучение в техникуме, колледже, ссузе, около 15,2 – хотели бы получить несколько образований, 5,2 % – мечтают об аспирантуре). Среди молодежи, планирующей вернуться в сельскую местность, минимальные среди всех групп доли тех, кто считает для себя нужным получение высшего образования (58,8 %). Около 23,6 % указывают, что им достаточно обучения в ПТУ, техникуме, колледже, ссузе; еще 5,9 % ответили, что если бы родители не настаивали, они бы вообще нигде не учились.

Формирование миграционных намерений в значительной степени обусловливает имеющийся у выпускников сельских школ опыт раз-

личных поездок, путешествий. Регулярные поездки в города и регионы страны расширяют кругозор, повышают навыки коммуникации, снижают страхи перед неизвестностью и позволяют развивать навыки адаптации к новой обстановке. Полученные результаты исследования позволяют сделать выводы, что опыт регулярных и наиболее интенсивных перемещений имеют молодые люди, ориентированные на работу в Москве. Среди них почти половина регулярно посещают различные города и другие регионы страны, 62,1 % – ездили в Москву и/или Санкт-Петербург; 58,6 – неоднократно выбирались со своей семьей или с классом на поездки по стране, около 14,3 % – несколько раз бывали за границей.

Молодежь, ориентированная на переезд в Саратов на постоянное место жительства, чаще всего имеет опыт посещения областного центра, что определяет их ощущение чего-то не такого далекого, понятного и в то же время привлекательного своим стилем жизни и возможностями, и отличающегося от известного им. Тем не менее среди них почти половина никогда не были в Москве, 71,8 % – за границей, около 43,0 % – никогда не выезжали по стране ни с родителями, ни в поездки по школьным мероприятиям.

Опыт пространственных перемещений молодых людей, решивших возвращаться в родное село, наименьший по сравнению с остальными группами молодежи. Они реже посещали областной центр, в Москве хотя бы раз были 37,5 % (никогда не ездили 56,3 %), за границей никогда не были 81,3 %. Около 62,5 % ни разу не совершали поездки по стране ни с семьей, ни с одноклассниками. Отсутствие активного опыта поездок косвенно влияет на формирование у них установок на то, что родное село – это близкое, родное, понятное и поэтому привлекательное.

Таким образом, высокие миграционные намерения выпускников сельских школ, планирующих уехать работать в Москву, обусловлены, с одной стороны, образовательными достижениями и ориентациями на получение высшего образования и даже нескольких образований, а также системой жизненных ценностей, связанных с достижением стабильности и успешности за счет реализации способностей и поиска работы по душе. Они ориентированы на трудолюбие, целеустремленность и наличие высокого уровня образования и квалификации. Желают иметь престижную работу, связанную с самосовершенствованием, творческим самовыражением, позволяющую иметь возможность путешествовать, рисковать, обмениваться идеями. Таким образом, они склонны выбирать трудовую миграцию как способ повышения социального статуса через поиск себя и самосовершенствование, основываясь на индивидуальных способностях, умениях, коммуникабельности.

Молодые сельчане, нацеленные на переезд в город на постоянное место жительства, представляют собой некий стандарт современной

сельской молодежи. Они переняли родительские установки на трудности проживания в сельской местности, на стремление получить в городе лучшие условия жизни и расширение будущих возможностей. Эти молодые люди обладают успехами в учебе и стремятся получить высшее образование как ключевое условие реализации своих планов. Однако они отличаются от лиц, ориентированных на трудовую миграцию, тем, что больше других ценят жизненный успех и, как его важный маркер, – деньги. Они выбирают профессию исходя из ее престижности (экономические, юридические, медицинские специальности), главным критерием ее выбора является обеспечение стабильности и успешности в будущем через приобщение к миру профессионалов. Главными факторами жизненного успеха считают трудолюбие, целеустремленность, образование. Они планируют переезжать в город для повышения социального статуса через получение образования, профессии, поиск подходящей работы и ассимиляцию (оседание) в городской среде.

Молодежь, планирующая вернуться в село, немногочисленна. Среди них в два раза больше юношей, чем девушек. Мотивы их возвращения связаны как с желанием жить в привычной для себя обстановке и близком по духу окружении, так и с желанием повысить свой социальный статус через приобретение власти и сопутствующих ей атрибутов в родном селе после получения образования. Характерными факторами жизненного успеха они называют коммуникабельность, умение налаживать «нужные» связи, поддержку родителей и влиятельных родственников, а также финансовую обеспеченность; они чаще остальных выбирают профессию исходя из легкости трудоустройства (не обращая внимание на собственные интересы). Конечно, большинство из них ориентированы на получение высшего образования, хотя каждый пятый считает, что достаточно и среднего профессионального образования.

Барьеры и ограничения. Анализ ограничений, препятствующих реализации намеченных миграционных планов сельских выпускников, позволяет, с одной стороны, лучше понять сельских детей и их семьи, их реальные проблемы и трудности, а с другой – обосновать механизмы минимизации этих ограничений с целью самостоятельной реализации намеченных планов. Очевидно, что у определенной части опрошенных выпускников могут быть завышены миграционные амбиции (просто мечты), не имеющие предпосылок для реализации (в первую очередь по причине отсутствия возможностей помощи со стороны родителей). С другой стороны, массовая ориентация на получение высшего образования и доступность образования дает им возможность равноправно участвовать в реализации своих путей жизнеустройства (финансово и морально).

Предполагается, что реализация образовательных стремлений является одним из главных факторов, способствующих осуществлению имеющихся

миграционных намерений. Препятствия, способные помешать получению желаемого образования, с высокой вероятностью станут ограничением для дальнейших перемещений с целью трудоустройства и проживания. Анализ образовательных барьеров операционализируется путем ответа на вопрос «Ниже перечислены факторы, которые могут препятствовать получению образования. Укажите, пожалуйста, какие из них могут мешать лично Вам». Полученные результаты свидетельствуют, что среди молодежи, ориентированной на работу в Москве, максимальная доля тех, у кого по субъективной оценке нет препятствий для получения образования – 38,0 %. Единственным значимым препятствием для них является невозможность поступить учиться туда, куда мечтал (хотел) по причине нехватки баллов по результатам сдачи ЕГЭ (43,7 %). Еще 23,9 % в качестве препятствия указали неуверенность в собственных силах. Результаты ЕГЭ как фактор ограничения образовательных стремлений называют 42,0 % выпускников, решивших переезжать в город на постоянное место жительства. Среди них около трети не уверены в собственных силах (32,8 %), еще у 17,6 % нет финансовой возможности учиться и проживать в месте обучения. Только 23,7 % указали, что у них нет препятствий для получения образования. Для выпускников, планирующих после обучения вернуться в родное село, нехватка баллов по результатам ЕГЭ также значима как следствие невозможности поступить куда хотели (41,2 %). Также для них имеют значение финансовые барьеры (23,5 %), отсутствие поблизости учебного заведения, в котором хотел бы учиться (17,6), а также тот факт, что работа, которая им нравится, малооплачиваемая (17,8 %). Среди них гораздо меньше тех, кто не уверен в собственных силах (11,8 %), и тех, у кого для образования нет препятствий (23,5 %).

Анализ будущих опасений проводился на основе оценки ответов на вопрос «Укажите, чего вы боитесь в будущем?». Полученные результаты свидетельствуют, что наибольшие опасения у выпускников сельских школ, ориентированных на трудовую миграцию, вызывает страх не реализовать свои возможности (табл. 3). Каждый второй среди них опасается неудач в жизни (не найти работу, не создать семью, болезни, несчастного случая), каждый третий – оказаться финансово несостоятельным. Около 17,8 % опасаются оказаться обманутыми, это наибольшие значения среди всех групп молодежи; 5,5 % указали на страх брать ответственность за себя и других. Выпускники сельских школ, решившие переехать в город на постоянное место жительства, чаще всего указывают на страх не реализовать свои возможности, опасения различных неудач в жизни, не оправдать возложенных родителями ожиданий. Около 35,9 % из них боятся финансовой несостоятельности, еще 8,4 % – быть непонятыми окружающими. Молодежь, решившая вернуться в родное село после получения образования, характеризуется наименьшими опасениями перед

будущим. Важно отметить, что среди них высока доля тех, кто указал на отсутствие страхов и полную уверенность в своих силах (23,5 %), а также отсутствие опасений быть обманутыми или непонятыми окружающими, что косвенно может свидетельствовать об их укорененности в сельский образ жизни, об их ощущении комфортности и безопасности в сельском окружении. Возможно, подобные факторы подсознательно обусловливают их решение о возвращении в село.

Анализ особенностей социального и личного самочувствия осуществлялся путем оценки ответов на вопрос «Как часто за последние 12 месяцев вы испытывали следующие чувства?». Социальное и личное самочувствие респондента тем лучше, чем выше доля ответивших, что редко испытывают негативные ощущения и эмоции и часто – положительные. Среди молодых людей, решивших уехать работать в Москву, максимальная доля тех, кто постоянно ощущает поддержку близких, друзей, знает, что они всегда придут на помощь (69,3 % выбрали альтернативу «часто»). Около половины из них регулярно чувствуют себя довольными от того, что дела идут как надо; еще 61,3 % за последний год ощущали гордость за собственные успехи и успехи членов своей семьи. Это максимальные значения среди всех выбранных групп молодежи. В то же время среди них 49,2 % тех, кто указал, что регулярно ощущает желание в корне изменить свою жизнь. Полученные результаты свидетельствуют о хорошем социальном самочувствии и высокой личностной достиженческой мотивации на реализацию ближайших жизненных планов у выпускников, ориентированных на работу в Москве.

С другой стороны, молодые люди, ориентированные на возвращение в родное село, характеризуются невысокими показателями социального и личностного самочувствия. Около половины из них указали, что регулярно чувствуют поддержку близких и друзей, их готовность прийти на помощь; среди них 29,4 % тех, кто за последний год часто радовался, что дела идут так, как надо. При этом среди них высока доля тех, кто постоянно чувствует неспособность влиять на происходящее вокруг (17,6 % при среднем показателе в 12,3 %), а также тех, кто часто чувствует, что никого вокруг не волнуют их мысли и чувства (29,4 % при среднем значении в 16,1 %). Около трети из них регулярно ощущали желание в корне изменить свою жизнь. Судя по полученным результатам, выпускники, решившие вернуться в родное село, характеризуются более низким социальным самочувствием с нотками обреченности, обладают невысокой мотивацией собственных усилий для изменения ситуации. Возможно, это связано с тем, что в глубине души они хотели бы другого будущего для себя, но опасаются дефицита ресурсов и возможностей для реализации таких планов. В этой ситуации возвращение в родное село – оптимальная стратегия жизнеустройства для них (наилучший вариант при минимальных издержках).

Таблица 3. **Распределение ответов выпускников сельских школ на вопрос о том, чего они боятся в будущем в зависимости от миграционных намерений (в % от числа ответивших на вопрос)**

Table 3. **Distribution of rural school graduates' answers to the question 'What do you fear about the future?', depending on the migration intentions (percentage of respondents)**

Показатели предпочтений / Preference indicators	Планирующие переезд на постоянное место жительства в Саратов / Planning to move to a permanent place of residence in Saratov	Планирующие уехать работать в Москву (другой крупный город) / Planning to leave to work in Moscow (another major city)	Планирующие вернуться в родное село / Planning to return to the home village	Среднее значение по выборке / Sample average
Оказаться обманутым / To be deceived	11,5	17,8	0,0	13,0
Не оправдать возложенных родителями ожиданий / Not to meet the parents' expectations	32,1	30,1	23,5	30,0
Быть непонятым окружающими / To be misunderstood	8,4	8,2	0,0	7,2
Брать ответственность за себя и других / To take on responsibility for oneself and others	3,1	5,5	0,0	2,9
Не реализовать свои возможности / Not to fulfill oneself	58,0	50,7	47,1	54,0
Быть финансово несостоятельным / To be financially insolvent	35,9	37,0	17,6	34,7
Неудач в жизни / To fail in life	49,6	50,5	41,2	45,2
Ничего не боюсь / I do not fear anything	10,7	13,7	23,5	12,9

Выпускники сельских школ, решившие переехать на постоянное место жительства в Саратов, занимают промежуточное положение между двумя вышеописанными группами молодежи. Их социальное самочувствие и личностные самоощущения находятся на среднем уровне. За последний год они регулярно испытывали удовлетворенность от того, что дела идут как надо; часто чувствовали поддержку близких и друзей и ощущали гордость за свои успехи и успехи своей семьи. 37,3 % из них часто чувствовали, что остается немного потерпеть и жизнь наладится. В их составе несколько выше удельный вес неуверенных в себе лиц: около 23,1 % часто чувствовали, что никого не волнует, что с ними происходит, 14,6 % – регулярно ощущают свою беспомощность что-либо изменить. Похоже, что их социальное самочувствие на среднем уровне, в то время как личностная мотивация несколько снижена.

Обсуждение и заключение. Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, подтверждается растущая тенденция формирования миграционных намерений сельской молодежи на жизнь и работу в крупных российских городах (Москве или Санкт-Петербурге). Сегодня по-прежнему преобладающей ориентацией на отъезд из родного села остается переезд в ближайший крупный город с целью обучения, последующего трудоустройства и будущей жизни на постоянной основе, но при этом все больше молодежи стремится в столицу. В значительной степени этому способствовал положительный опыт поступления в столичные вузы выпускников прошлых лет благодаря возможностям, предоставляемым процедурой ЕГЭ. Согласно данным Регионального центра оценки качества образования по Саратовской области, в 2016 г. из всех выпускников 11 классов сельских школ региона в вузы г. Москвы и г. Санкт-Петербурга поступили 4,2 % (62 чел.). Значительный вклад в формирование установок на трудовую миграцию вносит большой поток жителей области либо перебравшихся на постоянное место жительства в Москву, либо выбравших маятниковую трудовую миграцию в столицу в качестве оптимальной стратегии жизнеобеспечения.

Во-вторых, эмпирически зафиксирована немногочисленная группа сельской молодежи, ориентированной на возвращение в родное село после получения образования, и предпринята попытка описания отдельных характеристик их мировосприятия, интересов и склонностей, а также особенностей их достиженческо-мотивационной системы. В ходе исследования было выявлено, что данные планы являются результатом принятия рационального решения на основе согласования интересов детей, возможностей родителей и стремления осуществить успешную стратегию жизнеобеспечения.

В-третьих, возможности реализации выявленных миграционных намерений выпускников сельских школ зависят от личностных усилий, желаний и мотивации молодежи, от ресурсных возможностей и уровня поддержки их семей, от сложившихся социально-экономических условий и индивидуальных жизненных планов на момент принятия решения о миграции после получения образования.

Выявленные различия в моделях жизнеустройства выпускников сельских школ, подкрепленные родительскими представлениями и ресурсами, позволяют сделать вывод о значительных ограничениях будущего развития сельских территорий. Создание высокопроизводительных и хорошо оплачиваемых рабочих мест в сельской местности, удовлетворяющих запросы молодежи с разным уровнем образования, трудовыми предпочтениями и представлениями о хорошей жизни на данный момент затруднительно. В этих условиях развитие социальной инфраструктуры села, вовлечение местного бизнеса в процессы закрепления молодежи в сельской местности через стимулирование его участия в образовательной, воспитательной и трудовой социализации молодых людей является перспективным направлением комплексного развития сельских территорий. Необходимо сосредоточится на применении дифференцированного подхода к разработке инструментов нормализации демографической ситуации в сельской местности региона. Очевидно, что попытки удержать на селе молодежь, решившую жить и работать в крупных городах, окажутся бесплодными, а мероприятия – неэффективными. Важно опираться в первую очередь на потребности и интересы той молодежи, которая хотела бы вернуться в родное село, и ориентироваться на их представления о хорошей жизни.

Результаты проведенного исследования позволяют глубже понять особенности формирования предпосылок социальной мобильности сельской молодежи и выявить влияние внутренних и внешних факторов. Полученные результаты могут быть использованы для разработки инструментов комплексного развития сельских территорий и программ по оптимизации социально-демографической ситуации на селе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Smith, D. P. Youth Migration and Spaces of Education / D. P. Smith, P. Rérat, J. Sage. – DOI 10.1080/14733285.2013.871801 // Children's Geographies. – 2014. – Vol. 12, issue 1. – Pp. 1–8. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14733285.2013.871801?src=recsys (дата обращения: 13.09.2019).

2. Heckert, J. New Perspective on Youth Migration: Motives and Family Investment Pattern / J. Heckert. – DOI 10.4054/DemRes.2015.33.27 // Demographic

Research. – 2015. – Vol. 33, article 27. – Pp. 865–900. – URL: https://www.demographic-research.org/volumes/vol33/27/default.htm (дата обращения: 13.09.2019).

3. Youth and Rural Development: Evidence from 25 School-to-Work Transition Surveys / S. Elder, H. de Haas, M. Principi, K. Schewel. – Geneva : ILO, 2015. – 66 p. – URL: http://apyouthnet.ilo.org/resources/youth-and-rural-development-evidence-from-25-school-to-work-transition-surveys/at_download/file1 (дата обращения: 13.09.2019).

4. Deotti, L. Addressing Rural Youth Migration at its Root Causes: A Conceptual Framework / L. Deotti, E. Estruch ; Food and Agriculture Organization of the United Nations. – Rome, 2016. – 60 p. – URL: http://www.fao.org/3/a-i5718e.pdf (дата обращения: 13.09.2019).

5. Faggian, A. Universities, Agglomerations and Graduate Human Capital Mobility / A. Faggian, P. McCann. – DOI 10.1111/j.1467-9663.2009.00530.x // Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie. – 2009. – Vol. 100, no 2. – Pp. 210–223. – URL: https://www.researchgate.net/publication/46541401_Universities_Agglomerations_and_Graduate_Human_Capital_Mobility (дата обращения: 13.09.2019).

6. Mulder, C. H. Leaving Home for College and Gaining Independence / C. H. Mulder, W. A. V. Clark. – DOI 10.1068/a34149 // Environment and Planning A: Economy and Space. – 2002. – Vol. 34, no 6. – Pp. 981–999. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1068/a34149 (дата обращения: 13.09.2019).

7. Touray, K. S. Desertification and Youth Migration: A Global Perspective on Challenges and Opportunities. Paper Presented at the International Symposium on Desertification and Migration / K. S. Touray. – Almeria, 2006. – 11 p. – URL: http://www.sidym2006.com/imagenes/pdf/ponencias/6_s1.pdf (дата обращения: 13.09.2019).

8. Young, A. Inequality, the Urban-Rural Gap, and Migration / A. Young. – DOI 10.1093/qje/qjt025 // Quarterly Journal of Economics. – 2013. – Vol. 128, issue 4. – Pp. 1727–1785. – URL: https://academic.oup.com/qje/article/128/4/1727/1850694 (дата обращения: 13.09.2019).

9. Arslan, A. Migration, Demography, and Agri-Food Systems: Challenges and opportunities / A. Arslan, E. M. Egger, P. Winters. – DOI 10.1142/9789813278356_0003 // Agriculture and Food Systems to 2050 – Global trends, challenges and opportunities. – 2018. – Pp. 87–135. – URL: https://www.researchgate.net/publication/328987911_Migration_Demography_and_Agri-Food_Systems_Global_Trends_Challenges_and_Opportunities (дата обращения: 13.09.2019).

10. Mueller, V. Youth Migration and Labour Constraints in African Agrarian Households / V. Mueller, Ch. Doss, A. Quisumbing. – DOI 10.1080/00220388.2018.1430770 // Journal of Development Studies. – 2018. – Vol. 54, issue 5. – Pp. 875–894. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00220388.2018.1430770 (дата обращения: 13.09.2019).

11. Кованова, Е. С. Детерминанты и современные особенности трудовой миграции сельской молодежи / Е. С. Кованова, С. И. Кузин, О. А. Хохлова. – DOI 10.26425/1816-4277-2019-4-14-17 // Вестник университета. – 2019. – № 4. – С. 14–17. – URL: https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/1390 (дата обращения: 13.09.2019).

12. Youth on the Move: European Youth and Geographical Mobility / ed. by D. Cairns. – DOI 10.1007/978-3-531-92331-4. – Wiesbaden : Springer, 2010. – 112 p. – URL: https://www.springer.com/gp/book/9783531168616 (дата обращения: 13.09.2019).

13. Agesa, R. U. Migration and the Urban to Rural Earnings Difference: A Sample Selection Approach / R. U. Agesa. – DOI 10.1086/452527 // Economic Development and Cultural Change. – 2001. – Vol. 49, no. 4. – Pp. 847–865. – URL: https://www.jstor.org/stable/10.1086/452527?seq=1#metadata_info_tab_contents (дата обращения: 13.09.2019).

14. Mendola, M. Rural Out-Migration and Economic Development at Origin: A Review of the Evidence / M. Mendola. – DOI 10.1002/jid.1684 // Journal of International Development. – 2010. – Vol. 24, issue 1. – Pp. 102–122. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/jid.1684 (дата обращения: 13.09.2019).

15. De Jong, G. Expectations, Gender, and Norms in Migrant Decision-Making / G. De Jong. – DOI 10.1080/713779089 // Population Studies. – 2000. – Vol. 54, issue 3. – Pp. 307–319. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/713779089 (дата обращения: 13.09.2019).

16. Agesa, R.U. Rural to Urban Migration as a Household Decision: Evidence from Kenya / R. U. Agesa, S. Kim. – DOI 10.1111/1467-9361.00107 // Review of Development Economics. – 2001. – Vol. 5, issue 1. – Pp. 60–75. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1467-9361.00107 (дата обращения: 13.09.2019).

17. Rye, J. F. Youth Migration, Rurality and Class: A Bourdieusian Approach / J. F. Rye. – DOI 10.1177/0969776410390747 // European Urban and Regional Studies. – 2011. – Vol. 18, issue 2. – Pp. 170–183. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0969776410390747 (дата обращения: 13.09.2019).

18. Chiang, Y. Who Goes, Who Stays, and Who Studies? Gender, Migration, and Educational Decisions among Rural Youth in China / Y. Chiang, E. C. Hannum, G. Kao. – DOI 10.1163/221258612X644584 // International Journal of Chinese Education. – 2012. – Vol. 1, issue. 1. – Pp. 106–131. – URL: https://brill.com/view/journals/ijce/1/1/article-p106_7.xml (дата обращения: 13.09.2019).

19. Heckert, J. New Perspective on Youth Migration: Motives and Family Investment Patterns / J. Heckert. – DOI 10.4054/DemRes.2015.33.27 // Demographic Research. – 2015. – Vol. 33, article 37. – Pp. 765–800. – URL: http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol33/27/ (дата обращения: 13.09.2019).

20. Мкртчян, Н. В. Миграция молодежи из малых городов России / Н. В. Мкртчян. – DOI 10.14515/monitoring.2017.1.15 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 1. – С. 225–242. – URL: https://wciom.ru/books_magazines/zhurnal_monitoring/poisk_statej/search_by_param/?number=137 (дата обращения: 13.09.2019).

21. Тощенко, Ж. Т. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России / Ж. Т. Тощенко, П. П. Великий. – DOI 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33 // Мир России. – 2018. – № 1. – С. 7–33. – URL: https://mirros.hse.ru/article/view/7571 (дата обращения: 13.09.2019).

22. Блинова, Т. В. Демографические перспективы саратовского села: анализ и прогноз / Т. В. Блинова, С. Г. Былина, В. Г. Коростелев // Аграрный научный журнал. – 2017. – № 8. – С. 75–79. – URL: http://agrojr.ru/index.php/asj/article/view/172 (дата обращения: 13.09.2019).

23. Былина, С. Г. Вариативный прогноз численности молодежной группы сельского населения РФ / С. Г. Былина. – DOI 10.28983/asj.v0i4.265 // Аграрный

научный журнал. – 2018. – № 4. – С. 68–72. – URL: http://agrojr.ru/index.php/asj/article/view/265 (дата обращения: 13.09.2019).

Поступила 22.08.2019; принята к публикации 10.10.2019; опубликована онлайн 31.03.2020.

Об авторах:

Вяльшина Анна Александровна, ведущий научный сотрудник лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий Института аграрных проблем Российской академии наук (410012, Россия, г. Саратов, ул. Московская, д. 94), кандидат социологических наук, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6723-5961, Researcher ID: V-5999-2018, anvyal@mail.ru

Дакирова Светлана Тлековна, младший научный сотрудник лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий Института аграрных проблем Российской академии наук (410012, Россия, г. Саратов, ул. Московская, д. 94), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3716-3754, dakirova-ne@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Вяльшина Анна Александровна – постановка научной проблемы; разработка инструментария социологического исследования; интерпретация и анализ полученных материалов; доработка текста статьи.

Дакирова Светлана Тлековна – проведение исследования и первичная обработка полученных результатов; подготовка тематических разделов статьи.

Для цитирования:

Вяльшина, А. А. Социологический анализ миграционных настроений выпускников сельских школ / А. А. Вяльшина, С. Т. Дакирова. – DOI 10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 159–183.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Smith D.P., Rérat P., Sage J. Youth Migration and Spaces of Education. *Children's Geographies*. 2014; 12(1):1-8. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080/14733285.2013.871801

2. Heckert J. New Perspective on Youth Migration: Motives and Family Investment Pattern. *Demographic Research*. 2015; 33:865-900. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.33.27

3. Elder S., de Haas H., Principi M., Schewel K. Youth and Rural Development: Evidence from 25 School-to-Work Transition Surveys. Geneva: ILO; 2015. Available at: http://apyouthnet.ilo.org/resources/youth-and-rural-development-evidence-from-25-school-to-work-transition-surveys/at_download/file1 (accessed: 13.09.2019). (In Eng.)

4. Deotti L., Estruch E. Addressing Rural Youth Migration at Its Root Causes: A Conceptual Framework. Food and Agriculture Organization of the United Nations. 2016. Available at: http://www.fao.org/3/a-i5718e.pdf (accessed: 13.09.2019). (In Eng.)

5. Faggian A., McCann P. Universities, Agglomerations and Graduate Human Capital Mobility. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie* = Journal of Economic and Social Geography. 2009; 100(2):210-223. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-9663.2009.00530.x

6. Mulder C.H., Clark W.A.V. Leaving Home for College and Gaining Independence. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2002; 34(6):981-999. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1068/a34149

7. Touray K.S. Desertification and Youth Migration: A Global Perspective on Challenges and Opportunities. Paper presented at the International Symposium on Desertification and Migration. Almeria, 2006. Available at: http://www.sidym2006.com/imagenes/pdf/ponencias/6_s1.pdf (accessed: 13.09.2019). (In Eng.)

8. Young A. Inequality, the Urban-Rural Gap, and Migration. *Quarterly Journal of Economics*. 2013; 128(4):1727-1785. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1093/qje/qjt025

9. Arslan A., Egger E.M., Winters P. Migration, Demography, and Agri-Food Systems. In: Agriculture & Food Systems to 2050. 2018; p. 87-135. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1142/9789813278356_0003

10. Mueller V., Doss Ch., and Quisumbing A. Youth Migration and Labour Constraints in African Agrarian Households. *Journal of Development Studies*. 2018; 54(5):875-894. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080/00220388.2018.1430770

11. Kovanova E.S., Kuzin S.I., Khokhlova O.A. Determinants and Modern Peculiarities of Labor Migration of Rural Youth. *Vestnik Universiteta* = Bulletin of the University. 2019; (4):14-17. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-4-14-17

12. Cairns D., editor. Youth on the Move: European Youth and Geographical Mobility. Wiesbaden: Springer; 2010. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-92331-4

13. Agesa R.U. Migration and the Urban to Rural Earnings Difference: A Sample Selection Approach. *Economic Development and Cultural Change*. 2001; 49(4): 847-865. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1086/452527

14. Mendola M. Rural Out-Migration and Economic Development at Origin: A Review of the Evidence. *Journal of International Development*. 2012; 24(1):102-122. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1002/jid.1684

15. De Jong G. Expectations, Gender, and Norms in Migrant Decision-Making. *Population Studies*. 2000; 54(3):307-319. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080/713779089

16. Agesa R.U., Kim S. Rural to Urban Migration as a Household Decision: Evidence from Kenya. *Review of Development Economics*. 2001; 5(1):60-75. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1111/1467-9361.00107

17. Rye J. F. Youth Migration, Rurality and Class: A Bourdieusian Approach. *European Urban and Regional Studies*. 2011; 18(2):170-183. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1177/0969776410390747

18. Chiang Y., Hannum E.C., Kao G. Who Goes, Who Stays, and Who Studies? Gender, Migration, and Educational Decisions among Rural Youth in China. *International Journal of Chinese Education*. 2012; 1(1):106-131. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1163/221258612X644584

19. Heckert J. New Perspective on Youth Migration: Motives and Family Investment Patterns. *Demographic Research*. 2015; 33:765-800. (in Eng.) DOI: https://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2015.33.

20. Mkrtchan N.V. The Youth Migration from Small Towns in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i socialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2017; (1):225-242. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15

21. Toshchenko Zh.T., Velikiy P.P. The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia. *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2018; (1):7-33. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33

22. Blinova T.V., Bylina S.G., Korostelev V.G. The Demographic Prospects of Saratov's Countryside: Analysis and Projection. *Agrarnyj nauchnyj zhurnal* = The Agrarian Scientific Journal. 2017; (8):75-79. Available at: http://agrojr.ru/index.php/asj/article/view/172 (accessed: 13.09.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Bylina S.G. Forecast Prospects of the Number of the Youth Group of the Rural Population in the Russian Federation. *Agrarnyj nauchnyj zhurnal* = The Agrarian Scientific Journal. 2018; (4):68-72. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.28983/asj.v0i4.265

Submitted 22.08.2019; accepted for publication 10.10.2019; published online 31.03.2020.

About the authors:

Anna A. Vyalshina, Leading Research Officer, Laboratory for Social Development of Agriculture and Rural Areas, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences (94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6723-5961, Researcher ID: V-5999-2018, anvyal@mail.ru

Svetlana T. Dakirova, Research Assistant, Laboratory for Social Development of Agriculture and Rural Areas, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences (94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3716-3754, dakirova-ne@mail.ru

Contribution of the authors:

Anna A. Vyalshina – statement of the scientific problem; development of tools for sociological research; interpretation and analysis of the materials obtained; revision of the text of the article.

Svetlana T. Dakirova – conducting research and primary processing of the results obtained; preparation of thematic sections of the article.

For citation:

Vyalshina A.A., Dakirova S.T. Sociological Analysis of Migration Attitudes of Rural School Graduates. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(1):159-183. DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 316.35:351.765
DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.184-199
http://regionsar.ru
ISSN 2587-8549 (Print)
ISSN 2413-1407 (Online)

Социологический портрет российского зоозащитного движения

С. В. Полутин **Е. А. Самойлова***

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
** elenasamoilovakar@yandex.ru*

Введение. Становление добровольческой деятельности играет важную роль в формировании гражданского российского общества. Одним из направлений социально значимой деятельности выступает движение по защите животных. Подобные исследования имеют актуальность и практическую значимость, поскольку развитие зоозащитного движения выступает своего рода социальным маркером морально-нравственного состояния общества. Цель статьи – определить организационные формы зоозащитного движения в России, выявить мотивацию участия граждан в этой деятельности и составить социологический портрет российского зоозащитника.
Материалы и методы. В статье представлены результаты двух социологических исследований: опроса зоозащитников (2017 г.) с применением метода неформализованного гайд-интервью и онлайн-опроса участников зоозащитных групп в социальных сетях (2019 г.) с использованием метода «снежного кома».
Результаты исследования. Составлен портрет типичного представителя зоозащитного движения России. Выявлены основные достижения и проблемы российского зоозащитного движения, охарактеризован социальный состав зоозащитного движения, мотивация участия зоозащитников в добровольческой деятельности, представлена оценка уровня развития зоозащиты как в России в целом, так и в регионах проживания самих зоозащитников.
Обсуждение и заключение. Движение в защиту животных представлено на региональном и федеральном уровнях, степень его развития выступает своеобразным маркером состояния общественной морали и уровня зрелости гражданского общества. Однако эффективность зоозащитной деятельности сдерживается рядом

© Полутин С. В., Самойлова Е. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

факторов: правовых, организационно-финансовых, информационных. Преодоление данных барьеров зависит от устойчивого диалога власти и гражданского общества, прежде всего на региональном уровне. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов органами власти и добровольческими движениями для реализации гражданских инициатив, их законодательном обеспечении на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: общественное движение, защитник прав животных, движение за права животных, общество защиты животных, защитники животных, факторы формирования и барьеры развития зоозащитного движения

A Sociological Portrait of the Animal Welfare Movement in Russia

S. V. Polutin, E. A. Samoilova*
National Research Mordovia State University (*Saransk, Russia*),
* *elenasamoilovakar@yandex.ru*

Introduction. Promotion of volunteerism plays an important role in the formation of civil society in Russia. The animal welfare movement is one of the areas of such socially significant activities. Studies in this field are of relevance and practical significance, since the development of the animal welfare movement is a kind of social marker of the moral state of society. The study is aimed at identifying the organizational forms of the animal welfare movement in Russia as well as the motivation for people to participate in this activity, and at drawing up a sociological portrait of the Russian animal welfare activist.
Materials and Methods. The article presents the results of two sociological studies: a survey of animal welfare activists (2017) done using the method of informal guided (semi-structured) interviews and an online survey of members of animal welfare groups on social networks (2019) conducted using 'snowball sampling' technique.
Results. A portrait of a typical representative of the animal welfare movement in Russia has been done. The main achievements and problems of the animal welfare movement in Russia have been identified. The social composition of the animal welfare movement has been revealed as well as the activists' motivation for participation in volunteering. An assessment of the level of development of the animal welfare in Russia as a whole and in the home regions of the animal welfare activists has been presented.
Discussion and Conclusion. The animal welfare movement is represented at the regional and federal levels, the degree of its development being a certain marker of the state of public morality and the level of maturity of civil society. However, the effectiveness of animal welfare activities is constrained by a number of factors: legal, organizational, financial, and informational ones. Overcoming these barriers depends on a sustainable dialogue between the authorities and civil society, especially at the regional level. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results by the authorities and volunteer movements for the implementation of civil initiatives and their legislative support at the federal and regional levels.

Keywords: social movement, animal rights activist, animal rights movement, animal welfare society, animal welfare activists, factors in promotion and barriers to the development of the animal welfare movement

Введение. В современном российском обществе наблюдается устойчивый рост количества общественных групп граждан, защищающих свои права, занимающихся благотворительностью, выполняющих иные общественно полезные функции[1]. Одним из направлений институционализации социальной активности граждан стало движение по защите животных от жестокого обращения, которое сформировалось во многих регионах России.

Среди социальных функций зоозащитного движения, как и всей добровольческой деятельности, важнейшей является утверждение в обществе атмосферы гуманизма и милосердия. Ее реализация в России обусловлена рядом проблем:

– моральных: жестокое обращение с животными (таких случаев в последние годы было немало и именно зоозащитники инициировали их общественное обсуждение и привлечение виновных к ответственности[2]), безответственное отношение к домашним животным. Сам факт наличия бездомных животных[3] свидетельствует не только о безответственности их бывших владельцев, но и об отсутствии у большинства населения культуры гуманного обращения с животными;

– правовых: жестокое обращение с животными – следствие не только низкого уровня морально-нравственного состояния населения, но и показатель безнаказанности, отсутствия нормативных документов, регулирующих отношения человека с животными. Поэтому зоозащитники являются инициаторами законодательного процесса в сфере обращения с животными;

– экономических: помощь животным, оказавшимся на улице (через создание и содержание приютов, лечение животных, поиск потенциальных хозяев для них и др.), требует значительных финансовых средств. В России существует 412 приютов для бездомных животных и 219 пунктов передержки, расположенных в 69 регионах[4]. Этого количества явно недостаточно;

---

[1] С 2013 по 2015 год в России почти на четверть выросло число СО НКО [Электронный ресурс]. URL: https://www.asi.org.ru/news/2017/04/06/rossiya-so-nko-statistika/; Роспатриотцентр заявил об увеличении числа волонтерских движений среди молодежи в России [Электронный ресурс]. URL: https://russian.rt.com/russia/news/405567-rospatriot-centr-chislo-molodyozh-volontyory (дата обращения: 02.09.2019).

[2] «Живой больше не увидите»: Что не так с защитой животных в России [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20190923/1558850218.html; Дело хабаровских живодерок [Электронный ресурс]. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2016/10/25/56960/ (дата обращения: 20.09.2019).

[3] По данным European Society of Dog and Animal Welfare (ESDAW), в России 4 млн бездомных собак. См.: Число бездомных животных в Москве с 2012 года снизилось втрое [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/5466690 (дата обращения: 22.09.2019).

[4] В Совете Федерации подсчитали количество приютов для бездомных животных в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru/social/v-sovete-federaci-podschitali-kolichestvo-priyutov-dlya-bezdomnykh-zhivotnykh-v-rossii.html (дата обращения: 22.09.2019).

– медицинских: данная группа проблем связана с регулированием численности бездомных животных. В советское время эта проблема решалась путем их отлова и умерщвления. С 2002 по 2007 г. в России действовала программа гуманного регулирования численности животных (отлов – вакцинация – стерилизация – выпуск в прежнее место обитания). Однако она не привела к уменьшению численности бездомных животных. Зоозащитная деятельность направлена также на обеспечение безопасности соотечественников: животные, обитающие на улице, являются переносчиками многих болезней, могут нападать на людей, быть причиной дорожно-транспортных происшествий.

Российское зоозащитное движение, зародившееся в конце 1990-х гг. [1], – относительно новый элемент развивающегося в России гражданского общества, в связи с чем высокая актуальность социологического анализа его деятельности не вызывает сомнений.

Цель данной статьи – выявление особенностей функционирования зоозащитного движения, мотивации участия граждан в этой деятельности и составление социологического портрета типичного российского зоозащитника.

Обзор литературы. В зарубежной социологии зоозащитные движения являются традиционным объектом изучения. Так, общественные движения в защиту животных исследуют Л. Манро [2; 3], К. Траини [4], П. Ирвин [5] и др.

Анализируя зарубежные научные публикации, можно сделать вывод, что в европейской социологической литературе движение в защиту животных рассматривается с разных позиций: как политическое движение протестного характера – в основе кампании по защите животных лежит стратегия изменения ценностей, направленных на преобразования в обществе [4; 6–8]; как экологическое движение – зоозащитная деятельность как составляющая экологического движения в защиту флоры и фауны [2; 4; 6]; как социальное (общественное) движение – в центре внимания находится проблема жестокого обращения с животными [3–5; 9]. В качестве основополагающих тем выступает борьба с вивисекцией, эксплуатация животных в сельском хозяйстве, запрет антигуманных видов спорта с использованием животных (петушиные бои, собачьи бои и т. д.) [3].

Л. И. Левкина [10], Е. В. Реутов и соавторы [11], И. В. Троцук, К. Сохадзе [12] в своих исследованиях охарактеризовали участие граждан в общественных движениях и дали оценку факторов проявления социальной активности в современном российском обществе.

В России недавно возникшее зоозащитное движение пока малоизучено, поэтому немногие теоретические исследования на эту тему носят в основном описательный характер. Среди таких публикаций можно назвать статьи М. А. Боровика и Д. В. Михель [13], М. Горбулевой и соавторов [14],

Т. Г. Нежиной [15], С. В. Полутина, Е. А. Самойловой [16]. Так, М. А. Боровик, Д. В. Михель сравнивают историю развития движения в защиту животных в России и в Европе. Они приходят к выводу, что российское зоозащитное движение развивается, сохраняя особенности советской модели охраны природы, одновременно ориентируясь на зарубежный опыт [13]. Н. В. Левченко приводит типологизацию деятельности некоммерческих организаций, инициативных групп защиты животных, а также анализ проблем консолидации усилий зоозащиников в Российской Федерации [1].

Социологические исследования, посвященные российским зоозащитным движениям, редки. В основном подобные темы изучаются центрами измерения общественного мнения в рамках среза общественного мнения и чаще всего касаются проблем бездомных животных, например опросы «Собаки против кошек: москвичи о проблемах бездомных животных» (ВЦИОМ, 2005 г.[5]), «Россияне о домашних и бездомных животных» (Левада-центр, 2011 г.[6]), «Отношение россиян к животными "притравкам"» (Левада-центр, 2014 г.[7]), «Отношение россиян к бездомным собакам» (Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), 2013 г.[8]).

Как видим, в целом в российской социологии зоозащитные движения изучены недостаточно, поэтому существует потребность в социологическом анализе их роли и места в российском обществе, структуры, основных достижений, проблем и т. п.

Материалы и методы. Эмпирическая база исследования включает количественные и качественные методы анализа эмпирических данных. В качестве материалов использованы данные двух проведенных нами социологических исследований. Опрос «Особенности феномена зооза-щитников-волонтеров в г. Саранске» проходил в 2017 г. с применением метода неформализованного гайд-интервью; использование данного метода способствовало глубинному пониманию мотивов и мнений респондента по изучаемой теме. Опрошено 13 информантов: 12 женщин и 1 мужчина, разного уровня образования и профессиональной занято-сти; учитывалось их семейное положение и принадлежность к разным зоозащитным организациям.

---

[5] Исследование ВЦИОМ «Собаки против кошек: москвичи о проблемах бездомных животных» [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3192 (дата обращения: 22.09.2019).

[6] Исследование Левада-центра «Россияне о домашних и бездомных животных» [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3Wouy3 (дата обращения: 22.09.2019). Настоящий материал произведен и распространен иностранным агентом АНО «Левада-центр» (признан иностранным агентом 05.09.2016 решением Минюста России).

[7] Исследование Левада-центра «Отношение россиян к животным и "притравкам"» [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3Wov48 (дата обращения: 22.09.2019). Настоящий материал произведен и распространен иностранным агентом (признан иностранным агентом 05.09.2016 решением Минюста России).

[8] Исследование ФОМ «Отношение россиян к бездомным собакам» [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/obshchestvo/10784 (дата обращения: 22.09.2019).

Онлайн-опрос «Социологический портрет зоозащитных движений» был осуществлен в 2019 г. с использованием метода «снежного кома», что позволило установить доверительный контакт с респондентами, обеспечило оперативную и высокую скорость сбора данных. В качестве инструментария применялась анкета, размещенная в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте». Применена целевая, неограниченная, стихийная выборка. Главные критерии нахождения в выборке – участие в зоозащитной деятельности, членство в зоозащитной группе. Отбор участников происходил в несколько этапов: 1) с помощью администраторов групп мы публиковали в сообществе ссылку на анкету; 2) зоозащитники заполняли анкету; 3) по желанию респонденты делали репост анкеты, благодаря чему ее могли заполнить и другие зоозащитники. Так было опрошено 470 респондентов из 19 зоозащитных групп, действующих в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте» из 53 регионов России.

Результаты исследования. В процессе исследования нами были выявлены основные характеристики зоозащитного движения в России. Рассмотрим их подробнее.

Портрет типичного зоозащитника. Портрет типичного зоозащитника представляет собой замужнюю женщину (48 %) с детьми (57 %), старше 35 лет (60 %), с высшим образованием – 70 %, достаточно давно (свыше 7 лет) – 40 % и регулярно участвующую в зоозащитном движении – 59 %.

По способу попадания в ряды зоозащитников респондентов можно разделить на две группы: *идейные* (45 %), у которых желание присоединиться к зоозащитникам сформировалось давно (часто сопереживание животным воспитывалось в семье и являлось нормой) и *спонтанные* (40 %), которые попали в зоозащиту благодаря какому-то случаю помощи животным или по каким-либо личным обстоятельствам.

В нашем исследовании мы определили среднее количество участников зоозащитных групп – их число не превышает 500 чел.

Отсутствие места для личных встреч отметили 72 % опрошенных. Информанты объясняли отсутствие места для взаимодействия нехваткой финансовых средств на аренду помещения, спецификой деятельности некоторых зоозащитников (занимающихся финансовыми отчетами, временной передержкой животных и т. д.) и, соответственно, дистанционным решением организационных вопросов. Стоит отметить, что благодаря активному использованию коммуникационной стратегии в интернете наряду с традиционными системами массовых коммуникаций зоозащитники обращают внимание горожан на проблему бездомных животных, вовлекая их в процесс ее решения, тем самым увеличивая количество участников движения. Таким образом, существует ориентация на преимущественно онлайн-взаимодействие между зоозащитниками.

Руководители и члены зоозащитных групп позиционируют себя как гуманных, позитивных людей и следят, чтобы формы взаимодействия носили культурный характер. Большинство опрашиваемых (75 %) ответили, что в их группе зоозащитников существуют правила, касающиеся требований к людям, которые хотят взять животное (73), организации помощи животным (55), этических норм поведения в группе (50 %).

Наиболее развитыми направлениями зоозащитной деятельности респонденты считают защиту бездомных (48 %) и диких животных (26 %), борьбу со службами отлова бездомных животных (19 %).

Основные виды организации помощи животным. В ходе исследования были определены основные виды организации помощи животным, используемые российскими зоозащитниками: это пожертвование денежных средств, осуществление временной передержки, публикация и распространение пропагандирующих постов в социальных сетях, на сайтах о гуманном обращении с животными, подпись петиций.

Популярность благотворительности в виде пожертвований денежных средств (59 %) можно объяснить тем, что это наиболее простой способ помочь, не требующий больших усилий.

Для объяснения популярности передержки (48 %) как одного из наиболее популярных методов организации помощи животным необходимо уточнить само понятие «передержка». Передержка – предоставление животному места для проживания (в собственной квартире или доме, в пригодном для этих целей месте), кормление и уход за ним, как правило, до устройства животного на постоянное место или в оговоренное место (лечение, стерилизация и т. д.). Популярность данного вида зоозащитной деятельности может быть объяснена тем, что зоозащитники в большинстве своем достаточно эмпатийные люди, которые не могут пройти мимо животного, нуждающегося в помощи. Часто зоозащитники забирают домой такое животное, оказывают ему помощь, а затем пристраивают его.

Популярность метода публикации постов и распространения пропаганды гуманного обращения с животными (36 %) может быть объяснена тем, что зоозащитные группы часто функционируют и поддерживают связь с активистами-волонтерами при помощи социальных сетей [17]. Кто-то из родственников, друзей, взяв к себе питомца, вызвал интерес к деятельности группы помощи животным, высылая своим друзьям информационные посты группы, привлекая внимание к данной проблеме. Сначала люди смотрят страничку в социальной сети одного друга, потом второго, третьего и т. д., обращают внимание на проблему бездомных животных, тем самым продвигая и повышая популярность волонтерской зоозащитной группы. Посты в социальных сетях являются очень удобным инструментом для зоозащитников, поскольку увеличивают

степень доверия участников друг к другу. Пользователи социальных сетей видят, что за публикациями стоят живые люди, и поэтому более склонны принимать в них участие. Тем более, публикация постов и репостов на личных страничках зоозащитников не требует много сил, времени и финансовых затрат. По аналогичным причинам (отсутствие особых усилий) популярны подписи петиций в защиту животных (32 %).

Стоит отметить, что в зависимости от опыта участия в зоозащите распределение ответов на виды зоозащитной деятельности меняются: зоозащитники с опытом участия в движении от 3 лет более склонны осуществлять временную передержку животных (22 %), организовывать и помогать собирать средства на помощь животным (22 %), чем менее опытные зоозащитники.

Основные причины участия в зоозащитной деятельности. В качестве основных причин участия в зоозащитной деятельности респонденты указывали: любовь (жалость) к животным; желание сделать мир лучше, справедливее (альтруистический мотив); желание найти друзей, единомышленников с похожими идеалами (социальный мотив).

Для 85 % респондентов любовь к животным и одновременная жалость к животным, находящимся в кризисной ситуации, стали основным мотивом участия в зоозащитной деятельности. Возможно, это связано с тем, что в контингенте зоозащитников преобладают женщины, которые более чувствительны к окружающему миру. Эмпатия заставляет их действовать импульсивно при оказании помощи другим. Уровень эмпатии, которую мы способны испытывать, зависит от наших представлений о невинности пострадавшего, а так как животные не могут за себя постоять, они становятся невинными жертвами в глазах зоозащитника.

Альтруизм, мотив «хочу сделать мир лучше, справедливее» являются значимым для 52 % опрошенных участников зоозащитной деятельности. Принцип жизненной ориентации личности, основанный на заботе о благе другого человека и других людей, для альтруиста более важен, чем его собственное благо. Такой принцип экстраполируется и на животных. Например, волонтерами в организации, помогающей животным, становятся те, у кого уже есть или были домашние питомцы, и те, кто имеет опыт их содержания и ухода.

Социальный мотив – «найти друзей, единомышленников с похожими идеалами» – свойственен для 9 % респондентов. Для зоозащитника важно чувство собственной значимости, потребность быть полезным или делать что-то нужное и важное, знакомиться с новыми людьми, набираться опыта для дальнейшей деятельности и интересно проводить время.

Стоит отметить, что причины участия в зоозащитной деятельности коррелируют с семейным положением респондентов. Одинокие люди, по сравнению с состоящими в браке (0 %), более склонны участвовать

в зоозащите, чтобы занять свободное время (5 %) и повысить свою самооценку (8 %).

Достижения и проблемы функционирования российского зоозащитного движения. В рамках нашего исследования одной из главных задач было изучить достижения и проблемы функционирования российского зоозащитного движения. В процессе опроса все зоозащитники указали на равнодушие общества к проблемам защиты животных, а также на трудности по привлечению волонтеров к этой деятельности. Среди проблем, барьеров развития движения 61 % опрошенных указали на нехватку финансовых средств, 51 – на недостаточное обеспечение в региональном и российском законодательстве правовой деятельности зоозащитных организаций, 29 % – на отсутствие диалога с властными структурами. Примечательно, что на недостаточное информационное освещение проблемы защиты животных (недостаточное, некорректное освещение в СМИ) указали только 2 % респондентов.

В качестве основных достижений российских зоозащитных организаций чаще всего упоминаются: принятие закона «Об ответственном обращении с животными» (65 %), привлечение внимания общества к проблемам животных (47), увеличение количества групп в защиту животных в социальных сетях (33), увеличение численности зоозащитников (26), привлечение внимания власти к проблемам зоозащиты (24 %) и др.

Практически все зоозащитники знают о принятии закона «Об ответственном обращении с животными» (92 %), но 56 % респондентов считают, что он не будет исполняться в полной мере, поскольку в большинстве регионов отсутствуют механизмы (финансовые, организационные и др.) его реализации. Для большинства субъектов Российской Федерации данный закон не носит первостепенного значения, и его реализация возможна только в крупных финансово обеспеченных мегаполисах.

Тем не менее принятие закона в защиту животных действительно является достижением, так как кроме ст. 245 УК РФ[9], в нашей стране до недавнего времени больше не существовало никаких нормативно-правовых актов в защиту животных. Первая попытка ввести закон, защищающий животных, была предпринята в 1999 г., но проект был отклонен[10]. Только в конце 2018 г. закон был принят[11]. Этому во мно-

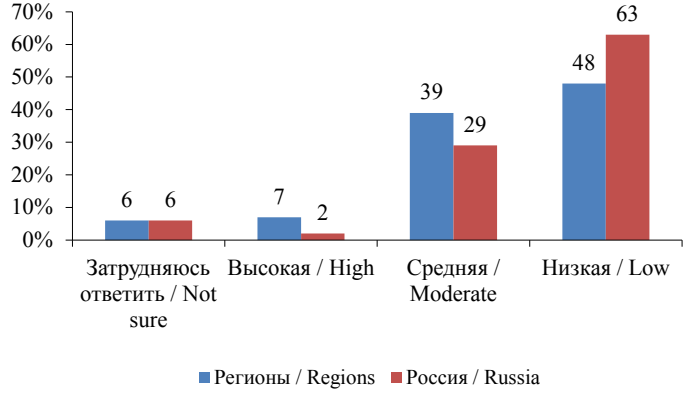
[9] Уголовный кодекс РФ. Ст. 245. Жестокое обращение с животными [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6e2829afe7edbdbbe54047b79b4784ca6cc45d53/ (дата обращения: 22.09.2019).

[10] Проект Закона «О защите животных от жестокого обращения» [Электронный ресурс] : (с изм. и доп.) // Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=2428#06219552697054684 (дата обращения: 22.09.2019).

[11] Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон [Электронный ресурс] : (с изм. и доп.) // Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/ (дата обращения: 22.09.2019).

гом способствовали многочисленные акты жестокости по отношению к животным (случай с «хабаровскими живодерками» 2016 г.[12] и т. д.) и соответствующая реакция общественности на них, а также активные действия зоозащитников (в ноябре 2017 г. группа зоозащитников устраивала голодовку у стен Государственной Думы России)[13].

Зоозащитники критически оценивают степень развития зоозащитного движения: больше половины из них (63 %) назвали низкой степень развития зоозащиты в России, 43 % считают низкой степень развития зоозащиты в собственном регионе (рисунок).

Р и с у н о к. Распределение ответов на вопросы о том, как респонденты оценивают степень развития зоозащитной деятельности в своем регионе и в России

F i g u r e. Distribution of answers to the questions about how the respondents assess the degree of the development of animal welfare activities in their home region and in Russia

Половина респондентов (52 %), участвующих в зоозащите более 3 лет, склонны говорить о среднем уровне развития зоозащитной деятельности в собственном регионе. Респонденты, участвующие в зоозащите менее 3 лет, наоборот, в своем большинстве (56 %) отмечают низкое развитие зоозащитной деятельности в своем регионе. Таким образом, с увеличением опыта участия повышается оценка уровня развития зоозащитной организации в регионе.

[12] Дело хабаровских живодерок [Электронный ресурс]. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2016/10/25/56960/ (дата обращения: 20.09.2019).

[13] Зоозащитники устроили бессрочную голодовку у стен Госдумы [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2017/11/09/zoo_golod/ (дата обращения: 20.09.2019).

Посредством опроса нами были выявлены три направления, использующие разные подходы к защите животных: *вельфаристы* (от англ. welfare – благополучие) – выступают за гуманное отношение к животным, улучшение условий их содержания, однако соглашаются, что смерть животных оправдана из-за преимуществ, получаемых людьми (например, они допускают опыты над животными или употребление в пищу животных, если нет других альтернатив); *прагматики* – считают, что животные имеют определенные моральные и юридические права; пытаются улучшить качество жизни животных; утверждают, что неправильно эксплуатировать животных, причинять животным любую боль и страдания, держать в зоопарках или использовать в большинстве (или любых) учебных или исследовательских целях; *фундаменталисты* – абсолютная защита прав животных (люди не имеют права «использовать животных для своих собственных удовольствий и целей»); подчеркивают, что жизни животных ценны сами по себе, не только из-за того, что они могут сделать для людей; боль и смерть животных от действий людей неприемлемы.

В зависимости от применяемых выше перечисленных подходов к защите животных происходит выбор различных стратегий привлечения внимания и методов достижения цели защиты животных: активизм, пропаганда, агрессивная тактика и даже радикальная, насильственная, экстремистская тактика (саботаж, поджоги, вандализм и т. д.).

В современной России также отмечается дифференциация зоозащитников. Преобладающее количество зоозащитников в России являются последователями вельфаристского подхода в защите животных, т. е. оберегают самих животных, отстаивают их благополучие. Меньшее количество зоозащитников являются последователями фундаменталисткого направления (защищают права животных).

Обсуждение и заключение. Полученное нами мнение о низком развитии зоозащиты в России коррелирует с данными рейтинга уровня развития зоозащиты 2014 г., разработанного Всемирной организацией World Animal Protection (WAP). Данной организацией составлен индекс защиты животных, в соответствии с которым уровень зоозащиты определялся от букв A до G, где A – самая высокая оценка, а G – самая низкая. Согласно индексу, на ноябрь 2014 г. в рейтинге стран по уровню зоозащиты Россия отнесена к предпоследнему уровню (F) наряду с Нигерией и Алжиром[14].

Общим для российского и мирового зоозащитного движения является условное деление по способу попадания в ряды зоозащитников: идейной и спонтанной мотивации [17].

[14] Russia. World Animal Protection [Электронный ресурс]. URL: https://api.worldanimalprotection.org/country/russia (дата обращения: 22.09.2019).

Особенностью системы российской зоозащиты являются ориентация на гуманное отношение (культуру гуманного отношения) к животным и одновременно неверие в исполнение нормативно-правовых документов, касающихся защиты животных. Российская зоозащита сосредоточена в основном на защите бездомных животных, тем более что в России в последнее время наблюдается рост количества приютов[15].

Важным стимулом развития российской зоозащитной деятельности являются резонансные события, имеющее характер моральной паники, связанные с жестоким обращением с животным[16].

Для большинства субъектов Российской Федерации исполнение нового Федерального закона «Об ответственном обращении с животными» не носит первостепенного значения из-за проблем материального, организационного характера, а также неразвитой культуры гуманного обращения с животными. По всей видимости, его реализация возможна только в крупных финансово обеспеченных мегаполисах. Необходимо отметить, что в каждом регионе есть собственная специфика развития зоозащиты, поэтому дальнейшие исследования предполагают структурный анализ российского зоозащитного движения в региональном контексте, систематизацию сложившихся институциональных практик в зоозащитной деятельности.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для установления устойчивого взаимодействия между общественными движениями и органами управления с целью формирования и реализации гражданских инициатив на региональном и федеральном уровнях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Левченко, Н. В. Российские зоозащитники: кто они и как действуют / Н. В. Левченко // Социологические исследования. – 2015. – № 2. – С. 151–155. – URL: http://socis.isras.ru/article/5150 (дата обращения: 22.09.2019).

2. Munro, L. The Animal Rights Movement in Theory and Practice: A Review of the Sociological Literature / L. Munro. – DOI 10.1111/j.1751-9020.2011.00440.x // Sociology

[15] В Москве отметили день защиты животных [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2012/10/04/sobak-site.html; В Совете Федерации подсчитали количество приютов для бездомных животных в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru/social/v-sovete-federaci-podschitali-kolichestvo-priyutov-dlya-bezdomnykh-zhivotnykh-v-rossii.html (дата обращения: 22.09.2019).

[16] Дело хабаровских живодерок [Электронный ресурс]. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2016/10/25/56960/; В российских городах увеличат число приютов к ЧМ 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://worldcup2018.tass.ru/articles/5011031; «Живой больше не увидите»: Что не так с защитой животных в России [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20190923/1558850218.html (дата обращения: 22.09.2019).

Compass. – 2012. – Vol. 6, issue 2. – Pp. 166–181. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1751-9020.2011.00440.x (дата обращения: 22.09.2019).

3. Munro, L. Strategies, Action Repertoires and DIY Activism in the Animal Rights Movement / L. Munro. – DOI 10.1080/14742830500051994 // Social Movement Studies. – 2005. – Vol. 4, issue 1. – Pp. 75–94. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14742830500051994 (дата обращения: 22.09.2019).

4. Traïni, C. The Animal Rights Atruggle: An Essay in Historical Sociology / C. Traïni. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2016. – 206 p. – URL: https://www.aup.nl/en/book/9789048527038/the-animal-rights-struggle (дата обращения: 22.09.2019).

5. Irwin, P. G. A Strategic Review of International Animal Protection / P. G. Irwin // The State of the Animals II / eds by D. J. Salem, A. N. Rowan. – Washington, DC : Humane Society Press, 2003. – Pp. 1–8. – URL: https://animalstudiesrepository.org/sota_2003/6/ (дата обращения: 22.09.2019).

6. Rodan, D. Doing Animal Welfare Activism Everyday: Questions of Identity / D. Rodan, J. Mummery. – DOI 10.1080/10304312.2016.1141868 // Journal of Media & Cultural Studies. – 2016. – Vol. 30, issue 4. – Pp. 381–396. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10304312.2016.1141868 (дата обращения: 22.09.2019).

7. Herzog Jr., H. A. The Movement is My Life: The Psychology of Animal Rights Activism / H. A. Herzog Jr. – DOI 10.1111/j.1540-4560.1993.tb00911.x // Journal of Social Issues. – 1993. – Vol. 49, no. 1. – Pp. 103–119. – URL: https://spssi.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1540-4560.1993.tb00911.x (дата обращения: 22.09.2019).

8. Herzog, H. A. Moral Emotions and Social Activism: The Case of Animal Rights / H. A. Herzog, L. L. Golden. – DOI 10.1111/j.1540-4560.2009.01610.x // Journal of Social Issues. – 2009. – Vol. 65, issue 3. – Pp. 485–498. – URL: https://www.psychologytoday.com/sites/default/files/attachments/44240/moral-emotions-and-animal-activism.pdf (дата обращения: 22.09.2019).

9. Amiot, C. E. Solidarity with Animals: Assessing a Relevant Dimension of Social Identification with Animals / C. E. Amiot, B. Bastian. – DOI 10.1371/journal.pone.0168184 // PLoS ONE. – 2017. – Vol. 12, issue 1. – Pp. 1–26. – URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0168184 (дата обращения: 22.09.2019).

10. Левкина, Л. И. Потенциал влияния «самоорганизующихся снизу» сообществ на становление гражданского общества в РФ / Л. И. Левкина. – DOI 10.14515/monitoring.2017.4.10 // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2016. – № 2 (42) – С. 118–127. – URL: http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=9769 (дата обращения: 22.09.2019).

11. Самоорганизация в локальных сообществах: практики и механизмы / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина, А. А. Турьянский. – DOI 10.14515/monitoring.2017.4.10 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 4 (140) – С. 145–164. – URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2017/140/2017_140_10_Reutov.pdf (дата обращения: 22.09.2019).

12. Троцук, И. В. Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе / И. В. Троцук, К. Г. Сохадзе // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2014. – № 4. – С. 58–74. – URL: http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6072 (дата обращения: 22.09.2019).

13. Боровик, М. А. Движения по защите животных: история, политика, практика / М. А. Боровик, Д. В. Михель // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – Т. 8, № 2. – С. 227–252. – URL: https://jsps.hse.ru/article/view/3559 (дата обращения: 22.09.2019).

14. Горбулёва М. С. Почему российские защитники животных такие и так действуют? / М. С. Горбулёва, И. В. Мелик-Гайказян, М. В. Мелик-Гайказян // Социологические исследования. – 2016. – № 4. – С. 157–158. – URL: http://socis.isras.ru/article/6158 (дата обращения: 22.09.2019).

15. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении / Т. Г. Нежина, К. А. Петухова, Н. И. Чечеткина, И. С. Миндарова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – № 3. – С. 49–71. – URL: https://vgmu.hse.ru/2014--3/134407921.html (дата обращения: 22.09.2019).

16. Полутин, С. В. Особенности формирования зооволонтерского движения: региональный аспект / С. В. Полутин, Е. А. Самойлова // SocioTime / Социальное время. – 2017. – № 2 (10). – С. 95–103. – URL: https://www.volgatech.net/sociotime/2017_(%E2%84%962).pdf (дата обращения: 22.09.2019).

17. Бареев, М. Ю. Становление зооволонтерского движения: региональный опыт / М. Ю. Бареев, Е. А. Самойлова. – DOI 10.15507/2413-1407.102.026.201801.141-154 // Регионология. – 2018. – № 1. – С. 141–154. – URL: https://regionsar.ru/ru/node/1663 (дата обращения: 22.09.2019).

Поступила 24.10.2019; принята к публикации 18.12.2019; опубликована онлайн 31.03.2020.

Об авторах:

Полутин Сергей Викторович, директор НИИ регионологии, заведующий кафедрой социологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1), доктор социологических наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0399-4154, polutin.sergei@yandex.ru

Самойлова Елена Андреевна, аспирант кафедры социологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1), ORCID: http://orcid.org/0000-0002-5393-6027, elenasamoilovakar@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Полутин Сергей Викторович – постановка научной проблемы исследования и определение основных направлений ее решения; структурирование и анализ данных.

Самойлова Елена Андреевна – сбор материалов и инициация исследования; определение методологии исследования; подготовка начального варианта текста с последующей доработкой.

Для цитирования:

Полутин, С. В. Социологический портрет российского зоозащитного движения / С. В. Полутин, Е. А. Самойлова. – DOI 10.15507/2413-1407.110.028.202001.184-199 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 184–199.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Levchenko N.V. Russian Animal Protectors: Who are they and how they Act? *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2015; (2):151-155. Available at: http://socis.isras.ru/article/5150 (accessed 22.09.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Munro L. The Animal Rights Movement in Theory and Practice: A Review of the Sociological Literature. *Sociology Compass.* 2012; 6(2):166-181. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2011.00440.x

3. Munro L. Strategies, Action Repertoires and DIY Activism in the Animal Rights Movement. *Social Movement Studies.* 2005; 4(1):75-94. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080/14742830500051994

4. Traïni C. The Animal Rights Struggle: An Essay in Historical Sociology. Amsterdam: Amsterdam University Press; 2016. Available at: https://www.aup.nl/en/book/9789048527038/the-animal-rights-struggle (accessed 22.09.2019). (In Eng.)

5. Irwin P.G. A Strategic Review of International Animal Protection. In: D.J. Salem & A.N. Rowan (Eds.). The State of the Animals II. Washington, DC: Humane Society Press; 2003. p. 1-8. Available at: https://animalstudiesrepository.org/sota_2003/6/ (accessed 22.09.2019). (In Eng.)

6. Rodan D., Mummery J. Doing Animal Welfare Activism Everyday: Questions of Identity. *Journal of Media & Cultural Studies.* 2016; 30(4):381-396. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1080/10304312.2016.1141868

7. Herzog Jr. H.A. "The Movement Is My Life": The Psychology of Animal Rights Activism. *Journal of Social Issues*. 1993. 49(1):103-119. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1993.tb00911.x

8. Herzog H.A., Golden L.L. Moral Emotions and Social Activism: The case of Animal Rights. *Journal of Social Issues*. 2009; 65(3):485-498. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2009.01610.x

9. Amiot C.E., Bastian B. Solidarity with Animals: Assessing a Relevant Dimension of Social Identification with Animals. *PLoS ONE.* 2017; 12(1):1-26. DOI: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0168184

10. Levkina L.I. The Potential of the Impact of "Grassroots Self-Organizing"Communities on the Development of Civil Society in Russia. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki* = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences. 2016; (2):118-127. Available at: http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=9769 (accessed 22.09.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V., Turyansky A.A. Self-Organization in Local Communities: Practices and Mechanisms. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2017; (4):145-164. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.10

12. Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. Social Activity of the Youth: Approaches to the Assessment of Forms, Motives and Factors in the Contemporary Russian Society // *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* = RUDN Journal of Sociology. 2014; (4):58-74. Available at: http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6072 (accessed 22.09.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Borovik M.A., Mikhel D.V. [Animal Welfare Movements: History, Policies, Practice]. *Zhurnal issledovanij sotsialnoj politiki* = Journal of Social Policy Studies. 2010; 8(2):227-252. Available at: https://jsps.hse.ru/article/view/3559 (accessed 22.09.2019). (In Russ.)

14. Gorbuleva M.S., Melik-Gaikazyan I.V., Melik-Gaikazyan M.V. [Why do Russian Animal Advocates Act this Way?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2016; (4):157-158. Available at: http://socis.isras.ru/article/6158 (accessed 22.09.2019). (In Russ.)

15. Nezhina T.G., Petukhova K.A., Chechetkina N.I., Mindarova I.S. Motivation of Youth Participation in the Volunteer Movement. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* = Public Administration Issues. 2014; (3):49-71. Available at: https://vgmu.hse.ru/en/2014--3/134407921.html (accessed 22.09.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

16. Polutin S.V., Samoylova E.A. Features of Formation of Zoovolunteer Movements: Regional Aspect. *SocioTime / Sotsialnoe vremya* = SocioTime. 2017; (2):95-103. Available at: https://www.volgatech.net/sociotime/2017_(%E2%84%962).pdf (accessed 22.09.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

17. Bareev M.Yu., Samoilova E.A. Development of Animal Rights Volunteer Movement: Regional Experience. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(1):141-154. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.102.026.201801.141-154

Submitted 24.10.2019; accepted for publication 18.12.2019; published online 31.03.2020.

About the authors:

Sergey V. Polutin, Director of Research Institute of Regionology, Head of Department, Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0399-4154, polutin.sergei@yandex.ru

Elena A. Samoilova, Postgraduate, Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), ORCID: http://orcid.org/0000-0002-5393-6027, elenasamoilovakar@yandex.ru

Contribution of the authors:

Sergey V. Polutin – statement of the research problem and identification of the main ways to solve it; data structuring and analysis.

Elena A. Samoilova – collection of materials and initiation of the study; choice of research methodology; preparation of the initial version of the text with subsequent revision.

For citation:

Polutin S.V., Samoilova E.A. A Sociological Portrait of the Animal Welfare Movement in Russia. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(1):184-199. DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.184-199

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» принимает не опубликованные ранее оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

1) Введение (Introduction);
2) Материалы и методы (Materials and Methods);
3) Результаты исследования (Results);
4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему

для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках*. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешение не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.100–2018). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10х15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей (срок действия рецензии – 1 год). Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Электронные версии статей размещаются на сайте Научной электронной библиотеки. Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» – 73335.

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.
Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.
Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies journal accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

1) Introduction;
2) Materials and Methods;
3) Results;
4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format

with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.100–2018* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *jpg or *tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa (a review stays valid for 1 year). On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

Electronic copies of the journal with full text of the articles in PDF are in free access at the website of Academic Electronic Library. The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index in the catalogue of the agency of *Rospechat* is 73335.

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.
Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.
Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *А. С. Полутина*.
Перевод *А. В. Пузакова*.
Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» – 73335.
Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 11.03.2020. Дата выхода в свет 31.03.2020. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,85. Тираж 1 000 экз. I завод – 250 экз. Заказ № 675. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
http://regionsar.ru

Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»)

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing by *A. S. Polutin*.
Translation by *A. V. Puzakov*.
Sub-editor *E. P. Gordina*.
Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index in the catalogue of *Rospechat Agency*: 73335.
The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016

Signed to print 11.03.2020. Date of publishing 31.03.2020. Sheet size 60×84 1/16. Conventional printed sheets 11.85. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 675. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
http://regionsar.ru

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia (Publishing House of National Research Mordovia State University)

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.